Эта дерзкая, брутальная, блестящая политическая авантюра придется по вкусу поклонникам «Игры престолов» и «Дюны».

Booklist

ВСЕПОГЛОЩАЮЩИЙ ОГОНЬ

Лауреат премии «Локус» за лучший научно-фантастический роман
Финалист премии «Хьюго» в номинации «Лучший роман»

ДЖОН СКАЛЬЦИ

Всепоглощающий огонь
Джон Скальци

Аннотация
Джон Скальци. Всепоглощающий огонь
Пролог
Часть первая
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Часть вторая
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

Глава 18
Часть третья
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Разрушение Потока, природного феномена, без которого невозможно путешествовать по Вселенной, привело к тому, что планету Край полностью отрезало от Ядра, центральной планеты Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий. Та же участь ждет и другие обитаемые миры. Сможет ли человечество выжить, если миры будут изолированы друг от друга? Для ответа на этот вопрос группа ученых-физиков в сопровождении вооруженной охраны отправляется на Даласислу, планету, отсеченную от Потока несколько столетий назад, но по неизвестным причинам ставшую вновь доступной.

«Всепоглощающий огонь» – продолжение новой масштабной космооперы от одного из ярчайших на сегодняшний день мастеров мировой фантастики.

Джон Скальци
Всепоглощающий огонь

John Scalzi
THE CONSUMING FIRE

Copyright © John Scalzi, 2018
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Кирилла Плешкова

Серия «Звезды новой фантастики»
Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой

© К. П. Плешков, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Мег Франк и Джеси Липп

Пролог

Много лет спустя Ленсон Орнилл с иронией вспоминал, что и начало, и конец того временно́го промежутка, когда он считал себя религиозным человеком, были обозначены одним конкретным изречением.

— Зашибись, твою мать! — сказала Гонре Орнилл своему мужу Тансу на мостике их корабля, носившего имя «Мы всегда были против».

Танс оторвался от своей рабочей станции, на которой обучал их одиннадцатилетнего сына Ленсона нюансам управления энергосистемой корабля.

— Что такое? — спросил он.

— Помнишь имперский корабль, который не стал нас догонять?

— Угу.

— Теперь он нас преследует.

Ленсон увидел, как его отец, нахмурившись, стирает с экрана программу управления энергосистемой и вызывает навигационный экран. На экране появились траектории всех кораблей

между базой Кумаси и отмелью Потока, который должен был доставить «Против», после пяти недель пути, к Джокьякарте — следующему пункту назначения. Большинство кораблей были торговыми, как и «Против», а еще два — кораблями имперского флота. Один из них, «Оливир Брансид», только что лег на курс, который примерно через шесть часов должен был пересечься с курсом «Против», незадолго до того, как тот окажется у отмели.

— Я думал, мы в расчете, — сказал Танс жене.

— Мы действительно в расчете, — ответила Гонре.

Танс показал на экран, словно говоря: «Как видишь, явно нет».

— Мы в расчете, — покачав головой, повторила Гонре.

— На флоте новый командующий, — сказала связист Генаро Партридж, член команды «Против». — Я слышала, как Самхир говорил в кают-компании: мол, его об этом предупреждали, когда мы занимались погрузкой.

— И ты говоришь нам только теперь? — спросил Танс у Партридж.

— Извините. У нас был разговор в кают-компании. Я думала, Самхир вам рассказал.

— Я собирался вам рассказать, — сообщил три минуты спустя главный казначей корабля Самхир Гхан, поспешно появившийся на мостике. Ленсон, глядя на слегка запыхавшегося Гхана, понял, что еще немного — и его отец утратит свою репутацию великого капитана. — Извините. Мы были заняты погрузкой.

— Так расскажи сейчас, — велел Танс.

— Нового командующего флотом зовут Уитт. По всем признакам — тот еще жадина и придурок. Его перевели с Ядра — переспал с женой не того, кого следовало. Теперь он пытается вернуться и навести тут порядок. А значит, чтобы выслужиться, он готов нарушить давно устоявшуюся практику.

Танс нахмурился. Одиннадцатилетний Ленсон не знал во всех деталях, чем занимается отец, но уже понимал, что отцу нужны «хорошие отношения» с местными и имперскими правоохранительными органами в системах, куда путешествовал «Против». С этим была сопряжена и «устоявшаяся практика»: как недавно обнаружил Ленсон, она заключалась в том, чтобы снабжать некоторых людей деньгами и прочими желанными вещами не вполне законным способом.

Ленсона это не слишком волновало: по своему малолетству он верил, что родители делают все правильно по определению, и совсем не хотел вникать в подробности их работы.

— Кто тебе рассказал? — спросила Гонре у Гхана.

— Сайбел Таккат, — ответил Гхан. — Моя подруга с «Фенома». — Гхан имела в виду «Феноменальный вид», с которым они делили грузовой отсек на торговой базе Кумаси. Нередко небольшие корабли вроде «Против» и «Фенома» совместно нанимали грузовой отсек на станции, чтобы сэкономить деньги. Иногда во время погрузки и выгрузки возникала путаница и часть товара с одного корабля случайно оказывалась на другом. У Ленсона вдруг возникли подозрения, что и это часть устоявшейся практики. — Один из ее флотских клиентов отказался принять плату, сказав, что за ним слишком пристально наблюдают люди Уитта.

— Мы могли бы воспользоваться этой информацией раньше, — заметила Гонре.

— Извините, — повторил Гхан. — Я собирался вам рассказать. Я решил, будто Сайбел имеет в виду, что с взятками стали всерьез бороться, и нам придется теперь действовать не столь

откровенно. Но я не думал, что имелось в виду преследование нас до самой отмели Потока.

Танс перевел взгляд на Партридж:

— С того флотского корабля что-нибудь слышно?

— Нет, они не выходят с нами на связь, — ответила Партридж. — Просто идут наперехват.

— Мы не развили полную мощность, — сказала Гонре мужу. — Можем и уйти от него.

— Нет, — покачал головой Танс, наблюдая на экране за «Брансидом». — Это большой корабль с огромной массой. Он медленнее набирает скорость, но потом движется быстрее нас. Если мы сейчас обратимся в бегство, они нагонят нас прежде, чем мы доберемся до отмели.

— Если они поймают нас с данным конкретным грузом, нам всем полный песец, — сказал Гхан и тут же вспомнил, к кому он обращается. — Э… сэр.

Танс лишь рассеянно кивнул в ответ, и его пальцы заплясали по клавиатуре. Ленсон увидел, что его отец рассчитывает траектории «Против» и «Брансида». Он не мог уловить всех подробностей, но услышал, как Танс удовлетворенно что-то проворчал. Затем капитан посмотрел на сына.

— Знаешь, чем я сейчас занимаюсь? — спросил он Ленсона.

— Нет, — ответил тот.

— Догадайся.

— Пытаешься ускользнуть от имперского корабля?

— Верно, — кивнул Танс. — И знаешь, как именно? Я уже говорил, что, если мы сейчас ускоримся, они нас нагонят.

— Не знаю, — ответил Ленсон.

— Ну же, пошевели мозгами, Лен.

Ленсон задумался.

— Ты просто выжидаешь, — наконец сказал он, надеясь, что о дальнейшем отец расспрашивать не станет: если честно, Ленсон понятия не имел, что будет дальше.

— Именно! — сказал Танс. — Существует момент времени, после которого мы сможем на полной скорости добраться до отмели Потока, а флотский корабль не перехватит нас, даже если сам разгонится до предела. И он отстоит, — Танс бросил взгляд на Гонре, — на четыре часа шестнадцать минут от нынешнего момента.

— Если только «Брансид» не начнет разгоняться раньше, — заметила Гонре.

— Да.

— И если наши двигатели выдержат полную нагрузку в течение трех часов пути до отмели.

— Да.

— И если выдержат наши пресс-поля, чтобы мы не превратились в студень от постоянной перегрузки.

— Да, — раздраженно бросил Танс.

— И если они не попытаются выпустить нам в хвост ракету.

— Мать твою, Гонре… — проговорил Танс.

— Просто хочу сказать: пока не очень-то радуйся, — заключила Гонре и повернулась к сыну. — А ты отправляйся к себе в каюту. У нас и без тебя много дел до отмели.

— В каюте мне нечем заняться, — пожаловался Ленсон.

— Занятие для тебя точно найдется. И оно называется «учеба».

Издав стон, Ленсон поплелся к себе в каюту: размером с чулан для швабр, она являлась вторым по роскошеству жилым помещением на корабле после каюты его родителей, размером с два чулана. В каюте Ленсон включил планшет и, вместо учебы, пару часов смотрел мультики, пока те внезапно не исчезли с экрана, сменившись образовательными материалами. Ленсон

снова застонал, сердясь на мать, — несмотря на занятость, та все же нашла время проверить, что он смотрит, — и с неохотой принялся за чтение по религии, про Рахелу-пророчицу, первую главу и первую импере Взаимозависимости.

Ленсон учился довольно лениво, а уроки религии казались ему самыми скучными из всех. Ни он, ни его родители не отличались религиозностью, следуя догматам церкви Взаимозависимости не больше, чем любой другой. Сами Орниллы не выступали против церкви и религии как таковой — Ленсон знал, что некоторые из членов команды «Против» исповедовали свою веру и родителей это нисколько не волновало. Они просто не придавали вере никакого значения, и сыну передалось их безразличие.

В одном можно было не сомневаться: Орниллы не принимали никакого участия в делах церкви Взаимозависимости. Ленсон знал о существовании других религий, но очень мало: нельзя было даже утверждать, что он их отвергает или не принимает. Такой вопрос для него просто не стоял.

А о церкви Взаимозависимости он знал хоть что-то. Одно из преимуществ официальной религии Взаимозависимости заключалось в том, что информация о ней была обязательной для

усвоения каждым ребенком в империи как часть образовательной программы. Про церковь Взаимозависимости и пророчицу-импер Рахелу знал каждый, и не важно, верил он в это или нет, интересовался этим или нет.

И еще Орниллы праздновали День импер, привязанный ко дню рождения Рахелы по стандартному календарю, — он был, как и для остальных, поводом подольше поспать, обменяться подарками и наесться от пуза.

К несчастью для Ленсона, сейчас в его учебных материалах ничего не говорилось о Дне импер, подарках и вкусной еде. Там обсуждались пророчества Рахелы, предсказания, подтолкнувшие отдельные системы с человеческими поселениями к объединению в империю, известную под названием Взаимозависимость, и позволившие создать экономические, законодательные и общественные структуры, продолжавшие существовать во Взаимозависимости уже более тысячи лет.

Все это казалось Ленсону чертовски скучным — не только потому, что авторы учебников, рассчитанных на читателей в возрасте от десяти до двенадцати лет, не слишком углублялись в сущность пророчеств или их воздействия,

предпочитая простые описательные фразы, не оставлявшие места для интерпретаций и споров (хотя Ленсон, не особо выдающийся ученик, все равно не стал бы в них участвовать), но еще и потому, что во время чтения возникало смутное чувство, которое Ленсон вряд ли смог бы описать словами, даже если бы попытался.

А если бы попытался, получилось бы примерно следующее: «Эй, а ведь что получается — целая система общественных, политических и экономических отношений построена на туманных словах одной женщины, заявившей, будто на нее снизошло Божественное откровение? Не слишком-то умно, знаете ли».

Все потому, что Ленсон, как и его родители, был человеком практичным, которого мало интересовали духовные, телеологические или эсхатологические вопросы. Вышеизложенное и впрямь внушало ему беспокойство — словно откусываешь от пирога и ощущаешь странный привкус, который ты не можешь точно определить, но наверняка знаешь, что вот этот пирог иметь его не должен. Ты начинаешь сомневаться, хочется ли тебе его съесть, но выплюнуть неудобно, и ты просто проглатываешь кусок, накрываешь остаток пирога салфеткой и пыта-

ешься вернуться к своим делам.

Чтение пророчеств вызывало у Ленсона точно такое же неясное чувство недовольства, смешанное со скукой, и он поступил единственным логичным образом — заснул с планшетом в руке. План выглядел превосходно, но внезапно «Против» покачнулся, сбросив Ленсона с койки, и в каюту ворвался ревущий ветер, принявшись высасывать из нее воздух, пока дверь в каюту с грохотом не закрылась.

Лежа на полу, Ленсон тяжело дышал, пытаясь понять, что произошло, и прислушивался к раздававшемуся в нескольких местах пронзительному свисту. Дверь захлопнулась, но не полностью; и хотя воздуховоды в каюте отключились, когда поток устремился в обратную сторону, воздух все же утекал через мелкие щели в уплотнениях.

Ленсону, выросшему на космическом корабле, не надо было объяснять, что означает этот свист. Подойдя к двери, он как следует закрыл ее и запер — теперь утечка происходила только через воздуховоды. К несчастью, до них было не добраться, поскольку они располагались внутри стен корабля.

Звякнул планшет. Ответив, Ленсон услышал на другом конце голос матери. Несколько секунд она

рыдала от счастья — сын жив! — а затем поведала ему, что случилось:

— Эти долбаные засранцы стреляли в нас. — Такое ругательство от матери Ленсон слышал впервые. — Они не смогли нас догнать, а мы не отвечали на их вызовы, поэтому перед нашим входом в Поток они выпустили по нам три ракеты. Наша защита остановила их, но одна взорвалась слишком близко, и ее осколки пробили корпус около тебя. Мы перекрыли эти части корабля, но есть проблема.

— Какая? — спросил Ленсон.

— Мы в Потоке, — ответила Гонре. — Нужно вести себя осторожно, чтобы не повредить пространственно-временной пузырь вокруг корабля. Если мы повредим его слишком сильно, могут быть неприятности для всех.

Ленсон понимал, что мать преуменьшает опасность. Поток походил на реку, по которой корабли путешествовали между звездными системами, причем намного быстрее, чем в обычном космосе, где они не могли превысить скорость света. Но, напоминая реку, Поток не являлся ею — это была внепространственная сущность, при непосредственном контакте с которой материя просто исчезала. Путешествующим в Потоке кораблям

приходилось создавать энергетический пузырь, забиравший с собой частицу пространства-времени, что позволяло им существовать внутри Потока. При лопании пузыря гибло все, что в нем находилось.

— Нам просто придется быть осторожнее, пока мы будем до тебя добираться, а потом — чинить корабль, — закончила Гонре.

— Мам, у меня воздух утекает, — сказал Ленсон и тут же услышал ее судорожный вздох.

— Сильно? — спросила она.

— Сейчас совсем чуть-чуть. Сперва утекло много, но потом дверь закрылась, и я ее запер. Но все равно уходит через воздуховод.

Гонре на мгновение отвернулась от планшета, крикнув что-то кому-то на мостике, и снова повернулась к сыну.

— Первым делом займемся его ремонтом, — сказала она. — И дадим тебе побольше воздуха.

— Это надолго? — спросил Ленсон.

— Ненадолго, — пообещала Гонре. — Тебе же хватит мужества?

— Конечно, — ответил Ленсон.

Но по прошествии двух часов, когда воздух заметно разредился, мужество оставило Ленсона, и он расплакался. Через три часа у него началась

настоящая паника, и Тансу Орниллу пришлось приложить немало усилий, чтобы его сын не так активно расходовал истощающийся запас кислорода.

Через четыре часа Ленсон впервые в жизни помолился пророчице Рахеле.

Через пять часов она явилась к нему сама.

Ленсон взглянул на безмятежную, спокойную улыбку пророчицы — вопреки многовековым традициям религиозной иконографии, согласно которой боги, богини и пророки в лучшем случае могли лишь бесстрастно изгибать губы. Улыбка успокаивала и согревала.

— Мне страшно, — признался Ленсон пророчице.

Та снова улыбнулась, и эта улыбка придала ему больше уверенности, чем если бы прозвучали слова. Ему казалось — и в тот миг у него не было сомнений, — что она пришла из-за его молитв, ради него одного и ее присутствие доказывает, что он, Ленсон Орнилл, останется жив и, более того, ему суждены великие свершения.

Именно тогда, молча лежа в своей каюте, глядя на пророчицу и медленно моргая, Ленсон Орнилл решил посвятить свою жизнь церкви Взаимозависимости.

Мгновение спустя лязгнули заслонки воздуховодов, наполняя кабину воздухом. Глотая сладкий кислород и содрогаясь в религиозном экстазе, Ленсон Орнилл лишился чувств.

— Похоже на классическое кислородное голодание, — сказал вечером сыну Танс Орнилл в маленьком корабельном лазарете. Танс первым вошел в каюту Ленсона, и его ужас отступил, когда он услышал храп спящего мальчика. Проснувшись в лазарете, Ленсон тотчас же рассказал родителям о чудесной гостье. — Тебе не хватало кислорода, а перед аварией ты читал о пророчице. Ясно, почему она возникла в твоих галлюцинациях.

Ленсон посмотрел на отца и мать, которые склонились над его койкой, безмерно радуясь тому, что сын жив, и понял, что они никогда не оценят и не осознают этого откровения. Решив избавить их от лишних проблем — что показалось ему тогда достаточно взрослым поступком, — он согласно кивнул, и разговор перешел на негодяя Уитта, которому они поклялись отомстить, — намного позже Ленсон узнал, что тот оказался по другую сторону шлюза примерно через год после атаки на «Против». По слухам, Уитт снова переспал с женой кого-то не того, но Ленсон полагал,

что были и другие причины и его родители могли иметь отношение к этому, а могли и не иметь.

Однако к тому времени, когда Ленсон наконец услышал о безвременной встрече Уитта с холодным и темным космическим вакуумом, его уже не было на «Против» — он учился в семинарии при Университете Сианя, лучшем учебном заведении церкви Взаимозависимости. Поначалу он вызывал любопытство у других семинаристов из-за того, что вырос на космическом корабле, а потом — из-за явления пророчицы.

— Похоже на кислородное голодание, — сказал ему первокурсник Нед Хли, его сосед по комнате в общежитии, во время ночных посиделок в мужской компании. Глотнув фрадо, алкогольного напитка с легким психотропным действием, он вручил бутылку Ленсону.

— Ничего подобного, — возразил Ленсон, взяв фрадо и тут же передав его направо.

— Но ведь ты и вправду задыхался? — спросил Сура Джимм, другой его сосед, беря бутылку. — Твой корабль получил пробоину. Из твоей каюты несколько часов уходил воздух.

— Да, — кивнул Ленсон. — Но вряд ли я увидел ее из-за этого.

— Наверняка из-за этого, — сказал Хли, забирая

фрадо у Джимма.

— Так, значит, никому из вас не являлась Рахела? — в замешательстве спросил Ленсон.

— Не-а, — ответил Хли. — Мне как-то привиделся ящер, но я тогда здорово надрался.

— Это не то же самое, — заметил Ленсон.

— Примерно то же самое. — Хли снова отхлебнул из бутылки. — Еще пара глотков этого пойла — и я, пожалуй, снова его увижу.

Ленсон решил, что в этом отношении на приятелей полагаться не стоит — как и на большинство других семинаристов, что выяснилось позже. Все они были приятными людьми умеренных взглядов, способными к состраданию, но никто из них не терял связи с реальностью, не испытывал подлинной, подобной экстазу религиозной страсти — не важно, к Рахеле или к кому-нибудь еще.

— Церковь Взаимозависимости исповедует очень практичную религию, — сказала Ленсону куратор его курса Хуна Прин на одной из первых встреч, когда он решил, что ему нужно духовное руководство в этом вопросе. Как показалось ему, Прин могла его выслушать и дать дельный совет. — Она не содержит ничего мистического ни в догматах, ни в повседневной практике. По своей сути она ближе к конфуцианству, чем к

христианству.

— Но ведь у самой Рахелы были видения, — возразил Ленсон, показывая случайно взятую с собой книгу Коваля «Пророчества Рахелы с комментариями».

— Да, были, — согласилась Прин. — И конечно же, один из главных споров внутри церкви касается природы этих видений. Что это — настоящее общение с Божественной сущностью или всего лишь «видения»? — (Ленсон буквально почувствовал стоящие вокруг слова кавычки.) — Возможно, это притчи, рассказанные для того, чтобы разделенное человечество поняло необходимость новой этики, призывающей к сотрудничеству и взаимозависимости в невиданных прежде масштабах.

— Яростные дебаты на эту тему продолжались в течение всей истории церкви, — кивнул Ленсон, цитируя текст из учебника, прочитанного еще в детстве и представляя, как выдающиеся древние теологи сражаются друг с другом за душу церкви.

— Ну, «яростные» — это сильно сказано, — заметила Прин. — Кажется, во время Пятого церковного собора епископ Чэнь швырнула чашку чая в епископа Джанни, но не столько из-за спора

насчет фундаментальной природы видений, сколько из-за того, что Джанни постоянно прерывал Чэнь и ей это надоело. В целом ранние дебаты проходили мирно и касались практического вопроса: как следует преподносить видения? Епископы тех лет прекрасно осознавали, что харизматические религии склонны порождать расколы, а это противоречит фундаментальной концепции Взаимозависимости.

— Наверняка у кого-нибудь были такие же видения, как у меня, — сказал Ленсон. Отчего-то ему запомнилась умоляющая интонация его собственного вопроса.

— История знает священников и епископов, которые объявляли о своих религиозных видениях и оправдывали ими попытки раскола, — согласилась Прин. — Если священник или епископ заявил о видении, он подвергается определенной процедуре.

— И в чем она заключается?

— Если я правильно помню, ему назначают лечение в связи с не выявленной ранее душевной болезнью. После этого он возвращается к служению, а если проблема остается — уходит в отставку.

— То есть церковь объявляет их сумасшедши-

ми? — нахмурился Ленсон.

— «Сумасшедшими» — не вполне корректное слово. Разумнее сказать так: церковь понимает, что в практическом смысле это не Божественное откровение, а следствие других, более приземленных причин. И лучше разобраться с ними, чем оставлять человека в таком состоянии и идти на риск раскола.

— Но у меня были видения, и я душевно здоров.

— Похоже на кислородное голодание, — пожала плечами Прин.

Ленсон решил не настаивать.

— Что, если о своих видениях объявит импе-ро? — спросил он. — Ведь он — глава церкви. Его подвергнут той же процедуре?

— Не знаю, — призналась Прин. — Такого не случалось со времен Рахелы.

— Никогда? — скептически поинтересовался Ленсон.

— После восхождения на трон импе-ро уделяют мало внимания церкви, — сказала Прин. — У них хватает и других забот. Как и у тебя, Ленсон.

— Вы считаете, что я должен приписать свое видение нехватке кислорода?

— Я считаю, что тебе следует рассматривать

свое видение как некий дар. — Прин успокаивающе подняла руку. — По какой бы причине оно тебе ни явилось, после него ты решил посвятить жизнь церкви, что стало благословением для тебя и может стать благословением для церкви. Оно уже изменило твою жизнь, Ленсон. Ты счастлив, что оно наставило тебя на этот путь?

— Да, — серьезно кивнул Ленсон.

— Ну вот, — сказала Прин. — В этом смысле не имеет значения, что стало причиной — Божественное вмешательство или временная нехватка кислорода. Ты решил сделать служение церкви своим призванием. Так давай же вместе приложим к этому все усилия. Согласен?

Решив приложить максимум усилий, Ленсон с головой погрузился в учебу. Он выбрал несколько курсов, посвященных мистической стороне церкви Взаимозависимости, но, по иронии судьбы, те читались сухо и не слишком увлекательно. Подход церкви заключался в том, чтобы не запрещать те или иные тексты, объявляя их отступническими, но лишать их всякой романтики с помощью многотомных комментариев, вгоняющих читателя в сон. Ленсон прочитал все, на что его хватило, и обнаружил, что его интерес куда-то улетучивается, причем все быстрее и быстрее.

В итоге верх взяли повседневные заботы, связанные с его семинарским и пастырским образованием. Сокровенному знанию он посвящал все меньше времени: приходилось заниматься более прозаическими делами, помогая священникам и светским работникам церкви на Сиане и Ядре исполнять их обязанности — те самые, которые ему однажды предстояло взять на себя. Не так-то просто сохранять интерес к сокровенной стороне религии, когда помогаешь заготавливать свечи для церковной службы.

При всем том практичная натура Ленсона, унаследованная от родителей и никуда не девшаяся, несмотря на всю его религиозность, вновь стала заявлять о себе, и ежедневная рутина церкви Взаимозависимости скорее способствовала этому, нежели препятствовала. Ленсон обнаружил, что в церковных порядках есть нечто привлекательное и он может неплохо ужиться с ними. За годы учения он превратился в глазах преподавателей и других студентов из диковинки в образцового семинариста, обладавшего всеми качествами для продвижения в церковной иерархии.

Волна всеобщего одобрения и похвал подхватила и понесла Ленсона, против чего он нисколько не возражал. После рукоположения в сан его

назначили на Бремен, куда удалились на покой его родители, предварительно дождавшись истечения всех сроков давности. Далее последовало назначение на Ядро, а затем и на Сиань. Со временем он стал епископом и занимался организацией служб для беднейших граждан Взаимозависимости — должность, на которой приходилось уделять внимание скорее практической, чем духовной стороне церкви.

Чем выше поднимался в церковной иерархии Ленсон, теперь уже епископ Орнилл, тем больше изглаживалось из его памяти событие, побудившее его посвятить жизнь церкви. Из переломного момента оно превратилось в молчаливый источник веры, затем в странный случай, приведший к выбору жизненного пути, потом в историю для близких друзей, затем в забавный анекдот для прихожан и, наконец, в сценку для вечеринок, которую Ленсон услужливо разыгрывал перед новыми знакомыми по просьбе других епископов.

— Похоже, для вас это было прекрасное мгновение, — заметила на одной из вечеринок какая-то молодая женщина.

— Вероятно, всего лишь кислородное голодание, — с чарующей небрежностью ответил он.

В глубине души Ленсон сознавал: ему должно

быть стыдно за то, что единственный в его жизни миг религиозного экстаза со временем получил рациональное объяснение в виде расстройства жизненных функций, — он сам верил в это не меньше, чем другие. Но он нашел ответ, который считал вполне приемлемым: благодаря неверно истолкованному мистическому откровению он накопил немалый опыт практической службы в церкви, ставшей одним из краеугольных камней самой успешной и во многих отношениях самой устойчивой из всех человеческих цивилизаций. Циник мог бы сказать, что церковь, так хорошо интегрированная в имперскую систему, была всего лишь еще одним рычагом управления, но Ленсон также понимал, что подобный цинизм — роскошь, позволительная только благодаря стабильности системы, над которой насмехались циники.

Короче говоря, в религии Ленсона, а в последнее время и в его личном отношении к вере не было почти ничего мистического. Но это вовсе не означало, будто вера его ослабла: она стала даже сильнее. Однако это была вера не в пророчицу Рахелу, а в порожденную ею церковь, практичную, рассчитанную на то, чтобы существовать в течение столетий, помогая выжить росшей

вместе с ней империи. Ленсон верил в церковь Взаимозависимости и ее миссию, а также в свою собственную миссию внутри теплого, надежного и вполне приземленного церковного царства. И эта практичная вера вполне его устраивала.

Теперь епископ Ленсон Орнилл, вместе с другими епископами церкви Взаимозависимости, которых удалось собрать за отведенное время, сидел на скамье собора Сианя, ожидая импера Грейланд Вторую, формально возглавлявшую церковь. Удивительно, но она решила обратиться к иерархам своей церкви как кардинал Сианя и Ядра — предстоятель церкви Взаимозависимости, — а не в более прозаическом образе импера.

Многих это удивило: на памяти живущих никто из импера так не поступал. В последний раз это сделал Эринт Третий триста с лишним стандартных лет назад, высказываясь на довольно-таки скучную тему: изменение границ епархий ввиду неравномерного роста населения. Нынешние границы устраивали всех в этом смысле, и речь явно шла о чем-то другом.

К тому же Грейланд Вторая, которую епископы считали слабой правительницей, до этого момента не проявляла особого интереса к церкви как таковой. В последнее время ее больше всего

заботили попытка мятежа со стороны семейства Нохамапитан и теоретические вопросы, касавшиеся стабильности течений Потока по всей Взаимозависимости. Ни то ни другое не имело прямого отношения к церкви, ее делам или миссии.

Мысль о том, что имперо собирается обратиться к епископам с церковной темой, казалась странной, а для некоторых даже чересчур дерзкой. У собравшихся епископов сложилось ощущение: сейчас они терпеливо выслушают некие размышления своей молодой имперо, а потом отправятся на формальный прием, чтобы выпить, закусить и сфотографироваться с ней, после чего событие останется в памяти как курьезное воспоминание и повод для разговоров. И уж точно так полагал Ленсон.

В итоге епископ Ленсон Орнилл — как, честно говоря, и остальные епископы — оказался застигнут врасплох, когда Грейланд Вторая, в простых одеждах обычного священника вместо роскошного кардинальского облачения, остановилась у края алтаря и заговорила:

— Много лет назад нашему предку и предшественнице Рахеле явились видения, в результате которых возникла наша церковь, основа суще-

ствования всей нашей цивилизации. Братья и сестры, у нас хорошие новости. Нам тоже явились видения — удивительные и чудесные. И видения эти говорят о миссии нашей церкви и ее роли в бурные времена, на пороге которых мы стоим. Возрадуйтесь, братья и сестры. Нашей церкви суждено духовно пробудиться ради спасения человечества в этом мире и за его пределами.

Ленсон Орнилл внимал словам Грейланд Второй, все лучше осознавая, что́ они значат для церкви в том смысле, как он ее понимал, для его собственной веры и того события, которое заставило связать свою жизнь с тем и другим, когда он старался не задохнуться в крошечной каюте много лет назад. А потом, не отдавая себе отчета, он произнес слова, воплотившие все его чувства насчет вышеперечисленного в этот эпохальный момент.

— Зашибись, твою мать! — сказал он.

Часть первая

Глава 1

В начале была ложь.

Ложь заключалась в том, что у пророчицы Рахелы, основательницы Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, были мистические видения. Видения эти говорили как о будущем появлении, так и о необходимости создания обширной империи человеческих поселений, разбросанных в космосе на протяжении многих световых лет и связанных лишь посредством Потока, метакосмологической структуры, которую люди сравнивали с рекой. Образ реки возник в основном потому, что человеческий мозг, изначально предназначенный для скитаний по африканской саванне и почти не развившийся с тех пор, в буквальном смысле не мог понять, что это на самом деле такое, — пусть будет «река».

В так называемых пророчествах Рахелы не было ничего мистического — их сочинило семейство Ву, которому принадлежал консорциум предприятий, занимавшихся строительством

космических кораблей и вербовкой наемников. Оценив текущую политическую обстановку, Ву решили, что пришло время взять под контроль отмели Потока, места, где по-человечески понятное пространство-время соединялось с Потоком, позволяя кораблям входить в эту метафорическую межзвездную реку и покидать ее. Ву прекрасно понимали, что монополия на сбор пошлин — куда более устойчивая бизнес-модель, чем строительство кораблей или их уничтожение, в зависимости от того, на что именно Ву получали заказ. Требовалось лишь придумать разумное объяснение, почему именно они станут сборщиками пошлин.

Пророчества были предложены, одобрены, написаны, отредактированы и окончательно отшлифованы на встречах членов семейства Ву, а потом их приписали юной Рахеле Ву: ее хорошо знали как лицо семьи Ву после нескольких благотворительных кампаний, и, кроме того, она обладала немалыми познаниями в маркетинге и рекламе. Пророчества являлись семейным проектом (вернее, проектом некоторых влиятельных членов семьи — допускать к нему кого угодно было нельзя, поскольку многие родственники не умели держать язык за зубами и могли только

выпивать и служить чиновниками на местах), но их продажей занималась именно Рахела.

Кому она их продавала? Всем. Людей надо было убедить в том, что далеко разбросанные человеческие поселения должны объединиться под общим руководством; по случайности, оно должно принадлежать семье Ву, которая заодно будет взимать пошлины за межзвездные перелеты.

Естественно, этим занималась не только Рахела. В каждой звездной системе Ву нанимали и подкупали местных политиков и благообразных интеллектуалов. Те приводили доводы политического и общественного характера всем, кто думал, что им требуется убедительная и логичная причина для отказа от местного суверенитета в пользу зарождающегося политического союза, который уже обладал признаками империи. А для тех, кто не отличался особым умом или попросту предпочитал услышать об идее взаимозависимого союза от симпатичной молодой женщины, чьи слова о единстве и мире запали бы им в душу, имелась новоиспеченная пророчица Рахела.

(Ву не стали сообщать о мистической идее Взаимозависимости другим семействам и крупным корпорациям, с которыми приходилось иметь дело им и их сторонникам. Для них была выбрана

другая линия: в обмен на поддержку плана Ву, замаскированного под альтруистический проект создания единого государства, те получали монополию на конкретные товары или услуги. По сути, их бизнес с раздражающими циклами взлетов и падений замещался стабильным, предсказуемым и нескончаемым потоком доходов, вместе со скидкой на пошлины, которые Ву собирались брать за путешествия внутри Потока. На самом деле это были не скидки, ведь Ву собирались брать плату за то, что раньше обходилось даром. Но Ву верно предположили, что все эти семейства и компании, ослепленные предложением ненарушимой монополии, не станут возражать, — и в основном оказались правы.)

В конечном счете Ву потратили на выполнение своего плана даже меньше времени, чем предполагали. По прошествии десяти лет другие семьи и компании уже обладали собственными монополиями и обещанными аристократическими титулами, оплаченные политики и интеллектуалы сделали свое дело, а пророчица Рахела и ее быстро расширявшаяся Взаимозависимая церковь завладели умами большей части остальной публики. Не обошлось без уклонистов и затянувшихся на десятилетия мятежей, но в общем и

целом Ву верно выбрали время, момент и цель. Что касается смутьянов, было заранее решено, что официальным местом ссылки для всех, кто попытается противостоять Ву, станет планета под названием Край — отдаленное человеческое поселение во вновь создающейся Взаимозависимости, до которого было дольше всего добираться. К тому же к Краю и от Края вело лишь одно течение Потока.

Рахела, уже ставшая публичным лицом и духовным символом Взаимозависимости, была при всеобщем (тщательно срежиссированном) одобрении избрана первой импера. Новый, гендерно-нейтральный титул выбрали потому, что по результатам маркетинговых исследований он оказался наиболее привлекательным практически во всех сегментах рынка — свежий, новый и привлекательный аналог слова «император».

После знакомства с этой краткой, умалчивающей о многом истории возникновения Взаимозависимости может показаться, будто никто не оспаривал лежавшую в ее основе ложь и миллиарды людей беспрекословно проглотили выдумку о пророчествах Рахелы. Но это было вовсе не так: люди принимали ложь в той же степени, в какой стали бы принимать наступ-

ление современных духовных движений на традиционную религию, и их тревожило, что она приобретает все большее признание, пользуется все большим уважением и имеет все больше последователей. Тогдашние наблюдатели вовсе не проявляли слепоты по отношению к махинациям семейства Ву, в чьей игре ставкой была имперская власть. Озабоченность прорывалась в редакционных статьях и новостных шоу, кое-кто пытался взывать к закону.

Семейство Ву, однако, обладало тем, чего не было у других: организацией, деньгами и союзниками в лице других семейств, ставших теперь аристократическими. Процесс возникновения Взаимозависимости напоминал мчащегося во весь опор атакующего быка, а скептики-наблюдатели — рой мошкары. Ни те ни другие не причиняли друг другу особого вреда, и в итоге ничто не смогло помешать образованию империи.

Еще одна причина, по которой ложь сработала, заключалась в том, что после образования Взаимозависимости пророчица-империо Рахела объявила, что с видениями и пророчествами в основном покончено — по крайней мере, на ближайшее время. Всю власть во Взаимозависимой церкви она передала архиепископу Сианя и

комитету епископов. Те быстро создали организацию, отодвинувшую на второй план духовную сторону церкви, сделавшую ее приправой к новой религии, а не главным блюдом.

Иными словами, и Рахела, и церковь мало что делали для духовной жизни Взаимозависимости в те важнейшие ранние годы, когда империя по естественным причинам была чересчур хрупкой. Следующие имперо, из которых ни один не стал добавлять к своему титулу слово «пророк», в основном следовали ее примеру и оставались в стороне от церковных дел, за исключением участия в церемониях. Это вызвало облегчение у церковников, а по прошествии веков стало соответствовать их ожиданиям.

Церковь, естественно, никогда не признавала, что видения и пророчества Рахелы являются ложью. Да и с чего бы? Прежде всего ни Рахела, ни семейство Ву не утверждали открыто, если не считать внутрисемейных бесед, что духовная сторона Взаимозависимой церкви — искусственный продукт. Вряд ли стоило ожидать, что наследники Рахелы — как имперо, так и церковники — сознаются в этом или хотя бы публично выскажут подозрения, подрывающие их собственный авторитет. А значит, превращение видений и

пророчеств в доктрину было лишь вопросом времени.

К тому же видения и пророчества Рахелы по большей части сбылись. Выяснилось, что «пророчество» о будущей Взаимозависимости, рассчитанное на далекую перспективу, тем не менее вполне выполнимо, если вам хватает амбиций, денег и определенной жесткости, — а у семейства Ву все это имелось в избытке. Пророчества Рахелы требовали изменить не образ жизни, а лишь систему правления так, чтобы самая верхушка получила еще больше власти, денег и рычагов контроля. Как оказалось, требование не было чрезмерным.

И наконец, семейство Ву во многом было право. Человечество разбросано на огромном пространстве, и из всех звездных систем, к которым подходил Поток, лишь в одной имелась планета с пригодной для жизни поверхностью — Край. В остальных системах люди жили в герметически изолированных поселениях на планетах, спутниках или в космическом пространстве. Эти поселения, крайне уязвимые, не могли производить необходимое сырье и все прочее, что требовалось для выживания людей. Взаимозависимость стала условием выживания

человечества.

А была ли таким условием политическая, общественная и религиозная структура Взаимозависимости? Вопрос оставался открытым, но семейство Ву, решив обрести долговременную и устойчивую власть, использовало ложь, чтобы повести за собой остальных. Заодно Ву создали систему, в которой большинство людей могли жить с комфортом, не испытывая постоянного страха перед возможной изоляцией, энтропией, неизбежным коллапсом общества и гибелью всех, кто был для них дорог.

Ложь в той или иной степени приносила пользу всем. Это было очень хорошо для семейства Ву, весьма неплохо для остальной аристократии и вполне приемлемо для большинства населения. Людям не нравится ложь, когда она влечет за собой отрицательные последствия. А если наоборот? Они просто живут, как жили раньше, и в конце концов ложь как таковая забывается или, как в нашем случае, становится основой религии, превращаясь в нечто более благообразное и приятное.

Видения и пророчества Рахелы были ложью, сыгравшей именно ту роль, которую от нее ожидали. Они оставались краеугольным камнем

доктрины Взаимозависимой церкви, ведь их породила пророчица, ставшая первой импере. Но церковная доктрина не запрещала другим импере объявлять о собственных видениях и пророчествах. Более того, предполагалось, что, будучи главой Взаимозависимой церкви, каждый импере способен на пророчества. Все восемьдесят восемь вели свою родословную от самой пророчицы-импере Рахелы, ставшей не только матерью Взаимозависимости, но и матерью семерых детей; однажды она разродилась тройней.

В соответствии с доктриной, каждому импере могли являться видения, и каждый импере мог оглашать пророчества. Просто ни с кем из них, кроме самой Рахелы, такого не случалось.

До сегодняшнего дня.

Перед дверью дворцового зала, отведенного для заседаний исполнительного комитета, архиепископ Гунда Корбейн, возглавлявшая его, вдруг остановилась, к удивлению своего помощника, и склонила голову.

— Ваше преосвященство? — спросил ее помощник, молодой священник по имени Юбес Иси.

Корбейн подняла руку, не давая задать вопрос, и немного постояла, собираясь с мыслями.

— Раньше было проще, — вполголоса прогово-

рила она и печально улыбнулась. Она собиралась прочесть короткую молитву о терпении, спокойствии и мире, чтобы под их знаком прошел весь этот долгий день, или месяц, или весь остаток ее карьеры, но вышло нечто совсем другое. Что ж, ничего необычного, учитывая события последних дней.

— Вы что-то сказали, ваше преосвященство? — спросил Иси.

— Ничего, Юбес. Просто говорила сама с собой, — ответила Корбейн.

Кивнув, молодой священник показал на дверь зала:

— Остальные члены комитета уже там. Кроме имперо, конечно. Она прибудет в назначенное время.

— Спасибо, — сказала Корбейн, глядя на дверь.

— С вами все в порядке? — спросил Иси, проследив за взглядом начальницы. Корбейн знала, что Иси относится к ней с почтением, но далеко не глуп. Ему было хорошо известно о недавних событиях — пропустить их он ни в коем случае не мог, как и любой другой. Они потрясли церковь до основания.

— В полном, — заверила его Корбейн и шагнула к двери. Иси двинулся за ней, но Корбейн снова

подняла руку. — Никто не войдет сюда, кроме членов комитета, — сказала она и тут же увидела на лице Иси молчаливый вопрос. — На этом заседании, скорее всего, состоится откровенный обмен мнениями, и лучше, если ни одно из высказанных соображений не покинет пределов этого зала.

— Откровенный обмен мнениями? — скептически переспросил Иси.

— Да, — кивнула Корбейн. — Пока я называю это именно так.

Нахмурившись, Иси поклонился и удалился в сторону.

Подняв глаза к небу, Корбейн прочитала молитву, на этот раз полноценную, и вошла в зал — большой и чрезмерно разукрашенный, как и все залы в имперском дворце. Его заполняли накопившиеся за столетия произведения искусства — дары, полученные прошлыми имперо, и их приобретения, обладавшие скорее денежной, нежели художественной ценностью. На дальней стене зала была фреска с великими историческими деятелями, на протяжении веков входившими в состав исполнительного комитета. Ее автор, художник Ламберт, написал фон в стиле итальянского Ренессанса, а сами фигуры — в стиле

реализма первых лет Взаимозависимости. Эта настенная живопись с самого начала показалась Гунде Корбейн отталкивающей мешаниной, а героические образы — смехотворной попыткой подчеркнуть важность исполнительного комитета и его повседневной деятельности.

«Вряд ли кто-то изобразит на картине нынешний комитет», — подумала Корбейн, подходя к столу с десятью богато украшенными креслами вокруг него. Восемь уже были заняты, в них сидели двое других представителей церкви, трое членов парламента и трое представителей гильдий и стоявшей за ними аристократии. Остались два кресла в двух концах стола: одно предназначалось для нее, главы комитета, а другое — для имперо Грейланд Второй, источника нынешней головной боли Гунды Корбейн.

О чем ей тут же напомнили, едва она успела занять свое место.

— Что это за хрень насчет видений имперо? — спросил Теран Ассан, отпрыск семейства Ассан, новый член комитета, которым поспешно (по мнению Корбейн, даже чересчур поспешно) заменили Надаше Нохамапитан, пребывавшую теперь в имперской тюрьме за убийство, измену и покушение на жизнь имперо.

Корбейн пожалела об отсутствии Надаше, — возможно, та и была изменницей, но умела соблюдать приличия. Увы, Ассан не мог похвастаться этим — он был из тех, кто считает пристойное поведение уделом слабаков.

Она окинула стол взглядом, наблюдая за разнообразной реакцией остальных: от отвращения до усталого признания того, что манеры Ассана, вероятно, сильно сужают границы дурного поведения.

— И вам доброе утро, лорд Теран, — сказала Корбейн. — Рада, что вы начали наше заседание с обмена любезностями.

— Какие еще любезности, когда наша имперо объявляет, будто ей привиделась какая-то религиозная чушь насчет конца Взаимозависимости и разрушения системы гильдий? — заявил Ассан. — Мне кажется, ваше преосвященство, что выбранная вами расстановка приоритетов ни к черту не годится.

— Оскорбления в адрес других членов комитета не помогут ему работать лучше, лорд Теран, — заметила Упекша Ранатунга, член парламента. Ассан стал раздражать Ранатунгу сразу же после своего появления в комитете, и Корбейн знала, что ей нелегко сдерживаться. Ранатунга была

настоящим политиком и умела ладить с каждым, а особенно с теми, кого она терпеть не могла.

— Позвольте возразить, — сказал Ассан. — Всего лишь месяц назад наша обожаемая имперо объявила, что, по ее мнению, Поток, позволяющий нам путешествовать среди звезд, разрушается, и в доказательство притащила захолустного ученого, о котором никто не слышал. Такое заявление само по себе ведет к экономическим и общественным потрясениям, даже если другие ученые оспаривают его. А теперь имперо еще заявляет о каких-то таинственных пророчествах. Но вы, ваше преосвященство, — Ассан махнул рукой в сторону Корбейн, — хотите обмена любезностями. Что ж, прекрасно. Приветствую вас, ваше преосвященство. Вы превосходно выглядите. Тратить время на любезности глупо и бессмысленно. К тому же, если вы не слышали, главу империи посетили какие-то долбаные видения, так что, может, оставим любезности и сосредоточимся на деле? Что скажете?

— И что вы имеете против этих видений, лорд Теран? — как можно любезнее спросила Корбейн, сложив руки.

— Вы что, шутите? — Ассан наклонился в своем кресле. — Во-первых, очевидно, что имперо

заявляет о видениях, потому что все отвергают мысль о закрытии Потока. Она пытается убедить парламент и гильдии, но те сопротивляются. Во-вторых, ее пока что поддерживает церковь, — это уже вопрос к вам, ваше преосвященство. В-третьих, если это действительно видения, а не просто удобный рычаг воздействия, то у нашей молодой импето не все в порядке с головой, и это крайне серьезно. Все эти вопросы следует незамедлительно рассмотреть.

— Церковь вовсе не поддерживает импето, — сказал епископ Шант Бордлеон, сидевший напротив Ассана: до его появления он был самым младшим членом комитета.

— Что, правда? — бросил Ассан. — Церковь не издала ни звука с тех пор, как Грейланд выступила с небольшой речью в соборе два дня назад. Могли бы и высказаться по этому поводу. Возможно, даже возразить.

— Импето — глава церкви, — произнес Бордлеон таким тоном, будто объяснял очень упрямому ребенку. — Это не рядовой священник с дальнего шахтерского поселения, которого можно призвать к порядку.

— То есть для импето все иначе? — язвительно спросил Ассан.

— В общем-то, да, — ответила Корбейн. — Имперо обратилась к епископам официально, с церковной кафедры, не как светская глава империи, но как духовная наследница пророчицы. Мы не можем ни отвергнуть, ни опровергнуть сказанного ею. Самое большее, что может сделать церковь, — истолковать это.

— Истолковать бред?

— Истолковать видения. — Корбейн обвела взглядом стол. — В основу Взаимозависимой церкви легли видения пророчицы Рахелы, которая стала первой имперо Взаимозависимости. После основания империи обе эти роли тесно переплелись. — Она пристально посмотрела на Ассана. — С точки зрения доктрины Грейланд не совершила ничего незаконного. Церковь, какой бы ни была ее нынешняя сущность, основана на видениях, духовных по своей сути. Наша доктрина признает, что кардинал Сианя и Ядра, как глава церкви, может иметь такие видения, подобно Рахеле. И видения эти могут содержать в себе откровение, способное повлиять на доктрину.

— И вы полагаете, мы с этим согласимся? — спросил Ассан.

— Кого вы подразумеваете под словом «мы»? — уточнила Корбейн.

— Во-первых, гильдии. — Ассан показал на Ранатунгу. — Во-вторых, парламент.

— Законы о богохульстве существуют до сих пор, — заметил Бордлеон. — И иногда даже применяются.

— Как удобно! — усмехнулся Ассан.

— Лорд Теран в чем-то прав, — сказала Ранатунга, и Корбейн уважительно посмотрела на нее, зная, что эти слова дались ей нелегко. — Не знаю, насколько это верно с точки зрения доктрины, но ни один имперо в истории не утверждал себя столь активно в качестве главы церкви. И уж точно ни один не заявлял ни о каких видениях.

— Вам кажется подозрительным время, которое она выбрала? — спросила Корбейн.

— Я бы не назвала бы это подозрительным, — как всегда, вежливо ответила Ранатунга. — Но я не слепа и прекрасно вижу, в какой политической ситуации оказалась Грейланд. Лорд Теран прав. Своими заявлениями насчет Потока она разладила государственное управление и повергла людей в панику. Так что взывать следует не к ее пророчествам, а к науке и разуму. — Корбейн слегка нахмурилась. Заметив ее взгляд, Ранатунга успокаивающе подняла руку. — Я вовсе не критикую церковь или ее доктрины. Но вам,

Гунда, следует признать, что для имперо это несвойственно. Следует, по крайней мере, спросить об этом ее саму. Напрямую.

Планшет Корбейн издал звон. Прочитав сообщение, она встала и знаком велела встать остальным.

— У вас появился шанс, Уп. Она здесь.

Глава 2

Наступил тот момент, которого ждала имперо Грейланд Вторая, — под конец долгого и, если честно, весьма скучного заседания.

— Ваше величество, возможно, стоит детальнее обсудить ваши… видения, — сказала архиепископ Гунда Корбейн.

Головы всех членов исполнительного комитета, в задачу которого входило давать советы имперо по поводу управления Взаимозависимостью — не важно, нуждалась та в этих советах или нет, — повернулись к ней.

На девяти лицах Грейланд увидела самые разные чувства. Одни выражали озабоченность, что ей понравилось. Другие — презрение, что ей нисколько не понравилось. Остальные демонстрировали удивление, раздражение, отвращение или замешательство, порой одновременно.

Грейланд Вторая, имперо Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королева Ядра и Ассоциированных наций, глава Взаимозависимой церкви, наследница

Земли и Мать всего сущего, восемьдесят восьмая импера из дома Ву, внимательно изучала эти лица, оценивая эмоции девятерых людей — возможно, самых могущественных в известной Вселенной, не считая ее самой.

А потом рассмеялась, что отнюдь не расположило к ней собравшихся.

— Вы считаете, будто мы сошли с ума? — спросила Грейланд: в устах импера это «мы» не звучало претенциозно.

— Никто из нас не утверждал ничего подобного, — поспешно сказала Корбейн.

— Мы более чем уверены, что это неправда, — небрежно возразила Грейланд. — Наверняка никто не утверждал ничего подобного за этим столом в нашем присутствии. Но мы не столь наивны и думаем, что в наше отсутствие об этом не только перешептываются, но и говорят вслух, а иногда кричат во весь голос.

Грейланд заметила, как взгляды некоторых переместились на Терана Ассана, младшего члена комитета, что нисколько ее не удивило.

— Мы все преданы вам, ваше величество, — сказала Упекша Ранатунга.

— У нас нет причин сомневаться в преданности комитета, — доброжелательно ответила Грей-

ланд, заметившая, что одна только Ранатунга выглядит озабоченной. — Ни у меня, ни у Взаимозависимости. Однако мы осознаем, куда может завести преданность, если человек считает, что тот, кому он предан, выжил из ума.

— Итак, вы желаете от нас повиновения, ваше величество? — спросил Ассан. На его лице читалось презрение — хотя, если честно, презрительное выражение не покидало его физиономии уже несколько недель, с тех пор как он занял свое место в комитете.

— Мы надеемся на вашу веру, — сказала Грейланд, обводя взглядом стол. — Да, мы понимаем, в подобное трудно поверить. Ни один имперо после Рахелы не объявлял о своих видениях. В течение тысячелетия имперо были рады держаться подальше от любых откровений. И даже те, у кого бывали видения, не видели в них ничего религиозного. Когда у Аттавио Второго в конце его правления случались алкогольные галлюцинации, он видел, как по дворцу бегают усыпанные драгоценными камнями цыплята, — усмехнулась Грейланд, тут же отметив, что никто не смеется вместе с ней.

— Кое-кого из нас беспокоит, что ваши видения, возможно, ближе к тем самым цыплятам, чем к

подлинным откровениям, — сказал Ассан, и Грейланд увидела, как восемь пар бровей остальных членов комитета удивленно поднялись — у кого повыше, у кого пониже.

Грейланд снова рассмеялась.

— Спасибо вам, лорд Теран, — ответила она. — Если бы все наши советники высказывались так честно…

— Я вовсе не собирался добиться вашей благосклонности, — возразил Ассан.

— Можем вас заверить, мы и не думали, что вы собирались, — сказала Грейланд и обратилась к Корбейн, главе исполнительного комитета: — А поскольку мы предвидели, что это вызовет озабоченность комитета, не говоря уже о Взаимозависимости в целом, мы разрешили Кви Дринину, имперскому врачу, обсуждать с комитетом все, что касается моего телесного и духовного здоровья. Можете спрашивать его о чем пожелаете.

— Рада слышать, — ответила Корбейн. — Мы в ближайшее время свяжемся с ним.

Кивнув, Грейланд переключила свое внимание на Ассана:

— Наши видения — не какие-то призрачные цыплята, лорд Теран. Это нечто совсем иное.

Нельзя сказать, что нам хотелось иметь их, сейчас и без того тяжелые времена. Но мы — имперо и прямая наследница пророчицы Рахелы. В наших жилах течет та же кровь. Дом Ву царствует в Священной империи Взаимозависимых государств уже тысячу лет, и будет разумно полагать, что способность к откровениям никуда не делась.

— Сомневаюсь, что способность к откровениям может передаваться по наследству, ваше величество, — заметил Ассан.

— Если честно, мы тоже сомневаемся, — ответила Грейланд. — И все же — что есть, то есть. Мы, как и Рахела, возглавляем Взаимозависимую церковь, возникшую на основе откровения. На нас, как и на Рахелу, снизошло откровение в преддверии громадных перемен: человечеству придется избрать новый способ существования в космосе. Мы, как и Рахела, призваны провести наш народ через грядущий кризис.

— Тот самый коллапс Потока, о котором заявляет ваш ученый?

Грейланд улыбнулась:

— Вы видели список кораблей, прибывших на Ядро с Края за последний месяц, лорд Теран? Мы видели. Он весьма короток: количество кораблей равно нулю. Они не прибыли, поскольку так и

не покинули Край. Течение Потока от Края к нам перестало существовать. Если нам не изменяет память, один из неприбывших кораблей — ваш, принадлежащий дому Ассан. По расписанию он должен был прибыть три недели назад. Кажется, я помню, как о нем упоминал мой налоговый чиновник.

Ассан неловко поерзал в кресле:

— Задержка пока выглядит вполне приемлемой.

— К тому же на Крае идет гражданская война, — заметила Ранатунга. — Это может повлиять на прибытие кораблей.

— Наверное, комитет полагает, что может позволить себе роскошь находить вполне прозаические причины для задержки каждого корабля, — сказала Грейланд. — Но мы такого позволить себе не можем. Граф Клермонт по поручению моего отца в течение тридцати лет изучал данные о течениях Потока и предсказал с точностью до нескольких часов коллапс течения Потока от Края к Ядру. С большой вероятностью, в ближайший месяц следующим станет течение от Ядра к Тератуму. Мы предоставили все эти данные вашему комитету, парламенту и ученым, и лорд Марс, сын графа Клермонта, остался здесь,

чтобы дать объяснения каждому, кто решит его выслушать.

— И тем не менее ни парламент, ни ученые в полной мере не убеждены, — пробормотала Корбейн.

— Данных слишком много, а времени, увы, крайне мало, — ответила Грейланд. — Сожалеем, но, вероятно, они будут убеждены, когда разрушится течение к Тератуму.

— Если, — поправил Ассан.

— Когда, — покачала головой Грейланд.

— Все это явилось вам в видениях? — бесцеремонно спросил Ассан.

— Видения ни к чему, когда есть данные, — улыбнулась Грейланд. — Но, так или иначе, нужно рассмотреть то и другое. И это должен сделать комитет. Нам нужно, чтобы вы поняли смысл данных. Нам нужно, чтобы вы поверили. А если нет — тогда, лорд Теран, мы действительно потребуем от вас полного повиновения. Пока всё.

Она встала — члены комитета сделали то же самое, — кивнула и вышла.

— Возможно, я совершила ошибку, — сказала Кардения Ву-Патрик призраку своего отца.

Аттавио Шестой — или, точнее, его призрак,

а если быть совсем точным, компьютерная имитация Аттавио Шестого, состоявшая из воспоминаний, записанных в течение всей его жизни, — кивнул.

— Возможно, — ответил он.

— Спасибо, — сказала Кардения, она же ее величество Грейланд Вторая. — Твоя поддержка меня вдохновляет.

Оба находились в Зале Памяти, большом, почти пустом помещении, куда мог войти лишь правящий импето. Виртуальный помощник по имени Цзии, если его попросить, мог вызвать аватар любого из предыдущих импето, вплоть до Рахелы. Кардения знала, что когда она перестанет быть импето, ее воспоминания, чувства и действия тоже загрузят сюда, чтобы они служили ее преемнику.

Вот только будет ли у нее преемник? На этот вопрос у Кардении пока не находилось ответа.

— Я лишь соглашаюсь с тобой, — сказал Аттавио Шестой. — Похоже, ты чем-то расстроена, и я решил, что, если согласиться с тобой, ты, возможно, почувствуешь себя лучше.

— Только не в этом случае. Придется поработать над твоей программой в части восприятия чужих эмоций.

— Что ж, ладно. — Аттавио скрестил руки, продолжая стоять рядом с сидящей дочерью. — Расскажи подробнее о том, в чем ты, как считаешь, ошиблась.

— В том, что рассказала о своих видениях.

— О конце Взаимозависимости?

— Да.

— Ясно. Что ж, вероятно, ты и впрямь совершила ошибку.

Кардения беспомощно развела руками.

— Удивляюсь, что ты чего-то ожидала, — сказал Аттавио Шестой.

— Правда?

— Да. Насколько я способен удивляться.

— Но почему?

— Ты пытаешься воспроизвести действия Рахелы, но у тебя нет таких же начальных условий. У тебя нет поддержки семьи Ву или ее ресурсов, которые поддержат тебя в других областях. У тебя нет рычагов воздействия на аристократические дома. Тебя поддерживает, вероятно, одна только Взаимозависимая церковь, да и то с неохотой. И наконец, ты не строишь империю, а пытаешься ее демонтировать. Империю, которая была успешной в течение тысячи лет.

— Я все это знаю, — ответила Кардения. — Я

также приняла во внимание, что одно течение Потока уже закрылось, а вскоре закроются еще несколько. Я знаю, у меня нет времени, чтобы добиться консенсуса в парламенте, среди гильдий или даже среди ученых, прежде чем все начнет разваливаться на части. Мне нужно спасти до кризиса как можно больше людей. Это можно сделать через церковь, причем так, что у церкви не найдется повода что-либо оспорить с точки зрения доктрины. Объявить о пророчестве.

— Ты же прекрасно понимаешь, что отсутствие повода оспорить что-либо с точки зрения доктрины вовсе не означает отсутствие аргументов, — сказал Аттавио Шестой. — Церковь и религия, которой она служит, — далеко не одно и то же. Церковь состоит из людей. А каковы люди, ты и сама знаешь.

— Я думала, что понимаю, — кивнула Кардения.

— Но теперь у тебя появились сомнения.

— Да, появились. Я не считала, что мне удастся мгновенно убедить церковь, — не настолько уж я глупа. Но я полагала, что с ее стороны будет больше содействия, больше понимания того, что я делаю и для чего.

— Но церковным иерархам ты этого не говори-

ла? — спросил Аттавио Шестой.

Кардения с усмешкой посмотрела на отца:

— Опять же, я не настолько глупа. В церкви полагают, будто я безмятежно верую в свои видения. В исполнительном комитете тоже. Сегодня я с ними встречалась и сказала, что мне нужна их вера. Лорд Теран как минимум был готов взорваться от злости.

— С ним я не был знаком, — сказал Аттавио Шестой. — Но я знал его отца. Дом Ассан — надежный политический союзник дома Ву.

— Видимо, именно потому лорд Теран и стал членом комитета, — снова кивнула Кардения. — Сперва гильдии пытались воздействовать на меня, посадив в комитете Надаше Нохамапитан. Но сомневаюсь, что лорд Теран лучше. С Надаше, по крайней мере, было все понятно: она интриговала ради себя и своей семьи. А что замышляет лорд Теран, я не знаю.

— Ты можешь это выяснить, — предложил Аттавио Шестой.

— Думаю, пока рано.

— Ты имперо. Для тебя никогда не рано.

Лорд Теран Ассан провел рукой над замком двери в своих покоях, внутри фамильных апартаментов в Сиане. Обстановка покоев пока что была

крайне скудной — бóльшая часть имущества осталась в более просторных апартаментах лорда в Ядропаде, где до своего нынешнего назначения он занимал должность управляющего директора дома Ассан по внутрисистемным операциям.

Вхождение Ассана в исполнительный комитет стало несомненной удачей для дома, добивавшегося места в комитете столетиями — в буквальном смысле слова. Им всегда отказывали: было известно, что Ассаны — ближайшие союзники Ву, а дом Ву формально возглавлял импери. Фактически же импери почти не вмешивались в повседневную деятельность своего дома. Совет директоров Ву, собранный из высокопоставленных представителей семьи, не потерпел бы подобного, к тому же у импери имелась целая Взаимозависимость, которой он мог править как заблагорассудится.

И тем не менее другие гильдии, а также соответствующие аристократические дома, считали отношения домов Ассан и Ву чересчур близкими и, следовательно, — дискомфортными для остальных в политическом смысле. Им меньше всего хотелось, чтобы исполнительный комитет стал еще одним потенциальным источником поддержки для того, кто восседал на троне.

Но затем Надаше Нохамапитан попыталась убить Грейланд Вторую — как минимум один раз, о чем было известно наверняка, а может, и два (насчет второго присяжные еще не приняли решения, хотя, собственно, коллегию присяжных еще только предстояло собрать), и заодно умудрилась убить своего старшего брата, разжечь мятеж на планете Край с помощью другого брата и вообще совершить немало поступков, которые нельзя было квалифицировать иначе как измену.

Эта небольшая встряска, которую пришлось пережить имперо, показалась гильдиям удобным случаем, чтобы ввести в состав исполнительного комитета члена дома Ассан. Терана Ассана, как высокопоставленного представителя семьи в системе, вынудили взять эту обязанность на себя.

Ассан считал это воистину пустой тратой времени. Грейланд (при мысли о ней Ассан невольно вздрогнул, поскольку знал имперо еще как Кардению Ву-Патрик и она нисколько его не впечатлила: на роль имперо она годилась не больше, чем сам Ассан — на роль жонглера ножами) была обязана встречаться с членами комитета и выслушивать их соображения и советы. Но она не была обязана принимать их во внимание или следовать им, и к концу первого заседания, на

котором присутствовал Ассан — оно состоялось почти месяц назад, — стало ясно, что Грейланд приходит на заседания, желая быстрее покончить со всем этим.

Особенно проблематично это выглядело в связи с тем, что незадолго до его появления в комитете Грейланд начала нести чушь про смещение течений Потока и привела с собой какого-то придурка по имени лорд Марс, который заявил, будто у него есть доказательства. Надо сказать, что Марс выглядел не слишком убедительно во время своих выступлений как в комитете, так и в парламенте. Конечно, затянувшееся отсутствие сообщения с Краем беспокоило многие дома (включая дом Ассан — имперо была права, утверждая, что одна из их «пятерок», «Благословен твой дар», серьезно запаздывает). Но тот факт, что лакей имперо объявил, будто следующим обрушится течение Потока к родной системе Нохамапитанов, выглядел легким щелчком им по носу.

Так или иначе, пока этого не случилось. Существовало множество причин, по которым корабли могли задержаться на Крае, не таких драматических, как коллапс течения Потока, — вплоть до запрета на космическое сообщение со стороны империи.

Соответственно, возникал вопрос: какую игру ведет Грейланд Вторая? И долго ли рассчитывает ее вести, прежде чем станут ясны ее намерения? Не являются ли ее проклятые видения всего лишь очередным тактическим ходом, чтобы продлить идиотскую игру на несколько дней или недель?

Учитывая все вышесказанное, Ассан с радостью предпочел бы остаться на прежней должности, ведя свои привычные дела. Впрочем, это не означало, что он не собирался обратить свое нынешнее положение себе на пользу.

Подойдя к бару, Ассан положил лед в бокал, налил виски и связался по закрытому каналу с Джейсином Ву, членом совета дома Ву.

— Хочешь знать, что было на сегодняшнем заседании? — спросил Ассан.

Джейсин что-то утвердительно буркнул, и Ассан рассказал о главном, включая дискуссию о видениях Грейланд.

— Она просила нас ей поверить, — закончил он.

— Мать твою! — раздраженно бросил Джейсин Ву. — Дом Ву строит космические корабли, а она твердит, будто Поток вот-вот рухнет. Заказов уже стало меньше на сорок процентов. Такое ощущение, будто она пытается угробить наше

семейное дело.

— Собственно, к семье она никогда по-настоящему не принадлежала, — проворчал Ассан. — Все должен был получить Реннеред.

— Да, пока не врезался в стену, — ответил Джейсин. — Глупая смерть. Если только Надаше Нохамапитан не подпортила чего-нибудь в его машине.

— Теперь она для вас не проблема.

— Она все еще жива. Так что проблема остается. Пока.

— Пока? — переспросил Ассан.

Джейсин проигнорировал его вопрос.

— Тебе нужно поговорить с Грейланд наедине, — сказал он. — Выяснить, что с ней на самом деле творится.

— Я пытаюсь добиться встречи с ней с тех пор, как прибыл сюда, — возразил Ассан. — Но меня все время отодвигают в конец очереди. Это тебе надо попросить о встрече с ней. И взять меня с собой.

— Обычно так не делается, — ответил Джейсин. — Империо встречается с советом дома Ву раз в год, а все остальные вопросы решаются через подчиненных.

— Но и о своих видениях империо обычно не

заявляет, — заметил Ассан.

— Я подумаю, — буркнул Джейсин и отключился.

Сделав глоток виски, Ассан снова позвонил по закрытому каналу, на этот раз Дерану Ву, двоюродному брату Джейсина, тоже входившему в совет дома Ву.

— Хочешь знать, что было на сегодняшнем заседании? — спросил Ассан, после чего изложил Дерану примерно то же самое, что и Джейсину.

— Джейсину ты рассказал то же самое? — спросил Деран.

— В основном, — ответил Ассан.

— И как он к этому отнесся?

— Его беспокоит, что это может повлиять на строительство кораблей.

— Потому что он идиот, — фыркнул Деран. — Все потери на кораблях мы компенсируем за счет продажи оружия и отчислений на охрану.

— Только на какое-то время, — заметил Ассан. — Если имперо права насчет распада течений Потока…

Деран пренебрежительно махнул рукой:

— У Грейланд явно не в порядке с головой. Скоро ее дом это поймет и примет меры.

— Что ты хочешь сказать?

— Что ты пока можешь об этом не беспокоиться. И вообще, я был бы только рад, если бы Надаше Нохамапитан сумела довести дело до конца с тем челноком, что размазал моего дорогого двоюродного братца. Все-таки она неплохо поработала.

— Вряд ли Джейсин доволен, что она все еще жива. В смысле, Надаше Нохамапитан, а не Грейланд.

— Поверь, мнение Джейсина на этот счет хорошо мне известно. В выражениях он не стесняется.

— Империо будет выглядеть не лучшим образом, если с Надаше что-то случится.

— Да, — согласился Деран. — И мне не хотелось бы, чтобы эту конкретную фигуру сняли с доски именно таким образом. В данном случае — любую из двух фигур. Но об этом тебе тоже незачем беспокоиться, Теран.

— Само собой.

— Попытайся встретиться с Грейланд наедине.

— Она меня избегает.

— Посмотрим, что удастся сделать, — улыбнулся Деран и отключился.

Ассан тоже улыбнулся, но про себя. Допив виски, он сделал третий и последний за этот вечер звонок.

— Да? — спросил голос на другом конце.

— Могу я попросить леди Нохамапитан?

— Она… нездорова.

— Я знаю. Мне также известно, что я могу оставить сообщение, которое ей передадут.

— Что именно?

— Полагаю, ей хотелось бы получить отчет о сегодняшнем заседании.

На мгновение наступила тишина, затем голос раздался снова:

— Говорите.

Глава 3

Когда к Надаше явилась наемная убийца с заточкой, сделанной из зубной щетки, первой мыслью Надаши было: «Не думала, что придется ждать так долг». Она сидела в имперской тюрьме уже больше месяца, и то, что Грейланд Вторая подослала к ней своего человека только сейчас, казалось ей крайне оскорбительным.

Вторую мысль она озвучила: «Вот ведь гадство!» Когда тебе вот-вот вопьется под ребра зубная щетка (или нечто похожее), которую держит в руках баба, судя по виду, всю жизнь занимавшаяся удушением домашней скотины, нет ничего дурного в том, чтобы слегка выругаться.

Если честно, это внесло в ее жизнь некоторое оживление после невероятно унылого месяца.

В то же время она знала, на какой риск идет, когда подставила — во всех смыслах этого слова — своего брата Амита, устроив ему экскурсию по космическому кораблю в обществе Грейланд, а потом протаранив грузовой отсек дистанционно управляемым челноком, мчащимся на полной

скорости. Но риск выглядел вполне приемлемым. Вполне разумно было предположить, что импер будет размазана по палубе грузового отсека, или высосана в космический вакуум, или с ней случится то и другое. Челнок был достаточно велик и летел быстро, а грузовой отсек был вполне просторен. Да, помешало лишь стечение обстоятельств — сигнал тревоги сработал буквально на несколько секунд раньше, и Грейланд успели втолкнуть под быстро закрывающуюся вакуумную переборку.

Затем ей удалось выжить в переходном туннеле, из которого медленно улетучивался воздух, пока новопостроенный корабль разваливался на части под воздействием центробежных сил. Грейланд могла погибнуть от удара челнока, потом из-за разрушения корабля и, наконец, просто из-за нехватки кислорода.

Не говоря уже о покушении во время ее коронации.

Грейланд оказалась везучей сукой. В буквальном смысле слова.

Надаше в последнее время везло меньше.

— Итак, перечислю вкратце, — сказал Кэл Дорик, личный адвокат Надаше, вскоре после ее ареста. — Убийство первой степени — Амит,

убийство первой степени — пилот челнока, убийство второй степени — охранники Грейланд и Амита, покушение на убийство всей остальной охраны, покушение на убийство команды корабля из нескольких десятков человек, покушение на убийство имперо и, естественно, измена.

— Это все? — спросила Надаше.

Дорик странно посмотрел на нее, но продолжил:

— Пока что все. Как я понимаю, внутри дома Нохамапитан — вашего дома — сейчас обсуждается вопрос о том, следует ли просить государство о выдвижении против вас обвинения в уничтожении чужой собственности. Дом Лагос, чей челнок вы похитили, почти наверняка потребует этого, но пока ничего не сделал. В процессе расследования могут добавиться и другие обвинения.

— И на что мы можем рассчитывать? — спросила Надаше. — В смысле приговора?

Дорик ошеломленно уставился на нее.

— На смерть, Надаше, — наконец ответил он. — Обычный приговор за измену. Вам угрожает смертный приговор за убийства первой степени. За убийства второй степени — пожизненное заключение. За покушение на убийство имперо, как правило, то же самое. За прочие покушения

на убийство сроки будут поменьше, но мне уже сообщили, что обвинение станет настаивать на суммировании наказаний, а не поглощении.

Надаше окинула взглядом унылые серо-зеленые стены комнаты для свиданий, где сидели они оба.

— Значит, в лучшем случае меня ждет нечто подобное до конца этой жизни и еще нескольких последующих?

— Да, в лучшем случае, — ответил Дорик. — При самом оптимистичном сценарии.

— А если договориться?

— Не получится, — покачал головой Дорик. — Если государство считает, что вы покушались на жизнь импера, оно захочет преподать урок другим.

— Что ж, — проговорила Надаше, сложив руки на столе между собой и адвокатом. — Для меня это попросту неприемлемо.

Дорик помолчал, затем собрался было что-то сказать, но тут же закрыл рот. Поправив костюм, он потянулся к ручке и блокноту:

— Хотите сказать, что вы невиновны?

— Конечно. Полностью.

— Во всем?

— Абсолютно во всем. Сама мысль о том, что я

могла попытаться убить Амита, любимого брата, оскорбляет меня до глубины души. То же самое и насчет Грейланд, чей брат был в свое время моим женихом и чьим женихом надеялся стать мой брат. У меня не было причин желать им смерти. Все это просто смешно. Я ни в чем не виновна.

Дорик пристально посмотрел на нее.

— Что? — спросила Надаше.

— В измене вы все-таки признались, — заметил Дорик. — Вы подкупили целый корабль имперской морской пехоты и отправили их через отмель Потока на Край, чтобы поддержать вашу попытку переворота на этой планете. Вы сами сказали об этом импере. И всему исполнительному комитету.

— Ну, это эмоциональное высказывание, — возразила Надаше.

— С точки зрения закона понятия «эмоциональное высказывание» не существует, но ладно.

— Не более чем бравада в пылу спора, — невозмутимо продолжала Надаше, — из-за того что меня обвинили в смерти собственного брата. Если честно, я плохо помню, что́ говорила тогда.

— Есть записи.

— Не сомневаюсь. Но я путаюсь в деталях. Возможно, психологическая экспертиза подтвердит,

что у меня провал в памяти.

Дорик с сомнением посмотрел на нее:

— Грейланд приказала провести всестороннее расследование с целью выяснить, кого еще вы могли подкупить.

— Я никого не подкупала. Это все Амит.

— Амит?

— Да.

— Ваш покойный брат, который пытался жениться на имперо?

— Он всегда верил, что у него есть план Б.

— Его план Б включал самоубийство?

— Порой люди совершают экстравагантные поступки, — сказала Надаше. — Думаю, вам удастся обнаружить распоряжение Амита о том, что в случае его смерти «Пророчество Рахелы» должно отправиться на Край.

— Уверены? — Дорик что-то пометил у себя в блокноте.

— Полностью.

— Ваше заявление не поддается проверке, ведь, если имперо права, течение Потока с Края сюда уже разрушилось.

— Да, если вы этому верите.

— И все же ваши познания относительно планов Амита кажутся мне чересчур обширными.

— Я вела свое расследование его действий.

Дорик удивленно поднял взгляд от блокнота:

— По поводу измены?

— В том числе.

— И вам не пришло в голову довести эту информацию до импер о, исполнительного комитета или хотя бы соответствующих органов власти?

— Амит был моим братом, Кэл, — сказала Надаше. — Мне требовалось знать точно.

— Значит, если я правильно понял, все это… — Дорик взмахнул ручкой над блокнотом, словно изображая всю чудовищность преступлений Амита.

— Да, это все вина Амита.

— Кто-нибудь может подтвердить ваши заявления?

— Мой брат Грени, — ответила Надаше. — Они с Амитом были весьма близки.

— Грени тоже на Крае, и, соответственно, его не вызвать для дачи показаний.

— Увы, да.

— Жаль, — почти искренне проговорил Дорик, и Надаше порадовалась сообразительности адвоката. — Что ж, в деле однозначно появляется альтернативный след.

— Да, — согласилась Надаше.

— На его расследование потребуется время. Это недели, а может, месяцы или даже годы.

— Торопиться не обязательно, — сказала Надаше. — Я готова ждать справедливого решения.

— Не сомневаюсь. — Дорик помедлил. — Это обойдется недешево. И если говорить прямо, дом Нохамапитан до сих пор не решил, стоит ли финансировать вашу защиту.

Надаше кивнула.

— Запиши. — Она выпалила длинный ряд цифр. — Отнеси в Имперский банк в Ядропаде. Отделение напротив Дома гильдий.

— Если это счет на ваше имя, его могли уже арестовать.

— Не на мое. На твое.

— Что ж, — заметил Дорик. — Жаль, что я не знал раньше об этих неожиданно свалившихся деньгах.

— Я бы предпочла, чтобы ты вообще о них не знал, — ответила Надаше. — И тем не менее.

Кивнув, Дорик встал:

— В следующий раз встретимся при предъявлении обвинения.

— Мне хотелось бы выйти под залог, — сказала Надаше.

— Позвольте напомнить, что вас собираются

обвинить в покушении на импер, — заметил Дорик. — Не слишком ли оптимистично?

— И все же попытайся.

Кэл Дорик попытался чего-то добиться, вполне разумно утверждая, что, поскольку Надаше обвиняется в покушении на жизнь импер, хотя и полностью невиновна, кто-нибудь из заключенных может попробовать ее убить, желая славы или в надежде повысить свои шансы на досрочное освобождение или смягчение приговора, — ведь он прикончит женщину, покушавшуюся на импер. Судью это, мягко говоря, не убедило, хотя он с неохотой признал необходимость повышенной безопасности для Надаше и выделил ей отдельную камеру в надежно охраняемом крыле исправительного изолятора имени импер Ханны Второй, находившегося в тридцати километрах от Ядропада.

Исправительное заведение именовалось «изолятором», потому что пассажирское сообщение с ним отсутствовало. Единственный путь к нему и из него пролегал по поверхности. Поскольку Ядро являлось безвоздушной планетой, всегда повернутой к солнцу одной и той же стороной, с температурой на поверхности плюс триста либо минус двести градусов по Цельсию, в зависимо-

сти от того, по какую сторону от терминатора находится, и такая поездка отнюдь не выглядела увеселительной. К изолятору могли приближаться лишь имеющие специальный допуск транспортные средства. Все остальные получали предупреждение за три километра, за два километра их брали на прицел, а на километровом расстоянии уничтожали. И естественно, никому не приходило в голову подниматься на поверхность планеты в одиночку.

В течение месяца после прибытия в изолятор Надаше избегала контактов с другими заключенными и вообще неприятностей. Этому помогало и то, что еду приносили прямо в камеру, а душ она принимала в местном лазарете, куда ее водили под охраной. Раз в неделю она встречалась с Дориком: тот сообщал о событиях во внешнем мире, о том, что дом Лагос теперь управляет делами Нохамапитанов в системе Ядра, что Грейланд Вторая спровоцировала общественно-политический кризис, предупредив о грядущем распаде течений Потока, а чуть позже — о том, что импето начала объявлять о своих религиозных видениях, подобно Рахеле в первые дни Взаимозависимости.

Надаше, знавшая о двух последних обстоятельствах фактов больше, чем едва ли не все

остальные люди во Вселенной, ничего не стала говорить адвокату о своих соображениях на этот счет и сосредоточилась на доме Лагос, взявшем на себя управление домом Нохамапитан.

— Кто у них главный? — спросила она.

— Леди Кива Лагос, — ответил Дорик.

— Ах эта…

— Вы знакомы?

— Когда мы учились в колледже, Грени был для нее сексуальной игрушкой. И как она справляется с делами дома?

— Если смотреть со стороны, то, похоже, все отлично.

— А если изнутри?

— Никто из тех, кто внутри, пока не говорил со мной на эту тему.

— Весьма невежливо с их стороны.

Дорик пожал плечами:

— Вы обвиняетесь в убийстве главы компании и уничтожении их самого нового и самого дорогого корабля. Кстати, страховой полис за него аннулирован: поскольку на момент предполагаемого несчастного случая вы являлись должностным лицом компании, страховщики заявляют о факте мошенничества.

— Смешно.

— Учитывая стоимость корабля, дом Нохама-питан вполне мог быть заинтересован в том, чтобы вас признали невиновной. Но поскольку вы пытаетесь свалить все на Амита… — Дорик снова пожал плечами, — ваш дом не склонен в этом участвовать. Особенно теперь, когда всем заправляет Кива Лагос.

— Пока что.

Дорик кивнул:

— Вполне вероятно, ваша мать пошлет кого-то из ваших родственников и отряд юристов с Тератума, чтобы вернуть бразды правления себе. Но они пока не прибыли, а учитывая предположения Грейланд, что течение Потока к Тератуму на грани коллапса, ситуация становится еще более… драматичной. В ближайшее время я начну собирать свидетелей и документы, но, как вы сами сказали, можно не торопиться.

Надаше приняла его слова к сведению.

— А как насчет отсрочки суда?

— Дело идет на удивление неплохо. Обвинение требует больше времени на подготовку — им хочется решить все одним махом. Я нисколько не возражаю. Пусть тянут время.

— Хорошо.

— Есть еще причины для отсрочки, кроме ва-

шего желания оставаться в живых как можно дольше?

— А что, этого недостаточно? — спросила Надаше.

— Достаточно, — ответил Дорик. — Но, как ваш адвокат, я хотел бы знать, может ли быть что-нибудь еще, имеющее отношение к делу.

— Зачем тебе это?

Открыв папку, Дорик достал лист бумаги и подвинул его Надаше:

— Недавно мне звонили. Возможно, тема разговора покажется вам интересной.

Надаше молча прочитала бумагу.

— Я не нашел здесь ничего, что, на мой взгляд, могло бы относиться к вашему делу, и не считаю себя обязанным делиться этой информацией с обвинением, как поступил бы обычно, — продолжал Дорик. — Если, конечно, вы не скажете мне, что это относится к делу, — тогда я поделюсь сведениями.

Надаше вернула бумагу Дорику:

— Вряд ли это связано с делом. Похоже, кто-то пытается тебя разыграть или заставить действовать определенным образом.

— Вполне возможно, — кивнул Дорик, забирая бумагу. — Дело весьма заметное, и мне приходит

немало самых фантастических посланий.

— Если получишь еще что-нибудь в этом роде, дай знать.

— Само собой.

На обратном пути в камеру Надаше размышляла о записке, которую показал ей Дорик, — от Терана Ассана, с которым она была неофициально знакома. Ассан, цепко карабкавшийся по карьерной лестнице, был дураком с чересчур большим самомнением, но не раз приносил пользу, давая инсайдерскую информацию из его собственного дома и дома Ву. Надаше нашла весьма интересным то, что он занял место Надаше в исполнительном комитете, а теперь хотел поделиться информацией об империо и своих контактах с членами дома Ву.

Надаше знала, что подобная щедрость не бесплатна, рано или поздно встанет вопрос о вознаграждении. Но пока об этом можно было не думать, и Надаше занялась складыванием воедино всех кусочков головоломки.

Занялась так усердно, что заметила убийцу с заточкой лишь тогда, когда та оказалась в трех шагах от нее, причем это расстояние быстро сокращалось.

— Вот ведь гадство! — сказала Надаше. В сле-

дующее мгновение убийца обхватила ее за шею, толкая на пол, и вогнала острие в сонную артерию другой женщины, подходившей к Надаше сзади с совершенно другим оружием — заостренной ложкой.

Баба-с-Ложкой, явно застигнутая врасплох внезапным появлением как женщины с зубной щеткой, так и самой этой зубной щетки в ее собственной шее, выронила оружие, пытаясь извлечь щетку из своей сонной артерии. Зубная Щетка одним ударом отбросила ее руки в сторону и открытой ладонью вогнала острие глубже — последовал сдавленный хрип, — а затем схватила Бабу-с-Ложкой за перед тюремной рубахи и швырнула через ограждение. Баба-с-Ложкой рухнула на пол тюрьмы четырьмя метрами ниже, издав глухой влажный шлепок, и сдохла.

Зубная Щетка посмотрела вниз, подобрала оружие Бабы-с-Ложкой и взмахнула им перед Надаше.

— Не стоит брать ложку, если бьешься на зубных щетках, — сказала она, швыряя ложку в ближайшую камеру.

— Что? — в замешательстве переспросила Надаше.

Зубная Щетка показала туда, где валялась Ба-

ба-с-Ложкой:

— Знаешь, кто ее подослал?

Надаше собралась с мыслями:

— Полагаю, Грейланд.

— Близко, но нет. Джейсин Ву.

— Ладно, — кивнула Надаше. — А ты от кого?

— От Дерана Ву. У него есть для тебя предложение.

К этому времени охранники и другие заключенные столпились вокруг трупа Бабы-с-Ложкой, глядя вверх на Надаше.

— Насчет них не беспокойся, — заметила Зубная Щетка. — Все можно исправить.

— Спасибо, что сказала.

— Хочешь узнать, в чем суть предложения?

Надаше снова посмотрела на Зубную Щетку. «Не думала, что этого тоже придется ждать так долго», — промелькнуло у нее в голове.

— Слушаю, — ответила она, заметив поднимающихся к ним охранников. — И желательно побыстрее.

Глава 4

Окинув взглядом пустой склад, Кива Лагос повернулась к Гей Патц:

— Зачем ты меня сюда притащила? Тут же ни хрена нет.

— Вы и в самом деле ничего не видите, — кивнула Гей Патц, главный эксперт-бухгалтер дома Лагос. — Но предполагается, что вашему взгляду должен предстать склад, заполненный готовым к отправке зерном Нохамапитанов на несколько миллионов марок и прочими товарами.

— Так их отправили или нет? — удивленно моргнула Кива.

— Возможно, — ответила Патц. — Но если даже отправили, то незаконно или покупателям, стоящим вне закона. Скорее всего, ничто из перечисленного сюда не прибыло. Товары на десять миллионов марок попросту исчезли.

— Но по документам… — сказала Кива.

— Да. По документам он весь тут. Вместе с товарами еще примерно на сорок миллионов марок, которые должны находиться на других складах

Нохамапитанов по всему Ядру, но их здесь тоже нет.

— Товары, за которые мы уже получили долбаные деньги?

Патц кивнула:

— Все, что должно было находиться на этом складе, заказано и оплачено. Как и весь товар с других складов. Дом Нохамапитан — а теперь и вы, поскольку на вас возложена ответственность за управление делами Нохамапитанов, — обязан поставить товары на сорок миллионов марок. Но есть и хорошие новости.

— Гм? И какие же?

— Товар предназначался для отправки за пределы системы. Как говорит импето, течения Потока разрушаются, и вполне возможно, что это случится до того, как от нас на законных основаниях потребуют выполнить заказ.

Фыркнув, Кива снова окинула взглядом пустой склад.

— И почему я узнаю́ об этом только сейчас?

— О чем? О складе?

— Да.

Патц пожала плечами:

— Сколько бы денег ни было задействовано в этой взяточнической схеме, это меньше одного

процента местных запасов дома Нохамапитан. Процент от общего объема торговли дома, естественно, еще меньше. Товар приходит и уходит, склады не остаются пустыми надолго. — Она обвела склад рукой. — Мы заметили пропажу в основном потому, что, после того как дом Лагос стал управлять делами Нохамапитанов, потребовалась ревизия. Еще несколько дней — и этот склад, как и несколько других, снова будет полон.

— Как, мать твою растак, им удавалось это скрывать?

— Волшебство в том, что клиенты находятся в неделях и месяцах пути отсюда. Когда прибывает груз и обнаруживается недостача, заказы либо корректируются с учетом отсутствующего товара, либо пополняются за счет более поздних поставок. В обоих случаях убыток списывается на деловые потери и вычитается из налогов. Желающий увидеть в этом что-то другое должен провести аудиторскую проверку всего бизнеса.

— А Нохамапитаны делать этого не собирались, поскольку сами снимали сливки, — сказала Кива.

— Ну… — осторожно заметила Патц. — У нас пока нет конкретных доказательств.

— Если не считать того, что Надаше Нохама-

питан, судя по всему, финансировала попытку государственного переворота из денег на мелкие расходы.

— Есть такое, — пробормотала Патц.

— Нам удастся покрыть недостачу? — спросила Кива. — Мы ведь не долбаные Нохамапитаны и не сможем делать вид, будто товар вывалился из корабля посреди Потока.

— Это уже не по моей части, — ответила Патц. — Может, и удастся что-то переиграть, но в любом случае вы теряете пятьдесят миллионов марок. Я поручила моим людям проверить бухгалтерию за последние десять лет, чтобы выяснить размах этого снятия сливок.

— Думаешь, удастся найти что-то еще?

Патц бесстрастно посмотрела на свою начальницу:

— Леди Кива, хищения подобного масштаба случаются не просто так. Вероятно, речь идет о сотнях миллионов марок, а может, и миллиардов.

— Перевороты обходятся недешево, — заметила Кива.

— Полагаю, да, мэм.

— Нам хотя бы известно, где эти долбаные деньги?

— Пока нет. Мы не имеем права искать их за пределами местных счетов дома Нохамапитан. Личные счета членов семьи и любые другие — вне нашей компетенции. Естественно, я делюсь информацией с имперским Министерством доходов. У них есть возможность провести более обширное расследование.

— Я хочу получить назад любые деньги, которые они найдут.

— Вынуждена вас предупредить, что Министерство доходов вряд ли удовлетворит ваше желание.

— Пусть идут на хрен.

— Да, — согласилась Патц. — Но есть еще проблема: дом Нохамапитан, вероятно, задолжал по налогам и штрафам. И почти наверняка этот долг больше недостающей суммы.

Кива что-то неразборчиво проворчала, затем спросила:

— И какую сумму на меня в итоге повесят?

— Думаю, зависит от того, кто этим займется, — ответила Патц. — Вряд ли у Грейланд или Министерства налогов возникнут претензии к вам, хотя бы потому, что почти все это, — Патц снова обвела рукой склад, — случилось до вашего прихода. Однако сам дом Нохамапитан может

попытаться свалить все на вас, особенно в свете некоторых недавних событий.

— Каких еще недавних событий?

— В общем… во время проверки мы обнаружили кое-что еще. Саботаж. Товара, машин, кораблей. И все это за последний месяц, с тех пор как ответственным стал дом Лагос.

— И сколько мы потеряли?

Патц промолчала, но по ее взгляду Кива поняла: «До хрена».

— Повторю свой вопрос: почему я узнаю об этом только сейчас?

— Вы — новая начальница. Некоторые просто не хотят ничего сообщать вам.

— А другие?

— Ну… они попросту хотят разорить вас, мэм.

Три часа спустя Кива снова сидела в своем кабинете в Доме гильдий — бывшем кабинете такого же бывшего Амита Нохамапитана. По прихоти собственной сестры он недавно оказался на пути челнока, который размазал его по палубе грузового отсека на поверхности примерно в акр, покатавшись по нему, словно пес по куче навоза.

Такой способ покинуть этот мир казался Киве не слишком приятным, но чем больше она об этом размышляла, тем больше приходила к

выводу, что бывает и хуже. Амит умер, не успев ничего понять, и, по крайней мере, разговоры о его смерти будут идти еще много лет — все-таки это куда интереснее, чем обычный инсульт или сердечный приступ. Больше ничего интересного об Амите сказать было нельзя: далеко не самая выдающаяся жизнь, по мнению Кивы.

Кабинет Амита Нохамапитана, теперь мертвого и размазанного, был просторным, как и подобало офису главы семейного бизнеса в системе Ядра. Со вкусом подобранная обстановка намекала на то, что решение принимал нанятый дизайнер, а вовсе не сам Амит, у которого, вероятно, не было художественных наклонностей. И естественно, кабинет был напичкан всеми технологическими новшествами, в каких мог нуждаться современный руководитель.

«Не хватает только устройства, которое предупредило бы его: „Эй, твоя долбаная сестрица собирается загнать тебе в задницу аж целый челнок“», — подумала Кива. Хотя, если честно, для этого потребовалось бы довольно специализированное устройство.

Размышляя, Кива смотрела через прозрачную стену кабинета на улицу внизу. Кроме обычного уличного шума Ядра — самого большого города

Взаимозависимости, как это обычно бывает с имперскими столицами, — снизу доносились и другие звуки, похожие на шум от акции протеста. С такой высоты Кива не могла разглядеть транспаранты или расслышать скандирование, но люди, видимо, были сильно возбуждены.

— Леди Кива?

Повернувшись, Кива увидела Бантона Салаанадона, ее помощника, занимавшего эту должность еще при Амите. Кива оставила Бантона при себе: он не был виноват в том, что его принял на работу предатель интересов Взаимозависимости, и к тому же знал многое из того, чего не знала Кива, — а ей не хотелось терять недели или даже месяцы на то, чтобы узнать все самой. Пока Бантон, благодарный за то, что его не уволили, оказывал неоценимую помощь в управлении делами дома Нохамапитан: разгребать приходилось немало.

Кива кивнула в сторону стеклянной стены:

— Против чего они протестуют?

Подойдя к начальнице, Салаанадон выглянул на улицу:

— Думаю, это не совсем протест. Импето сказала, что у нее есть видения насчет будущего Взаимозависимости, и, мне кажется, люди внизу ее поддерживают.

— Гм…

Салаанадон бросил взгляд на Киву:

— Ее величество упоминала об этих видениях, когда вы встречались с ней, леди Кива?

— Нет, — ответила Кива. — Когда я с ней встречалась, она выздоравливала после того, как сестра твоего бывшего босса взорвала вокруг нее космический корабль. И вообще мало что говорила: поблагодарила меня за помощь в раскрытии заговора Надаше и сказала, что теперь я здесь главная. А потом меня выставили за дверь.

— И все равно это большая честь — встретиться с импето.

— Да ничего особенного. Возможно, теперь она трахается с моим бывшим парнем.

— Мэм? — переспросил Салаанадон.

— Не важно, — махнула рукой Кива. — Ты ведь пришел ко мне не просто так?

— Да, мэм. К вам адвокат.

— Вышвырни его в окно.

— Думаю, не его, а ее.

— Ну так вышвырни ее. Какая, на хрен, разница?

— Я бы так и сделал, но она от дома Нохамапитан.

— То есть она из тех, кто теперь работает на

меня?

— Боюсь, что нет, — ответил Салаанадон. — Она с Тератума. Это…

— Я знаю, что такое Тератум и где он находится, — прервала его Кива. — Она из долбаной главной конторы.

— Да, мэм.

— По расчетам сходится?

— До Тератума пятнадцать дней пути по Потоку. В общем, да.

— Чего она хочет?

— Полагаю, обсудить ваше управление местной собственностью Нохамапитанов.

— Пусть лучше обращается к имперо, которая меня назначила.

— Она намекнула, что есть и другие вопросы.

— Тем более все это к имперо.

— Боюсь, от нее не отделаться. При ней документ с печаткой.

— Вот ведь хрень! — нахмурилась Кива. Документ с печаткой давал его обладателю те же права, что и высокопоставленному члену дома. С юридической точки зрения Кива не могла избежать встречи с этой долбаной адвокатшей: с тем же успехом она могла избегать встречи с графиней Нохамапитан, что было просто невозможно.

Формально говоря, несмотря на особое разрешение империо, Кива как управляющая являлась теперь наемной служащей графини.

— Она в приемной, — сказал Салаанадон.

— Прекрасно, — ответила Кива. — Пусть войдет. Лучше быстрее с этим покончить.

— Да, мэм. — Салаанадон слегка поклонился и вышел. Еще раз бросив взгляд на толпу с плакатами на улице, Кива на мгновение подумала, сколько из них истинно верующих, а скольким заплатила Грейланд. В конце концов, империо нанимали толпы и по менее существенным поводам, чем мистические видения. И если Взаимозависимости в самом деле грозила катастрофа, империо, возможно, решила потратить свои марки, прежде чем они утратят какую-либо ценность.

«Не такой уж плохой совет и для тебя самой», — подумала Кива.

Вот только проблема заключалась в том, что Кива, при всем своем богатстве, не испытывала к деньгам ни малейшего интереса. Да, ей нравились деньги, ей нравилось обладать ими, и она прекрасно сознавала, что жизнь без денег — полный отстой. Но, имея всю жизнь достаточно денег для исполнения буквально любого

желания — у дочери главы аристократического торгового семейства имелись свои привилегии, — она никогда не задумывалась о деньгах, и для удовлетворения материальных потребностей ей хватало небольшой доли доступных средств.

Поэтому Кива в основном предавалась двум занятиям: трахалась с таким энтузиазмом, что ей было почти (но все же не совсем) все равно — где, когда и с кем, и управляла делами, что нравилось ей и, как выяснилось, получалось у нее не так уж плохо. Кива не рассчитывала, что ей когда-либо придется заведовать делами дома Лагос, — как последний отпрыск многодетной графини Хьюмы Лагос, она не могла даже надеяться получить по наследству должность главного управляющего дома Лагос, но отнюдь не собиралась, как ее бывшая подруга по колледжу Надаше Нохамапитан, убивать братьев и сестер, чтобы повысить собственные шансы. Однако во вселенной хватало возможностей для Кивы — и бизнес дома Нохамапитан оказался одной из них.

По крайней мере, на время — а потом Нохамапитаны отберут у нее бразды правления либо разрушатся все течения Потока — и всем настанет полный кобздец.

«Веселенькие времена, мать твою!» — поду-

мала Кива.

Открылась дверь, и вошел Салаанадон с женщиной примерно того же возраста, что и Кива.

— Леди Кива Лагос, мадам Сения Фундапеллонан, — сказал Салаанадон, кивнув в сторону спутницы.

— Здравствуйте, леди Кива, — поклонилась Фундапеллонан.

— Угу, угу. — Кива махнула рукой, приглашая ее сесть в кресло перед своим обширным столом. Салаанадон нахмурился, но молча вышел. Кива опустилась в свое кресло.

— Хотела бы для начала передать слова любезности от графини Нохамапитан, которая благодарит вас за то, что вы взяли на себя управление ее местными делами в столь беспокойные времена…

Кива закатила глаза:

— Эй, ты… как там тебя?

— Сения Фундапеллонан.

— Не длинновато ли?

— Возможно, леди Кива.

— Слушай, Фундапеллонан, нельзя ли… обойтись без всей этой чуши? Ты же вроде умная девочка.

— Спасибо, леди Кива.

— А если умная, то знаешь не хуже меня, что из всех чувств, которые может испытывать ко мне графиня Нохамапитан, благодарность стоит на долбаном распоследнем месте. Импера заверила меня, что дети графини — изменники, дочь убила сына. Теперь я руковожу ее долбаной компанией. Думаю, больше всего ей хочется вышвырнуть меня из этого долбаного окна. — (Фундапеллонан слегка улыбнулась.) — И если ты в самом деле прилетела с Тератума…

— Да.

— …То, учитывая время на дорогу, тебя послали почти сразу же после того, как графиня получила новости о своих проблемных отпрысках. А значит, смешно говорить, что она вообще думает обо мне. Мне кажется, мысли графини Нохамапитан сейчас, помимо ругани на чем свет стоит, заняты, во-первых, тем, как спасти дочку от почти гарантированного смертного приговора, а во-вторых, как избавиться от присутствия посторонних в ее драгоценной долбаной компании, включая меня. Разумное предположение?

— Вы правы, — помедлив, ответила Фундапеллонан.

— И чтобы не тратить время впустую, попрошу тебя сразу перейти к долбаному делу.

— Что ж, вполне честно, — ответила Фундапеллонан. — Итак, леди Кива: дом Нохамапитан, который я представляю, просит вас устраниться от наших местных дел и позволить вести их управляющему, которого мы выберем сами. — Она положила на стол Кивы документ с печаткой. — Таково официальное требование. Неофициально скажу, что вы получите неплохую премию.

— Это взятка?

— Премия от графини. В знак признательности за вашу готовность помочь в критический момент.

— Кажется, я просила не нести чуши.

— Чушь бывает разной, леди Кива.

— Что ж, по крайней мере, здесь ты права. — Кива показала на документ. — Полагаю, вы обе, и ты, и графиня, понимаете, что меня назначила имперо? Я не могу просто так взять и уйти.

— Мы прекрасно это понимаем. И знаем, что имперо охотнее согласится на ваш уход, если вы подадите в отставку добровольно.

— Ты так уверена?

— Почему бы и нет?

— Ну… Надаше Нохамапитан пыталась убить имперо с помощью челнока, что вряд ли укрепит

репутацию этой долбаной семейки. Но, кроме того, есть еще проблема с хищениями, которые мои аудиторы обнаружили при изучении ваших книг за последние несколько лет.

Фундапеллонан наклонила голову:

— А что, книги дома Лагос безупречны? Никаких хищений и коррупции, леди Кива? Вы не хуже меня знаете: нет ничего необычного в том, что исполнители на местах, а порой, увы, и члены семьи, время от времени снимают сливки. Да, это достойно сожаления. Но ничего необычного.

— Это твой довод в пользу того, чтобы вернуть Нохамапитанам контроль над делами? Мол, каждый этим занимается?

— Если честно — да, каждый.

— Если честно, не каждый пытается убить императора, мать твою растак.

— Значит, ваш ответ — «нет»?

— Мой ответ: «Да ты что, издеваешься, твою мать?»

Фундапеллонан пожала плечами:

— Как пожелаете. Но учтите, что мы в любом случае намерены требовать вашей отставки.

— Удачи.

— Удача нам ни к чему, леди Кива. Хватит вашей некомпетентности.

— Пошла на хрен!

— Вам наверняка известно, что за последнее время вредительство в отношении имущества и товара Нохамапитанов приняло крупные размеры.

— Я слышала.

— И вам известно также, что это ставит под сомнение способности дома исполнять свои деловые обязательства. Это подрывает его репутацию.

— Не знаю, — возразила Кива. — Не стану спорить, что вредительства стало больше, но, как мне кажется, самый крупный акт вредительства имел место, когда Надаше превратила новенький корабль Нохамапитанов в долбаную груду металлолома. Если уж говорить о подрыве репутации дома, не стоит ли вспомнить и об этом?

Фундапеллонан нахмурилась:

— Возможно, у империо на этот счет иное мнение.

— Сомневаюсь. — Кива показала на документ. — С этой бумагой тебя наверняка пустят к империо, но вряд ли она забудет, что твой дом восстал против нее.

— Не дом. Один из его членов.

— Что ж, если считаешь это аргументом, удачи

тебе.

— С этим аргументом буду выступать не я, а графиня Нохамапитан.

— Она летит сюда? — удивленно моргнула Кива.

— Конечно, — улыбнулась Фундапеллонан. — Как вы проницательно заметили, Леди Кива, по репутации дома Нохамапитан в последнее время нанесли несколько ударов, и вряд ли скромный адвокат сумеет тут чем-нибудь помочь. Даже тысяча адвокатов ничем не поможет. Единственный вариант — доставить с Тератума графиню, чтобы она поговорила с импер о. Я здесь для того, чтобы провести ряд подготовительных мероприятий вроде беседы с вами. Роль тяжеловеса отводится графине.

— И когда она прибывает?

Фундапеллонан взглянула на часы на запястье, что показалось Киве чересчур театральным жестом.

— Если корабль, на котором она планировала быть, не задержится — примерно через три дня. — Она подняла взгляд. — У вас еще есть время передумать. Но его не так уж много, леди Кива. Совсем немного.

Глава 5

— И все-таки сколько у нас времени?

Марс Клермонт сохранил бесстрастное выражение лица — по крайней мере, этому он успел научиться, — но мысленно обхватил голову руками в знак бессилия. Жизнь его в последний месяц сводилась к тому, чтобы раз за разом давать один и тот же ответ в бесчисленных, но всегда рассчитанных на профанов вариантах людям, которых он не убеждал и которым не хватало математических познаний, чтобы понять, почему ответ правдив независимо от того, насколько им хочется, чтобы он был иным.

Но именно в этом теперь заключалась работа Марса: специальный помощник имперо Грейланд Второй по науке был обязан докладывать обо всем, связанном с неминуемым коллапсом Потока, Очень Важным Персонам. В число их входили имперские министры, члены парламента, главы аристократических домов и члены их свиты, епископы и архиепископы Взаимозависимой церкви и любых других церквей, ученые, жур-

налисты, высокопоставленные знаменитости, «властители дум», знаменитые интеллектуалы, а иногда и ведущие ток-шоу.

День за днем — весь последний месяц.

День за днем — в течение обозримого будущего.

Сейчас Марс выступал со своей многократно обкатанной презентацией на съезде Имперского экзогеологического общества, проводившемся раз в два года на Ядре. Раз в два года — поскольку его членам было нелегко отрывать свои задницы и тащить их по течениям Потока: это могло занять недели, а иногда и месяцы. Ядро же было выбрано просто потому, что туда вели все течения Потока.

(«Пока что», — подсказал Марсу внутренний голос, которому он тут же велел заткнуться.)

Из всех, кому Марс рассказывал о коллапсе течений Потока, убедить, казалось, было легче всего ученых. В конце концов, у Марса имелись данные за три десятилетия, обработанные, упорядоченные и представленные в формате, понятном почти каждому ученому: графики, диаграммы, таблицы с примечаниями и, естественно, цифровые файлы со всей информацией, которые его отец, граф Клермонт, собирал трид-

цать с лишним лет.

Но, как выяснилось, ученые оказались худшими из слушателей. Марс мог понять упрямство или пренебрежительное отношение со стороны физиков Потока: все-таки это была их область знаний, а теперь никому не известный лорд и совсем уже никому не известный преподаватель из заштатного университета в заднице космоса представлял им полученные от собственного папаши сведения, из которых следовало, что все прежние представления о Потоке полностью ошибочны. Это был, так сказать, настоящий удар в промежность. Если честно, Марса даже удивило бы, если бы специалисты по Потоку не стали его атаковать, — по крайней мере, пока они не посидели над данными и не осознали содержащуюся в них ужасающую истину.

Но так вели себя не только физики Потока. Все ученые во всех областях науки критиковали его за данные, собранные и интерпретированные им и его отцом. Марса это приводило в неподдельное замешательство, пока он не вспомнил свою учебу в академии и слова декана факультета насчет коллег, полных решимости отнести любое новое открытие исключительно к своей области знаний. «Когда у тебя в руках молоток, все остальное

выглядит как гвозди», — сказал тогда декан.

Сама фраза была не новой, но смысл ее оказался новым для Марса: немало ученых знали что-то одно, полагая, что их познания применимы к любой другой проблеме — до такой степени, что встречали в штыки информацию от тех, кто специализировался по этой проблеме.

К Марсу это относилось лишь косвенно — он прекрасно осознавал, чего он не знает: в тот момент, по сути, он знал только то, что относилось к коллапсу Потока. Но ему все больше казалось, будто каждый ученый держит в руках молоток, пытаясь отыскать гвоздь в его данных и его презентации.

И это основательно его выматывало. Марсу не раз хотелось поднять руки и сказать: «Ладно, можете не верить мне и моим данным; радуйтесь, что первыми пойдете на мясо, когда случится коллапс». Но потом он вспоминал обещание, данное Грейланд — импреро Взаимозависимости, с которой, сколь бы невероятным и даже смехотворным это ни казалось, у него установились вполне дружеские отношения, — помочь ей найти способ предотвратить гибель всей цивилизации.

А значит, он не мог рявкнуть перед сборищем упрямых экзогеологов, что Потоку все равно,

верят они в коллапс или нет, и ему приходилось в тысячный раз отвечать на тот же самый проклятый вопрос, который ему задавали каждый раз во время презентации.

— Нисколько, — ответил Марс задавшему вопрос напыщенному лысому типу, — кажется, тот был известным во всей Взаимозависимости специалистом по весьма специфической разновидности вулканических пород. Затем он показал на парившую над ним схему систем Взаимозависимости и течений Потока между ними, отметив течение, соединявшее Ядро, столицу Взаимозависимости, с Краем, родиной Марса: увидит ли он ее снова? — Как я уже говорил, течение от Края до Ядра уже начало распадаться. Оно разрушается начиная с Края, в направлении Ядра. Одним из последних кораблей, прибывших с Края, был тот, на котором летел я. Уже несколько недель с Края не приходят корабли. И не придут, судя по тому, что предсказывают данные.

— Значит, Край отрезан? — спросил еще один ученый.

— Наполовину. — Марс показал на другое течение, изгибавшееся между Ядром и Краем. — Течение в его сторону пока остается открытым. Мы можем посылать корабли на Край. Просто

они не смогут вернуться назад. — Затем Марс показал на еще одно течение, соединявшее Ядро с Тератумом. — Мы почти не сомневаемся, что следующим распадется течение Потока между Ядром и Тератумом — видимо, в ближайшие несколько недель. Имперо выделила исследовательский корабль для наблюдения за здешней отмелью Потока, и мы посылаем через отмель специализированные дроны, чтобы оценить состояние течения.

— Каким образом? — поинтересовался еще кто-то из экзогеологов.

— Ну… это достаточно сложно, — ответил Марс. — Внутренняя топография Потока не вполне соответствует привычному нам пространству-времени. Более того, если не окружать наши корабли небольшим пространственно-временным пузырем перед входом в Поток, они попросту перестанут существовать, по крайней мере в нашем понимании. Я мог бы объяснить лучше, но для этого потребуется больше времени, а у меня через два с половиной часа очередная презентация на другом конце Ядропада.

Послышался негромкий смех.

— Значит, когда разрушится течение от Ядра до Тератума, Тератум окажется отрезан, как сейчас

Край? — спросил лысый специалист по вулканическим породам.

— Нет, — сказал Марс, услышав в ответ недовольный ропот. — Край называется Краем в том числе и потому, что к нему и от него ведет по одному течению, причем оба связывают его с Ядром. — Марс показал на своей парящей в воздухе картине систему Тератума. — Тератум тоже связан с Ядром, но, кроме него, еще с тремя системами: Шираком, Мелакой и Парамарибо. Теперь, чтобы быстрее всего добраться с Ядра до Тератума, придется лететь сперва до Мелаки, а потом до Тератума. Лишние девять дней пути.

— То есть Тератум не окажется в изоляции?

— Пока нет. — Марс подошел к пульту и нажал кнопку, запуская анимацию. — Но коллапс течения с Ядра до Тератума — лишь первая ласточка. Вскоре начнут разрушаться и другие течения. — Одно за другим течения начали исчезать с картинки, связей между планетами становилось все меньше. — Некоторые системы окажутся в изоляции уже в ближайшие три года. — Исчезли еще несколько течений. — За десять лет течений Потока не станет вообще.

— И без них нельзя добраться из одной системы в другую? — после некоторой паузы спросил

кто-то.

— Нет, разве что за сотни лет, если не больше, — ответил Марс. — Двигатели наших кораблей рассчитаны на полеты внутри системы со скоростью во много раз меньше световой. Даже если мы построим корабли, способные летать быстрее — скажем, со скоростью в десять процентов от световой, — даже перелет между ближайшими системами все равно займет десятилетия. — Марс увидел чью-то поднятую руку. — И естественно, нет нужды напоминать вам, что полеты быстрее скорости света физически невозможны. — Рука опустилась.

— Вы настолько в этом уверены? — спросил лысый. — Сегодня я сказал своему шурину, физику Потока, что у нас будет встреча с вами. Он прямо заявил, что вы чокнутый и вам каким-то образом удалось одурачить имперо.

Марс улыбнулся — к таким вопросам он тоже успел привыкнуть.

— Сэр, похоже, вы не поняли, — ответил он. — Я, как и мой отец, выполнивший эту работу, были бы рады ошибиться. Мы были бы рады, если бы другие физики Потока ознакомились с нашими данными, предоставленными в распоряжение всех желающих, поковырялись в них и со всей

определенностью показали, что мы упустили некую важную деталь, вследствие чего все это время неверно интерпретировали данные. Разве не так работает наука? Вы представляете свою гипотезу коллегам, демонстрируя им все свои измерения, наблюдения и данные, а затем просите доказать, что вы ошибаетесь. Самый лучший вариант, сэр, — если меня с отцом объявят чокнутыми и я с позором отправлюсь домой, на Край. Вот только есть одна проблема, о которой я уже говорил. — Марс снова показал в сторону Края. — Процесс уже начался, в соответствии с нашими предсказаниями и данными. Сейчас мы спорим обо всем этом лишь потому, что разрушилось только одно течение и мы все еще можем найти другие объяснения отсутствию кораблей с Края. Когда в ближайшие недели случится коллапс течения Ядро — Тератум, время для дебатов о состоянии Потока закончится. И тогда придется задать себе вопрос: к чему нам, ученым, следует готовиться, чтобы помочь выжить всем остальным во Взаимозависимости?

— Вы говорите — «ученым», но импреро заявляет, будто ее посетили видения о будущих событиях, — возразил кто-то из экзогеологов.

— На этот счет ничего сказать не могу, — слегка

замявшись, ответил Марс. — Могу лишь утверждать, что имперо Грейланд твердо выступает за продолжение и дальнейшее развитие научных исследований, начатых ее отцом Аттавио Шестым.

— Но вам не кажется странным, что она участвует в этой мистической чуши? Вряд ли это чем-нибудь поможет ей.

Марс помедлил, обдумывая услышанное.

— Коллеги, — наконец сказал он, — я всего лишь представил вам часовую презентацию гипотезы, которая вполне вписывается в наблюдаемое поведение Вселенной. Она прошла экспертную оценку и соответствует всем общепринятым стандартам и критериям научных исследований. Однако я уже вижу, что чуть меньше половины из вас более чем наполовину убеждены в ее истинности. Вы — ученые. И если мне не удается убедить всех вас, приведя свои данные, то, вероятно, с обычной публикой получится еще хуже. — Он окинул взглядом примолкших экзогеологов. — Я вовсе не собираюсь утверждать, что мне понятны заявления нашей имперо о видениях и откровениях, и не могу сказать, что верю в них. Но я верю в имперо. Я верю, что имперо намерена помочь всем своим поддан-

ным подготовиться к грядущим событиям. И если видения помогают там, где бессильны реальные, наблюдаемые, поддающиеся проверке научные данные, я не имею ничего против видений. А учитывая, что́ именно поставлено на карту, возможно, вам стоит занять такую же позицию.

Марс почувствовал присутствие женщины еще до того, как ее увидел, — или, точнее, заметил, как напрягся его помощник и телохранитель Надау Уилт, пока они шли к ожидавшему Марса автомобилю. Затем Уилт преградил путь направлявшейся прямо к ним женщине — чуть старше Марса, с растрепанными волосами и папкой в руках.

Увидев реакцию Уилта, женщина остановилась в нескольких метрах от них, выставив перед собой руки.

— Вы действительно говорили правду, доктор Клермонт?

Марс улыбнулся — прошло немало времени с тех пор, как кто-либо называл его доктором.

— О коллапсе Потока? Конечно.

— Нет, не об этом. — В голосе женщины почувствовались пренебрежительные нотки. — О том, что вы были бы рады ошибиться.

«Ах вот оно что!» — подумал Марс. После каж-

дой презентации, посвященной коллапсу Потока, один-два слушателя непременно пытались припереть его к стенке, чтобы поделиться собственными «научными» теориями о том, что Поток — это некое призрачное измерение или что империо отключает течения Потока по распоряжению разумных инопланетных существ, выглядящих как помесь акулы с пуделем (демонстрировались соответствующие рисунки). В подобных ситуациях стратегия Марса заключалась в том, чтобы вести себя как можно вежливее, предоставив остальное Уилту.

— Да, — вежливо ответил Марс. — В данном случае я был бы очень рад ошибиться.

— Уверены? Должна вам сказать, доктор Клермонт, что меня не очень-то обрадовало, когда вы указали мне на мою ошибку.

Марс в замешательстве уставился на нее. Потом у него в буквальном смысле слова отвисла челюсть.

— Вы… Хатида Ройнольд?

— Да.

— Это вы сказали Нохамапитанам, что течения Потока смещаются, а не исчезают?

— Да.

— Вы ошиблись.

— Да-да, — раздраженно бросила Ройнольд. — Может, я бы не ошиблась, если бы ваш отец нашел время ответить на мое письмо, чего он так и не сделал.

— Империо велел отцу никому не рассказывать о своих исследованиях, — сказал Марс.

— Да, я понимаю.

— Нохамапитаны воспользовались вашими данными, чтобы совершить попытку переворота.

— Что ж, они не делились со мной своими планами, — ответила Ройнольд. — И точно так же империо вряд ли сказала вам, что использует ваши данные для своей смехотворной идеи с «видениями».

Марс посмотрел на здание конференц-центра, из которого они только что вышли.

— Как… вы оказались на сегодняшней презентации? Вы не экзогеолог.

— Схватила чужой бедж и проникла внутрь. — Ройнольд почти пренебрежительно ткнула себя в грудь. — Сами видите, как я выгляжу. Другие экзогеологи тоже далеко не модели. Так что я вполне вписываюсь.

— Лорд Марс, нам нужно идти, — сказал Уилт, знавший, когда следует вмешаться.

Марс повернулся, не имея ничего против такого вмешательства.

— Вы не правы, доктор Клермонт. — Ройнольд снова шагнула вперед, но тут же остановилась, поймав многозначительный взгляд Уилта. Уходить она, однако, не собиралась.

— В каком смысле? — спросил Марс.

Ройнольд показала на портфель Марса, где лежали его планшет, проектор и бумаги.

— Ваша работа неверна. Нет, не полностью ошибочна: неверна. Она неполна.

— Неполна?

— Именно, — кивнула Ройнольд.

Марс шагнул в ее сторону, к ужасу Уилта.

— Данные моего отца с высокой точностью предсказали коллапс течения Потока от Края, — сказал он. — Я сам проверял расчеты.

— Да, — ответила Ройнольд. — Все верно. Это же касается и коллапса течения от Ядра до Тератума. Послушайте, я же сказала: вы не ошибаетесь.

— А почему моя работа неполна?

— Неполна эта ее часть. Но не ваша теория. Вы с отцом работали над общей теорией коллапса Потока. — Ройнольд встряхнула бумагами, которые держала в руке. — А это — частная теория.

— В смысле?

— В том смысле, что ваш отец точно предсказал, когда случится коллапс течения Потока, и вы проверили его расчеты. Но он упустил тот факт, что в ходе процесса откроются и новые течения. Этого вы не проверяли, ведь ваш отец об этом не упоминал.

Ройнольд протянула бумаги Марсу. Тот шагнул вперед и взял их.

— Я неверно все поняла, поскольку исходила из ложных предположений, которые не проверила, — продолжила Ройнольд, пока он читал, и пожала плечами. — Возможно, помогла бы экспертная оценка, но мне платили за то, чтобы я никому об этом не рассказывала. Как выясняется, сам процесс был описан верно, просто с ошибочными начальными условиями. Получив ваши данные, я поняла, что ваш отец и я изучали различные аспекты одной и той же проблемы, взаимосвязанные, но почти независимые. Я включила его разработки в мое описание процесса. — Она показала на бумаги. — И получила вот это.

Марс оторвался от бумаг и молча уставился на Ройнольд.

— Верно? — спросила Ройнольд. — Конечно, это лишь предварительные результаты. И тем

не менее…

— Лорд Марс… — сказал Уилт, на этот раз более настойчиво.

Кивнув телохранителю, Марс показал бумаги Ройнольд:

— Я могу их взять?

— Я принесла их специально для вас.

— Как мне с вами связаться? Хотелось бы еще поговорить.

— Моя контактная информация — на титульном листе.

— В какое время вам лучше звонить?

— В любое, — неловко усмехнулась Ройнольд. — Я сейчас без работы.

— Я думал, вы профессор, — нахмурился Марс.

— В общем, да, — ответила Ройнольд. — Вот только выясняется, что, когда твоей работой пользуются изменники для подрыва устоев Взаимозависимости и покушения на жизнь импера, работать в имперском университете становится несколько… проблематично.

— Вы не виноваты, что вашими данными так воспользовались. Они же не делились с вами своими планами?

— Нет, — согласилась Ройнольд. — Впрочем, я не очень-то ими интересовалась. — Она пожала

плечами. — Так или иначе, теперь у меня полно свободного времени. Не знаю, будет ли у меня что есть через пару недель, но, полагаю, для этого и существует минимальное пособие Взаимозависимости.

— Что, правда? — уставился на нее Марс.

— Наверное, я чересчур мрачно выразилась. Извините. Порой забываю о границах дозволенного.

Улыбнувшись, Марс вернул бумаги Ройнольд.

— Идемте. У меня очередная презентация на другом конце города, и я уже опаздываю. Можем поговорить по пути. И потом тоже.

— Ладно. — Ройнольд взяла бумаги. — Похоже, вы не сильно расстроены тем, что вам указали на ошибку. Если честно, не ожидала.

— Вы сами сказали, доктор Ройнольд: я не ошибаюсь. Я просто неточно выразился.

Глава 6

Течение Потока от Ядра до Тератума перестало существовать.

Коллапс случился раньше, чем предполагалось, но в пределах погрешности предсказания, сделанного Марсом для империо Грейланд Второй. Последним кораблем, ушедшим через отмель Потока с Ядра, стала «пятерка» дома Нохамапитан «Для меня ты навеки девчонка», которая вошла в течение Потока за шесть часов до коллапса. Капитана «Девчонки» еще до входа в течение Потока предупредили, что советник империо по науке предсказал распад течения, который, вероятно, начнется в случайных местах, а не так, как было при коллапсе течения от Края до Ядра: тогда волнообразный процесс начался в одном конце и дошел до другого. Диспетчерская служба Ядра предложила следовать в Мелаку и лишь затем — в Тератум.

Капитан «Девчонки», Дарис Мория, высказала своему старшему помощнику Лин Бурротинол все, что она думала об империо Грейланд Второй,

ее советнике по науке и диспетчерской службе Ядра, после чего приказала кораблю войти через отмель в Поток, как и было запланировано.

Корабль не прибыл на Тератум по расписанию и вообще не долетел до него. По сути, «Девчонка» оказалась потерянной для Взаимозависимости навсегда. Ее выбросило из разрушающегося течения Потока в нескольких тысячах световых лет от ближайшей человеческой базы — поскольку Поток, хотя его воспринимали как реку или дорогу, в общем, как линейный транспортный путь, не походил ни на что из этого и не являлся линейным ни в малейшей степени. Если бы «Девчонку» вышвырнуло из Потока на секунду раньше, она оказалась бы на расстоянии всего лишь светового года от звезды Сириус А, относительно недалеко от прародины человечества — Солнечной системы. Если бы это случилось на секунду позже, корабль был бы намного ближе к ядру галактики Млечный Путь.

Но в любом случае он очутился бы вдали от чего угодно: вдали от Ядра, вдали от Тератума, вдали от человечества. Вдали от спасения. Вдали от жизни.

Корабль «Для меня ты навеки девчонка» был построен с расчетом на поддержание жизни и

безопасного существования команды в течение пяти лет: после этого срока неизбежно наступали хаос и безумие. Но, как и большинство торговых «пятерок», «Девчонка» на практике не могла продержаться так долго, она совершала короткие грузовые рейсы с Ядра на Тератум и обратно, каждый из которых занимал примерно две недели. Оборудовать корабль для долговременного выживания команды, казалось, не было нужды. Теперь выяснилось, что нужда была.

Капитан Мория призвала всех сохранять спокойствие и получила две спокойные недели. Еще через две недели Мории не будет в живых, а среди команды, прекрасно понимавшей, что случилось с «Девчонкой», где та оказалась (или не оказалась) и насколько мало у них еды и ресурсов, начнется раскол. Еще через месяц умрет половина членов команды, включая бóльшую часть офицеров. Шесть недель спустя на корабле останется лишь тридцать человек, разбившихся на три враждующие группировки, а его системы начнут отказывать.

Пройдет еще двести семьдесят семь дней, прежде чем последний оставшийся в живых член команды, грузчик по имени Джайн Брисфейт, составит многословную хронику последних,

невероятно тягостных дней «Девчонки» и ее команды, после чего отправится в помещение охраны, возьмет пистолет, удалится в одну из кают-компаний и застрелится, смеясь над любимой частью своего повествования.

Его рассказа, загруженного в планшет, никто не увидит и не услышит. Батарея планшета сядет через два года, а пятьдесят лет спустя он полностью утратит способность функционировать, даже если его зарядить. Сама «Девчонка» в течение десяти лет превратится в холодную пустую скорлупу. Ее не найдут ни люди, ни другие разумные существа, если они вообще существуют. Корабль будет дрейфовать среди звезд двадцать миллионов лет, прежде чем его захватит гравитационное поле пролетающего мимо красного карлика, на орбите которого он будет вращаться еще шесть миллионов лет, прежде чем упасть на звезду и испариться, смешавшись с составляющими ее атомами.

Но все это — в будущем.

А пока что коллапс течения Потока между Ядром и Тератумом подтвердился с помощью несложной процедуры: исследовательский дрон попытался войти в отмель Потока и не смог. Там, где несколько мгновений назад была отмель, не

осталось ничего, кроме обычного пространства-времени и вакуума. Другие корабли проверили окрестности отмели: вдруг та переместилась? Такое случалось, хотя и редко. Но отмель никуда не переместилась — она попросту исчезла.

Известие о коллапсе течения до Тератума должно было достичь всех систем Взаимозависимости (включая сам Тератум, теперь отделенный от Ядра почти месяцем пути) в течение нескольких недель или месяцев. Однако в системе Ядра последствия не заставили себя ждать: на товарно-сырьевой бирже тут же рухнули акции и фьючерсы и миллиарды марок почти мгновенно превратились в ничто. Немногочисленные спекулянты почувствовали себя богачами — ненадолго, пока не была остановлена вся торговля и не заморожены прибыли и убытки.

Несколько торговых домов предъявили дому Айелло, страховому монополисту, требования о возмещении потерь, вызванных теперь почти несомненным коллапсом течения Потока от Края до Ядра. Суммы возмещения за потерянные корабли, груз и людей доходили до миллиардов марок, но дом Айелло отклонил почти все требования, справедливо утверждая, что коллапс течений Потока является обстоятельством непре-

одолимой силы.

В магазины и рынки по всему Ядру врывались охваченные паникой покупатели, сперва сметавшие предметы первой необходимости, а потом все, что осталось. Владельцы и управляющие торговых заведений пытались заверить клиентов, что коллапс одного течения Потока вовсе не означает немедленного наступления голода и хаоса, но это плохо им удавалось.

Полиция и служба безопасности по всей системе перешли в усиленный режим, готовясь к мятежам. Хорошей новостью было то, что паника в основном свелась к ажиотажу в магазинах, плохой — то, что все были уверены: дальше будет хуже.

Храмы церкви Взаимозависимости и других религий заполонили верующие, новообращенные и просто испуганные обыватели, которые, в зависимости от своего опыта духовной жизни, молились, медитировали или размышляли о том, что им теперь делать. Священники, пасторы, раввины, имамы и прочие религиозные деятели, с одной стороны, радовались, что могут принести пользу во время духовного и экзистенциального кризиса, а с другой — прекрасно сознавали, что все это — эквивалент панического штурма

магазинов: новые прихожане готовы были ухватиться за что угодно, надеясь, что это поможет им выжить.

В Ядропаде толпы тех, кто не отправился в церковь, собрались у ворот Брайтона, местной имперской резиденции. Все в системе Ядра знали о видениях Грейланд, посвященных будущему Взаимозависимости, и о ее покровительстве лорду Марсу Клермонту, предсказавшему коллапс течений до Края и Тератума. И не важно, чем они считали эти видения — реальностью, уловкой с целью одурачить чересчур доверчивых или признаком душевного расстройства: теперь у них были основания полагать, что ей известно нечто большее. И они пришли в Брайтон: одни — чтобы выразить свое почтение, другие — чтобы помолиться, а третьи — чтобы где-нибудь быть в этот тревожный момент, даже если у них не было особого желания идти именно в церковь.

Импето, однако, находилась не в Брайтоне, а в Сиане, громадном имперском поселении, парившем над планетой Ядро и городом Ядропад. Некоторые предполагали, что она общается со своей далекой предшественницей Рахелой, единственной до недавнего времени пророчицей-импето, обдумывая следующие шаги и заявления, чтобы

спасти свой народ и свою империю.

Что было не так уж далеко от истины.

Архиепископ Корбейн была не слишком рада очередному посетителю, но сомневалась, что у нее есть повод отказать ему. И вот в ее кабинет внутри соборного комплекса Сианя вошел лорд Теран Ассан.

— Добро пожаловать, лорд Ассан, — сказала Корбейн, надеясь, что слова ее звучат достаточно вежливо.

Ассан слегка поклонился, окинув взглядом просторный, роскошно обставленный личный кабинет Корбейн.

— Впечатляет, — заметил он.

— Спасибо, — ответила Корбейн. — Все-таки я глава церкви.

— Церкви, которой несвойственна умеренность, — кивнул Ассан.

— Ее основала женщина из торгового семейства, ставшая затем имперо межзвездной цивилизации. Пожалуй, все так, как вы говорите.

— Если уж зашла речь о женщинах из торговых семейств, ставших имперо, то, полагаю, вы слышали новость о том, что Грейланд Вторая намерена обратиться к парламенту?

— Слышала, — кивнула Корбейн.

— Ходят слухи, будто она воспользуется случаем, чтобы объявить военное положение — после того, как предсказания ее любимчика-ученого о коллапсе течения Потока до Тератума вызвали всеобщую панику.

— Пока что это еще не паника.

— Что, в самом деле? — усмехнулся Ассан.

— В самом деле, — подтвердила Корбейн. — Да, люди потрясены и напуганы. Но они не жгут все вокруг.

— Пока.

— Надеюсь, и не станут. От пожаров в замкнутых поселениях хорошего мало.

Ассан кивнул в сторону окна: на лужайке перед собором Сианя собралась толпа.

— Похоже, в этот критический момент ваши дела идут неплохо.

— Зачем вы хотели меня видеть, лорд Теран?

— Что станет делать церковь, если имперо объявит военное положение?

— Вы пришли ко мне именно с этим вопросом?

— Отчасти, — ответил Ассан. — Как представитель гильдий в исполнительном комитете, я получаю немало звонков и писем от представителей аристократических домов и гильдий, которые выражают озабоченность. Мне известно,

что и моих коллег в парламенте осаждают избиратели. Но вас выбрал не народ, архиепископ, а сама церковь.

— Вы так говорите, будто у нас нет прихожан, лорд Теран.

Ассан снова кивнул в сторону толпы:

— Теперь их даже больше.

— Я хочу сказать, что не согласна с вашим мнением.

— Как пожелаете. Но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Об этом я даже не задумывалась, — сказала Корбейн. — Не задумывалась потому, что услышала об этом впервые и не склонна делать поспешные выводы на основе гипотетических предположений. С тем же успехом я могу спросить вас, что вы станете делать, если Грейланд объявит об отмене завтраков.

— Я сторонник завтраков.

— Похоже, вы не поняли мою мысль, — развела руками Корбейн.

— Я прекрасно понял вашу мысль, — заверил ее Ассан. — Но, осмелюсь заметить, вы не поняли мою. Я не делаю гипотетических предположений, например о запрете еды. Империо обратилась к церкви как ее глава, объявив о своих виде-

ниях — никто не слышал о таком уже тысячу лет — и обязав вас, всю церковь, следовать ее примеру. — Он махнул рукой в сторону толпы возле собора. — Должен сказать, она прекрасно все разыграла. Ваши церкви и соборы полны напуганных людей, и организация, которую вы представляете, внезапно увеличила свою власть. Но этой властью вы обязаны импero, пустившей утку насчет своих видений.

— На что вы намекаете?

— Я ни на что не намекаю. Я прямо заявляю: она застигла вас — лично вас, архиепископ, — врасплох, воспользовавшись коллапсом двух течений Потока, чтобы заполучить часть власти, принадлежащей церкви. Причем проделала это так ловко, что вы, похоже, пока ничего не заметили. Разве что это полностью устраивает вас. — Корбейн собралась было возразить, но Ассан продолжил: — А теперь импero хочет обратиться к парламенту, сразу после коллапса течения до Тератума, когда люди напуганы, уязвимы, ищут поддержки и легко внушаемы в политическом смысле. Учитывая все вышесказанное, кажется ли вам гипотетической мысль о том, что импero может объявить военное положение?

— Нет, — после некоторой паузы ответила

Корбейн.

— В таком случае возвращаюсь к своему вопросу.

— Но это не кажется мне вероятным, — продолжила Корбейн, проигнорировав последние слова Ассана. — Я работаю с нынешней импero с самого начала ее правления и знала ее еще до того, как она стала импero. У Грейланд много разных качеств, лорд Теран, и не все они желательны для импero, но жажда власти в их число не входит.

— А что, если вы ошибаетесь?

— Если я ошибаюсь? — На этот раз уже Корбейн показала на толпу снаружи. — Вы считаете, будто Грейланд хочет получить власть над Взаимозависимой церковью, забыв о том, что ни до, ни после своего обращения к епископам она не пыталась заполучить контроль над церковью. Политику, практику и доктрину церкви определяет вовсе не она, а я. Не она назначает священников в церкви — этим занимается епископ Карник. Системой социального обеспечения заведует тоже не она, а епископ Орнилл. По крайней мере, пока.

— Пока?

— Он подумывает подать в отставку. Как он говорит, внезапный кризис веры. Но кто бы ни занял место Орнилла, его назначит не импero.

Поэтому для того, чтобы сбылось ваше предположение, лорд Теран, должна смениться власть. Пока что этого не случилось.

— Как скажете, архиепископ, — пожал плечами Ассан. — Думаю, я получил ответ на свой вопрос. Спасибо.

Кивнув, он удалился столь же поспешно, как и вошел, снова окинув взглядом кабинет. Корбейн немного постояла, пытаясь понять, что сейчас произошло, затем в смятении села за стол и вызвала своего помощника Юбеса Иси.

Тот сразу же появился в дверях:

— Да, ваше преосвященство?

— Собери сегодня вечером моих советников, — сказала Корбейн. — В семь часов. Скажи епископам, пусть поменяют свои планы, если потребуется.

— Могу я сообщить им, в связи с чем созывается собрание?

— Мне нужен их совет. По поводу импело.

Иси помедлил, словно собираясь уточнить подробности, но передумал.

— Да, ваше преосвященство.

— И еще, Юбес…

— Да?

— Организуй ужин и закуски. Собрание будет

долгим.

— И как архиепископ Корбейн отнеслась к твоему предположению, будто она — игрушка в чужих руках? — спросил Джейсин Ву.

— Разумеется, она это отрицает, — ответил Ассан. — Но суть была не в том, чтобы ее убедить, а в том, чтобы заронить зерно сомнений. Само собой, сомнения у нее уже появились. В ее положении не так-то просто смириться с тем, что новоиспеченная импере несет какую-то чушь о пророчествах. Это угрожает личной власти и влиянию Корбейн.

Джейсин что-то проворчал. Оба стояли посреди кабинета Джейсина в ядропадском Доме гильдий, обстановка которого вполне соответствовала должности Джейсина в совете дома Ву. В руках они держали бокалы с виски, что казалось Ассану таким же неотъемлемым признаком власти, как и огромные размеры кабинета.

— Когда придет время, я хочу иметь ее союзником, Теран.

— Я знаю, Джейсин.

— Хорошо. И время это, похоже, придет довольно скоро.

— Из-за коллапса течения Потока до Тератума?

— Из-за того, что оно только первое в числе мно-

гих. Вернее, второе, — поправился Джейсин. — Но будут и другие, и нам нужно подготовиться, прежде чем обрушится чересчур много течений.

— Подготовиться к перевороту?

— Мать твою! — поморщился Джейсин. — Не произноси этого слова вслух, Теран.

— Называй как есть, Джейсин. Мы оба знаем, что без этого не обойтись. Собственно, именно потому ты протащил меня в исполнительный комитет — чтобы убедить остальных его членов.

Джейсин пристально посмотрел на Ассана:

— Говорят, ты не слишком популярен в комитете. И к тебе прилепилось словечко «сволочь».

— Да, я такой, что уж тут.

— Что верно, то верно: ты всегда был сволочью. При всем к тебе уважении.

— Знаю. Какой смысл притворяться? В комитете сидят не дураки и не слепые. Да, я сволочь, но я часто бываю прав. И вряд ли они могут это отрицать, даже если я неприятен им.

— Оптимистично.

— Но работает.

— Будем надеяться. — Джейсин пригубил из бокала. — Надаше Нохамапитан все еще жива.

— Я слышал.

Джейсин бросил взгляд на Терана:

— И жива она потому, что ты рассказал Дерану о моих планах убить ее?

— Нет, — пренебрежительно бросил Джейсин. — Она жива потому, что кабинет Дерана находится через три двери, а утечки информации в доме Ву — самое обычное дело.

— Но я намекал тебе насчет своих планов.

— И я никому об этом не говорил. Ты знаешь, что я общаюсь с Дераном, а Деран знает, что я общаюсь с тобой. Разница в том, что Деран считает меня своим двойным агентом, а на самом деле я — твой двойной агент. И позволь мне заметить, как агенту, что получилось даже к лучшему.

— Надаше Нохамапитан опасна.

— Да, опасна. Но она и ее дом могут быть твоими врагами, а могут быть и союзниками. Дом Нохамапитан сейчас в немилости, но все так же могуществен и имеет не менее могущественных друзей. А для того, что ты намереваешься сделать, тебе понадобятся все друзья, которых ты сможешь найти.

— Жаль, что я не видел выражения его лица, когда ты рассказал ему, что о планах убийства Надаше сообщил мне вовсе не ты, — говорил полчаса спустя в своем кабинете Деран Ву. Кабинет его был чуть поменьше, чем у Джейсина,

но, возможно, чуть богаче обставлен, да и виски был лучше.

— Ты же сам знаешь, — ответил Ассан. — Ты знаешь, что я общаюсь с Дераном, а Деран знает, что я общаюсь с тобой. Разница в том, что Деран считает меня своим двойным агентом, в то время как на самом деле я твой двойной агент. И позволь мне заметить, как агенту, что пришла пора вести себя осторожнее с Нохамапитанами.

— С чего бы? Как раз сейчас мы с Надаше пришли к полному взаимопониманию. Она замолвит за меня слово в своем доме через своего адвоката, а взамен я воспользуюсь моими связями в следственных органах и службе безопасности, чтобы запутать все ведущие к ней следы.

— И тебе придется сделать так, чтобы они вели к Амиту.

— И что?

— Амит, как известно, был любимым отпрыском графини, и смешать с дерьмом его память, чтобы спасти его сестру, которая, как наверняка известно графине, убила ее любимчика, — возможно, не такой уж выигрышный вариант, как тебе кажется.

— Я тебя понял, — нахмурился Деран.

— Я так и думал, что поймешь.

— У тебя есть альтернативный план?

— Зависит от того, насколько решительно ты готов бороться за трон импе́ро, — улыбнулся Ассан.

— Так вы пытаетесь столкнуть друг с другом двоюродных братьев Ву? — спросила Тинда Лоуэнтинту, глава аппарата графини Нохамапитан, в имперских апартаментах «Рахелины», самого изысканного и лучше всего охраняемого отеля Ядропада. Она предпочла их офису дома Нохамапитан в Доме гильдий: в том гнездышке сидела кукушка — вопрос, который также следовало решить, причем в ближайшее время. Имперские апартаменты «Рахелины» поражали своей роскошью, а виски, который Ассан из осторожности старался пить небольшими глотками, с учетом того, сколько алкоголя уже находилось в его организме, был просто превосходен.

— Собственно, я не сталкиваю их друг с другом, — ответил Ассан. — Я просто даю им повод считать, будто каждый из них использует меня, чтобы шпионить за другим, а сам решаю, кого в конечном счете поддержу в борьбе за имперский трон.

— Если они обменяются впечатлениями, для вас это может плохо кончиться, — заметила

Лоуэнтинту.

— Для этого им придется перестать ненавидеть друг друга дольше чем на пятнадцать секунд. Моя семья поддерживает близкие отношения с Ву и делала это в течение многих поколений. Я примерно того же возраста, что и Джейсин с Дераном, и с детства общался с обоими здесь, в Ядропаде. Никто за пределами семьи не знает их лучше меня. Никому из них не грозит внезапный приступ любви к другому.

— И вы считаете полезным поддерживать их вражду?

— Вы так говорите, будто я специально этим занимаюсь, — усмехнулся Теран. — В моей семье есть поговорка: «Больше всех ненавидят Ву сами Ву». Это просто чудо, когда в их совете директоров достигают согласия насчет обеденного меню, не говоря уже о реальных деловых вопросах. Я вовсе не сталкиваю между собой Джейсина и Дерана. Но я не против того, чтобы использовать их вражду в своих целях.

Лоуэнтинту кивнула:

— Поэтому вы и пришли ко мне, лорд Теран?

— Да. Вам следует знать, что дни Грейланд в любом случае сочтены. Если ее в самом деле посетили видения, значит у нее не в порядке с

головой. Если нет — значит она ведет некую игру во время кризиса, который отчасти вызвала сама. Ради блага Взаимозависимости ей следует уйти.

— Если вы так считаете…

— Так считаю вовсе не я, — возразил Ассан. — Во всяком случае, не только я. Другие дома обеспокоены переменами в Потоке и тем, что Грейланд может воспользоваться ими для вмешательства в их бизнес и монополии. Парламент убежден, что Грейланд намерена ввести военное положение. Даже церковь не очень понимает, что делать с Грейланд после того, как та стала подражать Рахеле. Грядут перемены, в этом нет никаких сомнений. И думаю, все согласны, что, когда эти перемены наступят, нам в первую очередь потребуется стабильность на самом верху. На имперском троне.

— Дом Нохамапитан уже однажды выступил против имперо, — заметила Лоуэнтинту. — И это не пошло нам на пользу.

— Нет, — покачал головой Ассан. — Прошу прощения, госпожа Лоуэнтинту, но дом Нохамапитан не выступал против имперо: это сделала одна из его представительниц. Возможно, она действовала неразумно, но ясно также, что у дома Нохамапитан имелись вполне законные

претензии. Имперский дом согласился с тем, что следующий имперо вступит в брак с одним из Нохамапитанов. Затем имперо отказалась от своих обязательств, чего ей не следовало делать. Это ошибка, которую нужно исправить. И ее можно исправить.

Лоуэнтинту удивленно подняла брови:

— Можно, если дом Нохамапитан готов договориться с одним из кузенов Ву, стремящихся сейчас занять трон, и поддержать их своими силами и силами своих друзей.

— Когда?

— Думаю, скоро. Ученый, которого пригласила имперо, снабдил нас графиком.

— И что вы с этого будете иметь? — спросила полулежавшая на кушетке женщина, до этого молчавшая.

— В каком смысле, мэм?

— В том смысле, лорд Теран, что я далеко не дура, — ответила графиня Нохамапитан. — Мне известно, почему в это ввязались Джейсин и Деран Ву. Один из Ву должен стать имперо, и они по глупости стали добиваться трона, хотя все вокруг, похоже, начинает рушиться. И мне ясно, в чем, по-вашему, состоит наш интерес: вы явно намекаете на политический союз между нашим

домом и Ву, тем Ву, кто в итоге окажется наверху. Мне хотелось бы знать, в чем заключается ваш интерес. Вы уже управляете делами дома Ассан. Вы уже заседаете в исполнительном комитете. У вас столько власти, сколько не было никогда раньше. Чего вы еще хотите?

— Не для себя, — улыбнулся Ассан. Достав планшет и открыв фотографию двух улыбающихся маленьких детей, он показал ее графине.

— Очаровательно, — ответила графиня. — Но разве это имеет отношение к делу?

— Имеет. Один из них станет супругом сына или дочери следующего импер о.

На лице графини отобразилась непостижимая гамма чувств.

— Это весьма амбициозно с вашей стороны, лорд Теран, — заранее строить подобные планы. Учитывая, что нашей цивилизации грозит внезапный конец.

— Не всей, а лишь большей ее части. Остается Край, где власть пытается захватить ваш сын Грени. В помощь ему Надаше отправила целый корабль морских пехотинцев. Это единственное место во Взаимозависимости, где в перспективе смогут выжить люди. Ваши дети планировали завладеть им и сделать дом Нохамапитан новой

имперской династией. Что ж, планам не суждено было сбыться. Пришла пора вернуться к плану А: заключить брак с имперо. И я вам помогу.

— И все, чего вы хотите, — это трон?

— Да. В конечном счете. Но сперва его можете получить вы. Чего вы наверняка хотите, мэм.

Ассан увидел, как графиня Нохамапитан бросила взгляд на главу своего аппарата — та едва заметно кивнула, — а затем снова посмотрела на него:

— А если подробнее, лорд Теран?

— Для начала, кого из Ву вы предпочитаете, мэм? — спросил Ассан. — Джейсина или Дерана?

Глава 7

Киву Лагос удовлетворяли орально — на вполне приемлемом уровне, — когда звякнул ее планшет. Бросив взгляд на экран, она поняла, что это Бантон Салаанадон, ее секретарь. Кива сперва решила не отвечать, поскольку, во-первых, была занята, а во-вторых, велела Салаанадону ее не беспокоить, если только не запылает мировой пожар. Но вероятность мирового пожара все же существовала, а оральный секс, хоть и доставлял удовольствие, не требовал особого внимания с ее стороны; поэтому она взяла планшет и ответила, не включая видео.

— Что, мать твою, мировой пожар случился? — спросила она. Партнерша вопросительно посмотрела на нее снизу, словно спрашивая, надо ли остановиться, но Кива жестом дала понять, что процесс может продолжаться, и та вернулась к прерванному занятию.

— Зависит от того, считать ли вызов к импер пожароопасной ситуацией.

— Что? Объясни.

— Графиня Нохамапитан потребовала срочной аудиенции у импера, чтобы поговорить об управлении местными делами дома. В частности, она требует, чтобы вас сняли с должности. Полагаю, импера решила, что будет справедливо, если вы, леди Кива, также выскажете свое мнение.

— Когда аудиенция?

— Через два часа, мэм.

— Тогда мне понадобится транспорт.

— Я уже договорился, чтобы вас забрали из ваших апартаментов, и заказал лучшее место на челноке до Сианя. Поскольку вас вызывает импера, вы имеете право вне очереди сесть и пройти таможню. По прибытии вас встретит имперский эскорт, и я уже оформил все необходимые бумаги для ускоренной проверки со стороны службы безопасности.

— Значит, никакого оружия с собой. Я поняла.

— Да, весьма желательно, — сказал Салаанадон.

Кива никогда не знала, доходит ли до секретаря ее сарказм, и полагала, что он попросту отвечает ей в том же духе, занимая тем самым оборонительную позицию.

— Нас будет только трое?

— На аудиенции? Насколько я понимаю, с гра-

финей будет ее адвокат, госпожа Фундапеллонан. Возможно, вы ее помните — недавно у вас была встреча.

— Мы знакомы, — ответила Кива.

— Должен ли я пригласить на встречу кого-нибудь из наших адвокатов?

— Обойдусь, — сказала Кива. — Проверь только, чтобы обновили мой файл с «расписками». Он может понадобиться.

— Да, мэм.

— Когда меня заберет машина?

— Она будет у ваших апартаментов через пятнадцать минут. Если только вы не попросите подать ее раньше.

— Нет, вполне годится. — Кива отключила связь и вновь сосредоточилась на удовольствии от орального секса. — Тебе стоило бы проверить свои сообщения, — сказала она партнерше, после того как получила удовлетворение.

— Зачем? — спросила Сения Фундапеллонан.

— Увидишь. — Кива направилась в ванную, чтобы смыть с себя запах секса.

— Могли бы сказать мне, что вам позвонили, — заметила Фундапеллонан, когда Кива появилась из ванной, избавившись от всех следов только что полученного удовольствия.

— Ты была занята.

Фундапеллонан помахала своим планшетом перед Кивой:

— Это несколько важнее.

— Смотря как считать, — ответила Кива. — И в любом случае ты никуда не опаздываешь.

— Мне нужно заказать такси до порта, а потом успеть на челнок.

— Просто полетишь со мной.

— Полагаете, никому не покажется странным, что мы с вами вместе уезжаем из ваших апартаментов?

— Думаю, графиня уже знает о том, что мы с тобой трахаемся.

— Что? — удивленно моргнула Фундапеллонан.

— Скорее всего, она рассказала тебе, что я обожаю потрахаться, и велела пойти со мной — вдруг я выболтаю что-нибудь полезное в процессе?

— Вы что, и впрямь так считаете? — спросила Фундапеллонан.

— А разве нет?

— Ну… в общем, да, — призналась Фундапеллонан. — Но я не думала, что вам придет это в голову.

— Я обожаю трахаться, но это вовсе не значит,

что я полная дура, — ответила Кива.

— Если вы знали, что все подстроено заранее, то почему вы…

— Почему я оттрахала тебя до потери пульса?

— Да.

— А почему бы и нет?

— Потому что это сплошное лицемерие?

Кива, прищурившись, посмотрела на Фундапеллонан.

— Я лично не собиралась тебе ничего предлагать. Ты предложила сама. К тому же ты довольно симпатичная…

— Спасибо, — сухо ответила Фундапеллонан.

— …А я не трахалась с тех пор, как Марс Клермонт сменял меня на импето. И я вовсе не собиралась говорить с тобой о моих делах.

— То есть о наших делах?

— Так или иначе, на сегодняшней встрече о них пойдет речь, — сказала Кива. — Я всего лишь имела в виду, что у меня появилась возможность потрахаться, почти ничем не рискуя.

— Даже не знаю, что и думать, — пробормотала Фундапеллонан.

— Ну, ты ведь кое-что с этого поимела, — заметила Кива.

— Что верно, то верно, — улыбнулась Фунда-

пеллонан. — Я в первый раз занималась чем-то в этом роде, — помедлив, призналась она.

— Занималась сексом, потому что так велел клиент?

— Да.

— Ну и как тебе?

— В общем, ничего.

— Ну и хорошо. — Кива похлопала Фундапеллонан по плечу. — Тебе предстоит снова быть оттраханной, на этот раз в присутствии импето.

Графиня Нохамапитан явно не могла обходиться без всевозможных прибамбасов и побрякушек, ее встречу с импето решили провести в официальном зале для приемов, таком громадном, что в нем, вероятно, удалось бы посадить челнок. Правда, Кива полагала, что, если учесть, кто именно просил о небольшом фарсе в виде аудиенции и в итоге получил его, шуточки по поводу челнока вряд ли будут оценены по достоинству.

Киву графиня Нохамапитан не очень впечатлила. Для встречи с данной конкретной импето графиня оделась чересчур нарядно. Сама Грейланд наряжалась так единственный раз в жизни — в день коронации, а поскольку это событие сопровождалось взрывом и гибелью лучшей подруги Грейланд, это нельзя было счесть выда-

ющимся моментом в истории моды. Советники графини могли бы сказать ей, что Грейланд предпочитает более скромный вид. Но они этого не сделали, либо графиня проигнорировала их советы, и теперь ее вид заставлял думать о взрыве гранаты в ящике с металлическими лентами.

Сама Кива была одета не столь изысканно — официальный черно-золотой костюм торговой гильдии с подвеской цветов дома Лагос: красный, желтый, голубой и синий. Кива считала, что в официальном костюме она похожа на официантку или долбаную прислугу, но не она решала, что надеть на встречу с имперо, и пришлось смириться.

Кошмару, в который была облачена графиня, имперо предпочла костюм наподобие того, что был на Киве, изящно (а как же иначе) скроенный из ткани имперского темно-зеленого цвета, который не слишком шел к цвету кожи Грейланд, но тем не менее прекрасно на ней смотрелся. Возможно, на ней все смотрелось прекрасно просто потому, что она была имперо, — хоть какой-то плюс при ее неблагодарной работе.

Кива, графиня и Сения Фундапеллонан — в том же строгом адвокатском костюме, который Кива стащила с нее несколько часов назад, — стояли

перед возвышением, на котором располагался трон Грейланд. И возвышение, и трон выглядели не слишком смехотворно, а потому не вписывались в обстановку зала, зато вполне соответствовали пожеланиям самой Грейланд.

Вдали, за возвышением, открылась дверь, и в зал вошла Грейланд. С ней не было помощников, что, как поняла Кива, становилось для нее обычным делом. Ответив на поклоны и рукопожатия Кивы и Фундапеллонан, а также на замысловатую комбинацию реверанса, поклона и хрен знает чего еще со стороны графини, она поднялась на возвышение, уселась на трон и улыбнулась.

— Мы готовы вас выслушать, уважаемая графиня Нохамапитан, — сказала она.

От Кивы не ускользнуло царственное «мы», услышанное ею от Грейланд впервые: когда она встречалась с импер раньше, та всегда говорила о себе в единственном числе. Но в последний раз, когда они виделись, импер приходила в себя после атаки космических кораблей и, возможно, была несколько не в себе.

Графиня вновь изобразила ту же дурацкую пародию на реверанс.

— Позвольте заверить вас, ваше величество, в бесконечной преданности дома Нохамапитан.

Мне, как и всему нашему дому, известно, что недавно у вас появился основательный повод усомниться в нашей преданности. Насколько я понимаю, единственный способ вернуть доверие — вновь завоевать его, медленно и с трудом. В этом состоит задача моего дома. В знак серьезности своих намерений и в качестве первого небольшого шага я обязуюсь передать всю прибыль дома Нохамапитан в системе Ядра за этот год в фонд Наффы Долг.

Услышав эту чушь, Кива едва не подавилась собственным языком. Прежде всего графиня прекрасно знала, что никакую прибыль в системе Ядра она передать не может: все доходы Нохамапитанов находились под контролем Кивы, и та решала, как их использовать. Поскольку Кива управляла местными делами Нохамапитанов, все доходы размещались на счетах, и Кива предоставила доступ к ним Министерству доходов для постоянной проверки. Графиня могла распорядиться доходами без согласия Кивы только в том случае, если бы имперо вернула ей все права, о чем графиня наверняка знала не хуже Кивы. Итак, это был первый шаг к тому, чтобы сместить Киву, либо попытка выставить ее на посмешище — что тоже могло стать первым шагом к ее

смещению.

Более того, Наффа Долг, лучшая подруга детства имперо и первая глава ее аппарата, погибла в день коронации имперо от взрыва бомбы, которую наверняка — хотя этого пока еще не доказали — заложила какая-то сволочь, работавшая на братьев и сестру Нохамапитан, долбаных детишек этой долбаной графини. Не важно, знала ли графиня об этом тогда, но сейчас она знала это точно. Как и о том, что бомба предназначалась для Грейланд.

Фактически в этот момент графиня Нохамапитан говорила имперо вот что: «Я подтверждаю свою преданность, предлагая деньги, которых у меня нет, благотворительной организации имени вашей подруги, которую случайно прикончили мои детишки, пытаясь разделаться с вами».

Этот способ завоевать расположение имперо показался Киве весьма интересным. Либо графиня не отдавала себе отчета в оскорблении, которое она наносила Грейланд, либо отважно бросала ей вызов. Кива, знавшая со студенческих времен как Надаше, так и Грени Нохамапитанов, сомневалась, что графине настолько все равно. Сейчас она походила на обсыпанную блестками

курицу, но дурой отнюдь не была. Скорее всего, она считала, что испытывает импер, возможно проверяя ее реакцию на звонкую пощечину, отвешенную ей и ее любимой подруге. Или графине просто хотелось выяснить, что может сойти ей с рук и что готова простить ей импер. Или она попросту считала Грейланд долбаной идиоткой.

Кива бросила взгляд на Фундапеллонан, чье лицо ничего не выражало. У Кивы возникла мысль о том, не могла ли ее недавняя любовница предложить графине именно такую линию поведения, но это показалось ей сомнительным — Фундапеллонан вряд ли хватило бы твердости характера, чтобы провернуть подобное. Кива снова посмотрела на Грейланд, переваривавшую услышанное.

«Ну давай же, мать твою! — подумала Кива. — Спроси меня, что я думаю по этому поводу».

— Ваше обязательство тронуло нас, графиня, — сказала Грейланд. — Оно в полной мере отражает суть вашей души. — Искусно обратив в комплимент слова: «Я вижу тебя насквозь, сука», импер повернулась к Киве. — Нам хотелось бы знать, что может сказать по поводу данного выдающегося предложения леди Кива, управляющая делами графини в системе Ядра.

«Что ж, слушай», — подумала Кива.

— Вне всякого сомнения, графиня действует из лучших побуждений, ваше величество, — начала она, — но вынуждена с сожалением сообщить, что в этом году наши доходы в системе будут близки к нулю.

— Почему, леди Кива? — удивленно спросила Грейланд.

— Массовые хищения, мэм. Когда вы попросили меня взять под контроль внутрисистемные дела Нохамапитанов, я назначила аудиторскую проверку, и мы обнаружили существенные расхождения в показателях выручки и прибыли. Мы обнаруживаем их до сих пор. На составление полного отчета потребуются месяцы, а пока что нам приходится иметь дело с претензиями клиентов и со штрафами, сумму которых должно оценить ваше Министерство доходов.

— Не слишком приятные новости, — заметила Грейланд.

— Если хотите, могу прислать вам полный отчет, — услужливо сообщила Кива. — Он уже отправлен в Министерство доходов.

— Спасибо, леди Кива. Нам очень бы этого хотелось.

— И если не возражаете, — продолжала Кива, —

могу предложить решение для этой неприятной проблемы.

— Мы слушаем.

— Ваше величество, графиня, несомненно, вовсе не собиралась предложить вам полный ноль, когда предлагала все доходы в системе за этот год. Ее бухгалтеров ввели в заблуждение и обманули, а поскольку она только что прибыла в систему, мне не представилось случая ознакомить ее с состоянием местных финансов. Почти наверняка это невинная ошибка, не более того. И честно говоря, если бы хищения не были столь масштабными, дом Нохамапитан имел бы в этом году рекордную прибыль.

— И что вы предлагаете, леди Кива? — спросила Грейланд.

— Все просто, ваше величество. Я поручу моим бухгалтерам представить вам данные о совокупной прибыли за последние двенадцать месяцев, без учета хищений и штрафов. Затем графиня может сделать в фонд Наффы Долг пожертвование на эту сумму из общей казны дома Нохамапитан. Все в выигрыше.

Кивнув, Грейланд снова повернулась к графине Нохамапитан:

— Если графиня согласна с этим небольшим

уточнением относительно ее великодушного дара, в чем мы нисколько не сомневаемся, мы с радостью готовы его принять.

«Отсоси, лживая каракатица!» — сказала про себя Кива. Графиня думала, будто она испытывает Грейланд, а в итоге получила хороший урок: имперо обратила ее пощечину против нее самой.

Секунды полторы графиня Нохамапитан удивленно моргала, затем проговорила:

— Конечно, ваше величество. В точности так и будет.

— Чудесно. — Грейланд повернулась к Киве. — Когда можно ждать ваших цифр?

— Завтра, ваше величество.

— Будем ждать. — Имперо вновь обратилась к графине: — И как скоро ваше пожертвование поступит в фонд Наффы Долг? В течение недели?

— Конечно, — ответила графиня.

— Вам очень повезло иметь такого управляющего, как леди Кива, — кивнув, сказала Грейланд. — Она сразу нашла решение для этой небольшой проблемы, и к тому же вы наверняка рады, что ей удалось раскрыть масштабные хищения и коррупцию внутри вашей организации?

— Да, очень рада, — ответила графиня, не глядя на Киву.

— Было бы весьма печально, если бы подобная практика распространилась за пределы системы, по всей организации Нохамапитанов, — продолжала Грейланд. — В таком случае пришлось бы вмешаться Министерству доходов и Министерству юстиции. — Она бросила взгляд на Киву. — Но вы ведь не считаете, что все это имеет место?

— Пока нет, — ответила Кива. — Но, естественно, наше расследование еще не закончено.

— Как долго, по-вашему, оно продлится, леди Кива?

— Учитывая запутанность входящих денежных потоков и бухгалтерии Нохамапитанов, а также изощренность хищений, — думаю, еще несколько месяцев.

— Несколько месяцев? — переспросила Грейланд, едва заметно подчеркнув слово «месяцев».

— Не меньше, — уточнила Кива.

Грейланд вновь посмотрела на графиню Нохамапитан:

— Мы нисколько не сомневаемся, графиня, что вы проявите к своей здешней управляющей величайшую любезность и окажете ей содействие в решении ваших местных проблем.

— Да, ваше величество, но…

— Да, графиня?

— …Хотя леди Кива проявила немалую изобретательность…

— Благодарю за похвалу, графиня, — вмешалась Кива, сбив ее с толку. — Должна, однако, заметить, что почти никакой изобретательности с моей стороны не потребовалось. Чтобы обнаружить эти упущения, достаточно было свежего взгляда.

— Вы хотите сказать, взгляда со стороны, леди Кива? — спросила Грейланд.

— Да, и, пожалуй, ничего больше, — ответила Кива.

Грейланд слегка хлопнула по подлокотникам трона:

— В таком случае полагаем, что будет лучше всего, если тот же человек со стороны продолжит заниматься проблемами дома Нохамапитан внутри системы, чтобы эта ветвь крупного дома обрела прежнюю форму. Продолжая исполнять роль управляющего, леди Кива, вы, разумеется, будете поддерживать контакт с графиней, информируя ее обо всем, что выясните. И точно так же вы будете информировать нас.

— Конечно, ваше величество, — ответила Кива.

— Дом Нохамапитан представляет для нас немалый интерес, леди Кива, — сказала Грейланд. — На вас лежит огромная ответственность как перед ним, так и перед нами.

— Понимаю, — нараспев произнесла Кива, бросив взгляд на графиню, которой, к ее чести, превосходно удавалось сдерживать гнев.

— А теперь, графиня, поговорим о вашей дочери, — сказала Грейланд.

— Мэм? — переспросила графиня Нохамапитан, полностью выбитая из колеи.

— Насколько мы понимаем, именно в этом и состоит цель вашего визита?

— Собственно, мэм, мы пришли, чтобы обсудить вопрос насчет леди Кивы…

— Мы ведь его уже решили? — сказала Грейланд. — Что касается вашей дочери, то поговорить с вами хотелось бы именно нам. Если вы желаете нас выслушать.

Взглянув на графиню, Кива почувствовала, что та, с одной стороны, хочет вернуться к вопросу об отстранении Кивы от дел, а с другой — напугана перспективой разозлить имперо, которая и так уже извозила ее мордой по полу. И в итоге страх перевесил.

— Я с радостью поговорю о моей дочери, мэм.

— Ваша дочь обвиняется в нескольких тягчайших преступлениях, графиня Нохамапитан. В убийстве, покушении на убийство и измене. Если ее признают виновной, она будет казнена.

Графиня слегка побледнела:

— Да, мэм.

— Нас печалит, что она оказалась в подобной ситуации, графиня Нохамапитан. В свое время мы полагали, что она станет нашей сестрой, выйдя замуж за нашего брата Реннереда, которому предстояло стать импер. Многое выглядело бы иначе, если бы он остался жив и унаследовал трон нашего отца.

— Да, — проговорила графиня. — Действительно.

— Мы не знаем, почему Надаше совершила преступления, в которых ее обвиняют. Мы не можем помешать тому, что должно произойти. Она должна предстать перед судом и понести наказание, если ее признают виновной. Закон и справедливость превыше всего. Вам это понятно, графиня Нохамапитан?

— Да, понятно. — Графиня уставилась в изысканный мозаичный пол.

Грейланд кивнула.

— Надаше должна понести наказание, как того

требуют закон и справедливость, — повторила она. — И все же, в память о любви к ней моего брата, а также учитывая вашу преданность, я могу оказать милость.

Графиня подняла взгляд:

— Ваше величество?

— Жизнь вместо смерти, — ответила Грейланд. — Если ее признают виновной в любом из инкриминируемых ей тяжких преступлений и приговорят к смерти, я смягчу приговор, заменив его пожизненным заключением. И отбывать его она будет здесь, на Сиане, в Тихих Водах.

Кива удивленно моргнула. Тихие Воды являлись не столько исправительным заведением, сколько лагерем отдыха, который нельзя было покинуть по собственной воле. Именно туда попадали пойманные на взятках члены парламента или обвиненные в растрате бухгалтеры. На Сиане больше негде было отбывать наказание: никому не хотелось держать закоренелых преступников в том же поселении, где обитала имперо. Поместить туда Надаше, после того как она убила десятки людей, включая собственного брата, по сути, означало отправить ее на долбаный курорт. С тем же успехом Грейланд могла бы угощать ее мороженым за каждое преступление.

— Устраивает это вас, графиня Нохамапитан? — спросила Грейланд.

Кива увидела, как на лице графини Нохамапитан сменяют друг друга эмоции — иногда так быстро, что Кива не успевала их замечать. Затем графиня вновь посмотрела прямо на Грейланд и в очередной раз изобразила подобие реверанса.

— Конечно, ваше величество, — сказала она. — Благодарю вас.

Кивнув, Грейланд встала.

— Сегодня нам удалось многое решить, — объявила она. — И мы этому рады. А теперь просим нас простить — очередная встреча, на которую мы уже опаздываем. Графиня Нохамапитан, леди Кива, госпожа Фундапеллонан, всего вам доброго.

Грейланд слегка поклонилась. Все трое ответили тем же, не поднимая головы, пока импера не удалилась через ту же дверь позади возвышения, через которую вошла.

Дверь закрылась.

— Что ты, мать твою, вообще тут делала? — обрушилась графиня Нохамапитан на Фундапеллонан. Та открыла рот, собираясь ответить, но графиня устремилась к выходу, словно рассерженная сверх меры самка павлина.

Кива посмотрела ей вслед.

— Не понимаю, что ее так расстроило, — сказала она Фундапеллонан. — Мне показалось, что все прошло отлично.

Фундапеллонан, прищурившись, взглянула на Киву.

— Все было подстроено заранее, — заявила она.

— Да ты что, издеваешься, мать твою? — возмутилась Кива. — Сюда является твоя начальница с явным намерением оскорбить Грейланд, а когда ее тычут носом в собственную задницу, ты начинаешь скулить, будто все подстроено? — Она кивнула в сторону двери, за которой скрылась разъяренная графиня. — Ничего тут не подстроено. Просто твою начальницу вчистую разделали под орех. Она ошибочно посчитала имперо слабой и получила пинок под зад — такой крепкий, что тебе даже не представилось шанса привести хоть один довод в пользу того, что меня надо гнать взашей.

— Значит, вы вообще не говорили с имперо на эту тему?

— Мы с ней не друзья, — ответила Кива. — Мы не валяемся вместе в койке, не расчесываем друг другу волосы и не хихикаем, обсуждая мальчиков. Я вообще встречалась с ней второй раз за

всю жизнь.

— Гм…

— Не пойми меня превратно, — сказала Кива. — Она просто охрененно сокрушила твою начальницу. У той не было ни единого шанса мне возразить, и вам не удалась уловка с саботажем. Империо ясно дала понять, что намерена пристально наблюдать за тем, что будет происходить со мной и с вашим местным бизнесом. А затем ткнула графиню носом в тот факт, что ее дочь — убийца и изменница, и вынудила ее благодарить за то, что ее дочурка проведет остаток своих дней в тюрьме.

Фундапеллонан бросила странный взгляд на Киву:

— Ты что, и впрямь так считаешь?

— Я при этом присутствовала. Да, я так считаю.

— Ты не поняла, — покачала головой Фундапеллонан. — Когда Грейланд сказала, что смягчит смертный приговор Надаше и поселит ее на Сиане, она вовсе не проявляла милосердия и даже не пыталась ткнуть графиню носом в тот факт, что Надаше проведет в тюрьме всю жизнь. Фактически она сообщила графине, что берет Надаше в заложники — здесь, на Сиане, где империо в любой момент может до нее добраться,

если графиня снова попытается взбрыкнуть. Как до тебя не дошло, Кива? Как ты не поняла, что сегодня импело сделала графиню своим врагом? Графиня Нохамапитан никогда не забудет о том, что совершила Грейланд. И никогда, ни за что не простит ей этого.

Глава 8

Грейланд Второй действительно предстояла очередная встреча, на которую она опаздывала — честно говоря, такое случалось почти постоянно, — но на этой встрече ей хотя бы не требовалось быть Грейланд Второй. Она встречалась с Марсом Клермонтом, а значит, в течение получаса или около того могла побыть Кардинией Ву-Патрик.

Отведенные на встречу полчаса сами по себе выглядели роскошью. Получасового общения с импер удостаивался только государственный министр или архиепископ Сианя, и единственным исключением мог стать только серьезный пожар в каком-нибудь крупном человеческом поселении. Но Марс Клермонт получил эти полчаса, поскольку, во-первых, без него нельзя было понять суть изменений в Потоке, влиявших сейчас на Взаимозависимость, и никто из других ученых не мог за ним угнаться, а во-вторых, Кардения питала к нему кое-какие чувства и любила проводить время в его обществе.

— Вы хорошо себя чувствуете, мэм? — спросила

ее помощница Обелис Атек, сопровождавшая импер на очередную встречу.

— Все в порядке, — ответила Кардения. — А что?

— Вы слегка покраснели, как-то внезапно.

При этих словах Кардения покраснела еще сильнее.

— Ничего такого, — сказала она. — Просто размышляла о словах графини Нохамапитан.

— Все так плохо, мэм?

— Могло быть и хуже, — ответила Кардения, хотя не была уверена в том, насколько именно. Кардения видела, что к концу встречи графиня пришла в ярость, и не сомневалась, что та намерена любой ценой вернуть контроль над своими местными активами.

«Приятно, когда тебя недооценивают», — подумала Кардения. В последнее время ей уже не раз удавалось перехитрить тех, кто считал ее чересчур тупой или наивной или попросту воспринимал ее как обычное препятствие, которое легко обойти или отодвинуть. Кардения вспомнила, что в самом начале своей новой жизни, когда она только стала импер, ее оскорбляла даже мысль о том, что кто-то думает, будто ее легко обольстить, силой заставить занять некую

позицию или принять какое-либо решение.

Потом, побеседовав с призраками предков в Зале Памяти, она узнала, что лесть и грубая сила безотказно действовали в течение столетий. В итоге у нее не сложилось положительного впечатления ни о бывших имперо, ни о тех, кто лестью вынуждал их идти на уступки. Она также поняла, что вполне можно, а порой даже полезно позволять другим считать, будто она глупее, чем есть на самом деле, — а затем лишать их иллюзий. Как это сейчас случилось с графиней Нохамапитан, которая наверняка запомнила полученный урок.

«Может, оно не так уж хорошо», — заметил внутренний голос. Во многом это было правдой: тебя могут недооценивать, но, если ткнуть человека носом в его собственное дерьмо, секрет фокуса становится известен всем.

«Я имперо, — подумала Кардения. — У меня есть и другие фокусы».

И это во многом тоже было правдой.

«Хватит про графиню Нохамапитан, — намекнул внутренний голос. — Мы сейчас думаем о Марсе». Кардения поняла, что голос вполне мог бы принадлежать влюбленной пятнадцатилетней девчонке.

Что ж, ладно. Марс… Если бы еще мысли о нем не приводили ее в такое замешательство…

— Не знаю, что делать, — призналась Кардения призраку своего отца Аттавио Шестого накануне ночью в Зале Памяти.

— Займись с ним сексом, — посоветовал Аттавио Шестой.

— Это не так просто, — возразила Кардения.

— Да что ты, проще некуда, — ответил Аттавио Шестой. — Ты импер о.

— И что? Просто приказать ему лечь со мной в постель?

— Многие так и поступали.

— Только не я, — сказала Кардения. — Не говоря уже обо всем прочем, это не в моем стиле.

— Тогда предложи ему, — ответил на это Аттавио Шестой. — Проблем меньше, а шансы на успех, если посмотреть на исторические примеры, в целом такие же.

— А ты сам часто так поступал? — спросила Кардения.

— Прежде чем ответить, напомню, что я, будучи компьютерной имитацией твоего отца, не обладаю самолюбием, которое должен отстаивать, а значит, отвечу совершенно искренне, — сказал Аттавио Шестой. — Упоминаю об этом потому,

что я уже несколько раз отвечал на твои вопросы и ответы тебя не радовали. Возможно, тебе стоит спросить другого имперо, к которому ты не испытываешь эмоциональной привязанности.

— Хочешь сказать, ответ меня не обрадует?

— По сути, да.

— Что ж, теперь я точно должна знать, — заявила Кардения.

— Я поступал так постоянно, — ответил Аттавио Шестой. — У имперо есть свои преимущества.

— Господи! — Кардения закрыла лицо руками. — Ты прав. Мне не хотелось этого знать.

— С твоей матерью получилось, — заметил Аттавио Шестой.

— Об этом мне тем более не хочется знать.

— С ней все оказалось серьезнее. Но знай: все началось с того, что я предложил ей секс. Как и почти любая другая, она не стала отказываться.

— Надеюсь, ты понимаешь, что от этого не легче? — спросила Кардения.

— Я никогда никого не заставлял силой, — сказал Аттавио Шестой. — Иногда меня отвергали, и больше я не просил. В этом нет никакой нужды, особенно если ты имперо.

— Сам факт, что ты — имперо, значит очень много, тебе не кажется? Возможно, они соглаша-

лись заняться сексом с тобой потому, что ты мог, скажем так… сломать им жизнь?

— В этом тоже нет нужды, — ответил Аттавио Шестой. — Это всего лишь секс. Это работало и в обратную сторону: кто-то хотел секса со мной потому, что я был импер, — хотел даже больше, чем я сам. Будет что рассказать внукам, думали они.

— И ты бескорыстно исполнял их желания? — язвительно спросила Кардения.

— Нет, мне тоже хотелось секса, — сказал Аттавио Шестой. — Но не настолько.

— Напомни, чтобы я никогда больше не просила у тебя совета по поводу романтических отношений.

— Я записал твою просьбу и буду напоминать тебе каждый раз, когда разговор зайдет об этом.

— Спасибо.

— Но имей в виду, что ты никогда не перестанешь быть импер, — сказал Аттавио Шестой. — Ты всегда будешь могущественнее тех, кто мог бы тебя заинтересовать. Если не хочешь остаться одна или вверить удовлетворение своих сексуальных и эмоциональных нужд профессионалам, тебе придется принять это как часть окружающего мира.

— У меня не было секса с тех пор, как я стала имперо, — призналась Кардения.

— Не очень-то полезно для здоровья.

— Мне это тоже не нравится. Но и тут есть проблема. Не хочу, чтобы Марс думал, будто я использую его только для разрядки.

— Не уверен, что вправе говорить с тобой на подобные темы, — сказал Аттавио Шестой. — Я компьютерная имитация твоего отца, а не лицензированный психотерапевт.

— Ну, вряд ли мне нужна психотерапия, все не настолько плохо, — заметила Кардения.

— Как скажешь, — ответил Аттавио Шестой, и Кардения с беспокойством обнаружила, что компьютерная имитация прекрасно умеет изображать сомнение. — Может, просто сказать ему, что он тебе нравится? В худшем случае он ответит «нет».

— Я знаю.

— А потом ты можешь отправить его в изгнание.

— Нет. — Кардения помедлила. — Ты что, пошутил?

— Если тебе от этого легче — да, пошутил, — сказал Аттавио Шестой.

Идя по имперскому дворцу к своим личным

покоям, Кардения поняла, что ее отец — точнее, компьютерная имитация отца — был прав. В конце концов, и она, и Марс были взрослыми людьми и могли решить вопрос по-взрослому. Она подозревала, что тоже нравится ему, но он попросту стесняется сделать начальный шаг: во-первых, из-за своего занудства, а во-вторых, Кардения все-таки была импер и, вопреки словам отца, подозревала, что для признания в любви к импер требуются стальные нервы. Вполне логично, что Марс ждал, когда Кардения сделает первый шаг.

«Что ж, ладно, — подумала Кардения, — так тому и быть. Мы знакомы уже несколько недель. Пора. В худшем случае он ответит „нет“».

Войдя в свои покои, Кардения на прощание кивнула Атек, которая отправилась в свой кабинет, ожидая, пока ее не позовут снова. Затем Кардения прошла в свою личную столовую, где ее должен был ждать Марс. И он действительно ждал ее.

С другой женщиной.

— Кто вы такая, черт побери? — невольно вырвалось у Кардении.

— Мы называем их эфемерными, — сказал Марс. — Течения Потока, которые возникают из-за изменения топографии Потока в нашей части космоса. Несмотря на коллапс течений,

которые мы считали постоянными и стабильными, возникнут другие, которые свяжут звездные системы на неопределенно долгое время.

— Верно, — кивнула Хатида Ройнольд, женщина, которую Марс привел на встречу с Кардением. — Мы говорим «на неопределенно долгое время», но это не значит, что мы не можем оценить, как долго течение останется открытым. Вероятно, такая возможность есть. Суть в том, что отдельные течения могут открываться на сутки, на пару недель или даже на годы.

— Но они все равно быстро разрушатся — по сравнению с привычными нам течениями, открытыми за тысячи лет, — заметил Марс. — Поэтому мы и называем их эфемерными.

— Только что были, и вот их уже нет, — сказала Ройнольд.

Кардения тупо кивала, слушая рассказ об их последних открытиях и пытаясь собраться с мыслями. Войдя, она едва не устроила скандал, и, похоже, ни Марс, ни Ройнольд так и не поняли почему. Марс извинился перед Кардением за неожиданное появление Ройнольд, но отметил, что договорился о ее присутствии с секретарем имперо и предполагал, что Кардения знает о ней.

Такое было вполне возможно: Кардения обычно не проверяла свой личный график на планшете между назначенными встречами, исходя из того, что ей и так известно, куда она идет и с кем встречается. Присутствие Ройнольд само по себе означало, что та не могла причинить Кардении вреда, — иначе охрана попросту не пропустила бы ее.

Марс привел с собой Ройнольд, так как из всех физиков Потока, постигавших премудрости исследований графа Клермонта о коллапсе Потока, только она разбиралась во всем этом от начала и до конца. С этой темой была, пусть и отдаленно, связана ее собственная работа, выполненная по заданию Нохамапитанов, использовавших результаты трудов Ройнольд для попытки свергнуть власть во Взаимозависимости.

Похоже было, однако, что никто не держал на нее зла. Уж точно не имперские гвардейцы, пропустившие Ройнольд во дворец, и явно не Марс, который оживленно обменивался с ней репликами.

Слушая, как они обсуждают проблемы Потока, Кардения вдруг ощутила укол ревности. Общность интересов Марса и Ройнольд показалась ей чем-то вроде любви с первого взгляда — если

не между душами, то между разумами. Ройнольд была чуть старше Марса, но вряд ли это стало бы большой помехой на фоне всего прочего.

«Может, лучше послушать, что они тебе говорят? — заметил назойливый внутренний голос. — Предаться грезам можно и потом». Кардения решила, что позже постарается отыскать этот внутренний голос и придушить его — возможно, с помощью алкоголя.

Кардения подняла руку, давая обоим знак замолчать. Марс сообразил сразу, Ройнольд продолжала что-то бормотать, пока Марс не положил ладонь ей на плечо. Жест не ускользнул от внимания Кардении, которая ощутила легкий укол в сердце.

— Мне не нужны подробности, — сказала Кардения. — Все равно я их не пойму, и у меня через несколько минут очередная встреча. Давайте посмотрим, что я поняла из уже сказанного вами.

— Ладно, — кивнул Марс.

— Первое: коллапс течений Потока продолжается.

— Да, — сказал Марс.

— Второе: время от времени там, где до этого ничего не было, возникает новое течение Потока.

— Да.

— Третье: эти новые течения Потока существуют недолго и не могут заменить собой старые.

— Да.

— Ну, в общем… — сказала Ройнольд.

— Что? — спросила Кардения.

— Наши предварительные исследования… — начала Ройнольд.

— Совсем предварительные, — вставил Марс.

— …Показывают, что, скорее всего, в этой части космоса в конечном счете возникнет новая сеть стабильных течений Потока. Как я предсказывала раньше, для Нохамапитанов, — закончила Ройнольд.

Кардения в замешательстве посмотрела на Марса:

— Это точно?

— Ну… — начал Марс.

— Если здесь нет ошибки, у меня будет к вам множество вопросов, лорд Марс, не обязательно приятных. Я слишком многим рискую, основываясь на истинности ваших предсказаний.

Марс поднял руку, а затем показал на Ройнольд:

— Спросите ее, что означает «в конечном счете».

Кардения взглянула на нее:

— И что же означает «в конечном счете», доктор Ройнольд?

— Через несколько тысяч лет. От пяти до восьми, — ответила та.

Кардения снова бросила на Марса озадаченный взгляд.

— Мы с отцом были правы, — сказал Марс. — Течения Потока, как мы их знаем, скоро разрушатся и перестанут существовать на такое долгое время, что его вполне хватит для гибели цивилизации, если мы ничего не предпримем. — Он снова показал на Ройнольд. — Она тоже права: в конечном счете течения Потока в этой части пространства возникнут вновь, но в иной конфигурации. Просто она говорит о будущих перспективах.

— Некому было проверить мои расчеты, — вставила Ройнольд.

— И мы оба упускали из виду кое-что еще, пока не получили доступ к трудам друг друга, — продолжал Марс. — Я имею в виду ту самую эфемерность. Она не отменяет того факта, что течения Потока разрушаются и Взаимозависимости грозит опасность. Но возможно, она позволит нам выиграть чуть больше времени.

— Каким образом?

— Вы спрашивали, откроются ли новые течения

Потока там, где их не было, — сказал Марс. — Да, это так. Но есть и еще одно последствие.

— Разрушенные течения могут открываться снова, — пояснила Ройнольд. — Иногда. На короткое время.

— Но этого времени хватит, чтобы послать корабли, — сказал Марс.

— Возможно, — кивнула Ройнольд. — Зависит от обстоятельств.

— И вернуть их назад, — продолжал Марс.

— Опять-таки зависит от обстоятельств, — повторила Ройнольд.

— И тут мы переходим к следующему обстоятельству. — Марс наклонился вперед. — Весьма важному.

— Очень важному, — сказала Ройнольд.

— К какому? — спросила Кардения, переводя взгляд с одного на другую. — Вы о чем?

— Хатида предсказала, что в ближайшее время откроется одно из исчезнувших течений Потока. После того как закрылось течение до Тератума, я послал наш дрон туда, где до этого была та самая отмель.

— И? — спросила Кардения.

— Он прошел, — ответила Ройнольд. — Течение Потока снова открылось. И обратное тоже. Оба

снова работают.

— Это ненадолго, — предупредил Марс.

— Да, — согласилась Ройнольд. — Оба они разрушатся: исходящее — примерно через год, входящее — намного раньше: скорее всего, месяца через три.

— Почему такая разница? — поинтересовалась Кардения.

— Я вам уже говорил при нашей первой встрече, — сказал Марс. — Входящие и исходящие течения никак не связаны друг с другом. И еще одно. — Он кивнул Ройнольд.

— Входящее течение было открыто уже почти пять лет назад, — сказала Ройнольд.

— Как такое может быть? — удивленно моргнула Кардения.

— Поток не работает по заданному нами расписанию, — пояснила Ройнольд. — Нынешнее смещение длится уже несколько десятилетий, может, даже столетий.

— Нет, — слегка раздраженно бросила Кардения. — Я имела в виду, как мы могли не заметить открытую отмель Потока возле Ядра?

— Вы ее просто не искали, — пожала плечами Ройнольд. — Оттуда ничего не появлялось, а исходящее течение Потока перестало существо-

вать так давно, что никто не вспоминал о нем несколько веков.

— Может, хватит говорить загадками? — рассерженно бросила Кардения. — Просто скажите, что это за течение и куда оно ведет?

— К Даласисле, — ответил Марс. — Потерянной звездной системе Взаимозависимости. Именно из-за нее убили вашу тезку.

Кардения ошеломленно молчала.

— Спросите ее, — обратилась Ройнольд к Марсу.

— О чем? — сказала Кардения и тоже посмотрела на Марса.

— Мы думаем, что нам надо полететь туда, — сказал Марс. — К Даласисле.

— Зачем?

— Это система, которую мы потеряли, — ответил Марс. — То, что случилось там, может случиться с любой другой системой Взаимозависимости. Нужно полететь туда и постараться узнать как можно больше о тамошних событиях, чтобы избежать их ошибок.

— И как можно скорее, — добавила Ройнольд. — Пока не закрылось входящее течение.

— Хатида права. Нам нужен корабль. И чем раньше, тем лучше.

— И конечно же, вы сами хотите полететь на этом корабле? — спросила Кардения.

— Конечно, — улыбнулся Марс. — Это будет самая важная научная экспедиция за сотни лет. Не хотелось бы упустить такой шанс. — Он посмотрел на Ройнольд. — Ни мне, ни ей.

Ближе к полуночи Кардения наконец подумала: «А пошло оно все на хрен!» — и послала за Марсом Клермонтом.

— Какого рода ученые нужны вам для этой экспедиции? — спросила она, когда Марс поспешно появился в ее покоях. Его собственные апартаменты находились на некотором отдалении, в крыле дворца, отведенном для персонала. Кардения знала, что у Марса есть деньги — отец отправил сына на Ядро с немалой долей семейного состояния на личной флешке, — но его, похоже, вполне устраивало жилье, являвшееся, по сути, квартирой-студией с туалетом. Ему потребовалось несколько минут, чтобы дойти до покоев Кардении, преодолев несколько уровней охраны, и теперь они оба неловко стояли друг напротив друга в гостиной импероо.

— Думаю, самые разные, — осторожно ответил Марс. Кардения догадывалась, что он не знал, зачем его позвали, а теперь, услышав вопрос, не

вполне понимает, почему на него нужно отвечать за пять минут до полуночи. — Естественно, физики Потока, но, как мне кажется, нам нужны биологи, химики, астрофизики, обычные физики, антропологи и археологи…

— Археологи?

— Даласисла мертва уже несколько веков, — сказал Марс. — Нам нужны люди, умеющие работать с историческими находками. Нам нужны эксперты-патологоанатомы, нужны историки, особенно те, кто знает о Даласисле и ранних годах Взаимозависимости. Нам также нужны инженеры и те, кто знаком с компьютерными системами той эпохи. Пока это все, что пришло мне в голову. Если хотите, могу составить более длинный список.

— А если мне хочется, чтобы он был коротким? — спросила Кардения. — И строго конфиденциальным?

— Почему? — удивился Марс.

— Чем меньше народа знает о вашей идее и об эфемерных течениях, которые открыли вы с Ройнольд, тем меньше у меня будет головной боли из-за того, что придется все это объяснять в ваше отсутствие. — Кардения заметила взгляд Марса. — Я вовсе не говорю, что хочу навеки все

засекретить. Мне нужно будет знать, что выяснила ваша экспедиция насчет Даласислы, прежде чем выступать с заявлениями.

— Другие физики Потока тоже работают над данными, которые мы им дали, — заметил Марс. — Кто-то из них, возможно, выяснит это сам.

— Они ведь работают над вашими данными и данными вашего отца?

— Да.

— Но не данными Ройнольд?

— Нет.

— Тогда стоит рискнуть.

— Если вы так считаете…

— Да, считаю. Вернемся к моему вопросу. Если речь идет о коротком и секретном списке, сколько ученых вам понадобится?

— Можно сократить их число вдвое, — сказал Марс. — При наличии двоих физиков Потока можно обойтись без остальных — нас учили общей и классической физике, и мы можем вести наблюдения, результатами которых смогут воспользоваться другие. Эксперт-патологоанатом должен иметь познания в биологии. Многие археологи занимаются антропологией, и наоборот. Но нам все равно потребуется специалист по

компьютерным системам того времени и специалист по космическим поселениям той эпохи. Возможно, это будет один человек.

— Значит, пятеро или шестеро?

— Пожалуй, да. Плюс сама команда корабля.

— Сколько времени вы намерены провести на Даласисле?

— Столько, сколько вы нам дадите.

— Назовите приблизительный срок, Марс.

— Думаю, две недели минимум.

— Сколько займет полет туда и обратно?

— По нашим оценкам, около восьми дней, исходя из имеющихся у нас сведений и архивных данных о системе. Мы уверены, что это заново открывшееся течение Потока, а не новое течение, имитирующее прежнее. Плюс-минус три дня.

— Значит, максимум одиннадцать дней туда, две недели в системе Даласислы, одиннадцать дней обратно. Получается больше месяца.

— Теперь понимаете, почему мы хотим отправить экспедицию как можно раньше? — спросил Марс.

— Зачем вам двое физиков Потока? — спросила Кардения. — Ведь все остальные будут иметь по две специальности?

Марс слегка поколебался.

— Пожалуй, это не вопрос необходимости, — сказал он.

— Тогда что?

— Это наше открытие, — ответил Марс. — Мое и Хатиды. Мы оба хотим участвовать в экспедиции, и, думаю, каждый из нас заслужил это. Я не хотел бы просить ее остаться, а сам решительно намерен лететь. Возможно, это некоторая роскошь, но, думаю, мы можем позволить ее себе.

— А если я попрошу вас остаться? — спросила Кардения.

— Попросите? — едва заметно улыбнулся Марс.

— Попрошу, — кивнула Кардения. — Не прикажу.

— Ваше величество, если имперо просит о чем-то подобном, глупо воспринимать ее просьбу иначе как приказ.

Кардения на мгновение вспомнила свой разговор с призраком отца прошлой ночью — о том, чем отличается приказ имперо лечь с ним (или с ней) в постель от предложения.

— Ладно, не важно, — пробормотала она и направилась к бару налить себе чего-нибудь.

— Чувствую себя сбитым с толку, — помолчав, сказал Марс.

— Аналогично. — Кардения положила лед в

бокал.

— Такое ощущение, будто мне чего-то не хватает. Но чего?

Кардения наполнила бокал, опрокинула бóльшую часть его содержимого в себя и поставила его на место.

— Похоже, я в самом деле… не умею, — сказала она.

— Не умеете чего?

— Послушайте… у вас с Ройнольд что-то есть? — спросила Кардения.

— Что?

— Ну, в общем… между вами и Ройнольд… — Кардения помахала рукой с бокалом, расплескивая жидкость, — есть что-то такое? Романтическое?

Кардения увидела, как до Марса — благослови Господь его глупую, непонятливую, занудную душу! — наконец начинает доходить.

— Нет, — ответил он. — Нет, между нами ничего нет. Никаких романтических отношений.

— Вы уверены? — настаивала Кардения. — Я видела, как вы вдвоем беседовали сегодня днем. Вы вели себя весьма… оживленно.

— Лишь потому, что мы единственные во всей системе способны понять друг друга, — сказал

Марс. — По крайней мере, в том, что касается Потока. Как будто ты нашел единственного человека в мире, говорящего на твоем языке.

— Собственно, я как раз об этом. — Кардения осушила бокал и снова подошла к бару за новой порцией.

— Наш язык — физика Потока, — объяснил Марс. — Весьма специфический и глубокомысленный. И нисколько не романтический.

— Уверены, что Ройнольд считает так же?

— Думаете, она на меня запала?

— Возможно.

— Вряд ли я в ее вкусе, — сказал Марс.

— А что, по-вашему, ей по вкусу?

— В основном математические символы. Если бы вы с ней хоть немного пообщались, то поняли бы, что ей вообще мало нравятся люди.

— Зато ей нравитесь вы.

— Мой разум интересует ее куда больше, чем мое тело. Это не одно и то же.

— Значит, вас ничто не связывает? — после некоторой паузы спросила Кардения.

— Если цивилизация выживет, возможно, мы войдем в историю как создатели теории распределения течений Потока Клермонта — Ройнольд, вместе с моим отцом, — ответил Марс. — И боль-

ше ничего.

— Черт! — пробормотала Кардения, уставившись в бокал, а затем снова посмотрела на Марса. — Я уже говорила, что не умею… ну, это самое?..

— Говорили, — улыбнулся Марс, показывая на бокал в руке Кардении, который та только что наполнила в очередной раз. — Могу я попросить вас поставить бокал?

— Зачем?

— Затем что нам, похоже, предстоит серьезный разговор. И мне не хотелось бы, чтобы он оказался пьяной болтовней.

— Знаешь, ты мог бы просто сказать «нет», — проговорила Кардения чуть позже, лежа в постели с Марсом в классической позе — в обнимку.

— С чего бы? — ответил Марс. — Ты же импера. Вдруг ты приказала бы меня расстрелять.

— В том-то и дело. — Кардения слегка шлепнула его по бедру. — Мне не хотелось, чтобы ты решил, будто я тебе приказываю. Что я использую тебя, потому что ты все равно не смог бы отказаться.

— Поверь, после сегодняшнего разговора мне даже в голову не могло прийти, будто ты приказываешь лечь с тобой в постель.

— Господи! — Кардения уткнулась лицом в

грудь Марса. — Не напоминай. Я этого не переживу.

— Мне показалось, что вышло очень даже мило.

— Клянусь, я на самом деле вовсе не ревнива. Дело совсем в другом.

— В чем?

— Просто подумала что-то вроде: «Ему нравится другая, пойду с тоски сожру весь пирог».

— Как-то… весьма своеобразно.

— Что ж, пирог — это, конечно, замечательно, — Кардения подняла голову и поцеловала Марса, — но так мне нравится намного больше.

— Рад, что оказался лучше пирога, — улыбнулся Марс.

— Продолжай в том же духе.

— Постараюсь.

— Все еще хочешь отправиться в ту экспедицию к Даласисле? — спросила Кардения минуту спустя.

— Конечно, — ответил Марс.

— Я могла бы полететь с тобой.

— Взаимозависимость заметит, что имперо внезапно исчезла.

— Почему бы и нет? — возразила Кардения. — Самуэль Третий пропадал на целые месяцы, и по

нему не очень-то скучали.

— Возможно, ты значишь больше для благополучия Взаимозависимости, чем этот самый Самуэль Третий.

— Может быть.

— А учитывая споры, которые недавно разгорелись по твоей вине, твое отсутствие обязательно заметят.

Кардения снова посмотрела на Марса:

— Коварно намекаешь на мои видения?

— Все, молчу, — ответил Марс.

— Вот как? Что ты думаешь на этот счет? Нет, правда?

— Это имеет значение?

— Угу. Для меня — имеет.

— Думаю, имперо Грейланд Вторая делает все возможное, чтобы цивилизация и все человечество выжили в ближайшие десять лет. И если ее видения помогут выжить человечеству — я обеими руками за них.

— Спасибо. — Кардения еще раз поцеловала Марса.

— И все же я был бы рад, если бы ты больше полагалась на науку, — сказал Марс.

— Может, в следующий раз, — ответила Кардения.

Марс в ответ лишь фыркнул.

— Как ты относишься к имперскому флоту? — спросила Кардения.

— Никогда не задумывался об этом всерьез, — ответил Марс. — А что?

— Дело в том, что я намерена реквизировать у них корабль, команду и ученых, чтобы доставить вас к Даласисле и обратно. Все пройдет быстро и без лишнего шума, и никто не станет задавать вопросов об очередном задании, которое имперо поручает флоту. Вернее, — поправилась Кардения, — вопросы будут, но только от подчиненных начальству.

— Когда они будут готовы?

— Я собираюсь потребовать от адмирала Эмблада, чтобы все было готово через неделю. А если получится, то и через пять дней.

— Быстро.

— Да, быстро. — Кардения взгромоздилась сверху на Марса. — Потому что в эту экспедицию должен отправиться ты, а я хочу, чтобы ты вернулся как можно скорее. Мне не терпится снова оказаться рядом с тобой. Как сейчас.

Часть вторая

Глава 9

Кэл Дорик сумел вытащить Надаше Нохамапитан из тюрьмы — ровно на восемь часов.

— Судья наконец согласился провести слушания по поводу вашего душевного здоровья, — сказал ей Дорик во время их еженедельного свидания. — Я настаиваю на том, что пребывание здесь подвергает опасности ваше душевное здоровье, и без того хрупкое, и что вас следует поместить в хорошо охраняемую психиатрическую лечебницу. Обвинение, естественно, возражает, и судья потребовал вашего присутствия, желая лично оценить ваше состояние, — зачем нужен диплом психиатра, когда есть диплом юриста и чрезмерное самомнение?

— Считаешь, в психиатрической лечебнице будет лучше, чем тут? — спросила Надаше.

— Да, это не оптимальный вариант. Но там никто не попытается прирезать вас ложкой.

— Я думала, мы придерживаемся версии, что дама с ложкой и дама с зубной щеткой случайно решили прирезать друг друга, когда я мирно шла

мимо?

Надаше заметила, что Дорик совершает над собой титаническое усилие, стараясь не закатить глаза.

— Прекрасно. Там никто не попытается ни с того ни с сего прирезать другого пациента, когда вы просто идете мимо. Кстати, та дама с зубной щеткой — что с ней стало?

— Надо полагать, все еще сидит в одиночке. Судя по всему, зубной щеткой она орудует уже не в первый раз.

— До чего же интересные у вас знакомства, леди Надаше!

— И тем не менее сейчас я здесь, с тобой.

Дорик поднял палец, словно говоря: «Отчасти — не могу не согласиться».

— Вернемся к делу: нам предстоит предстать перед судьей через два дня, так что позвольте познакомить вас с процедурой. За вами придут, наденут на вас наручники, поднимут на лифте на поверхность и прикуют внутри наземного фургона. Я поднял шум насчет вашей безопасности и рад сообщить, что в фургоне вы будете одна, — хочу сказать, с вами будут только трое вооруженных охранников с нелетальными, но, как мне обещали, крайне болезненными парали-

заторами и шокерами. Вероятно, на тот случай, если вы ощутите прилив адреналина и порвете оковы или пронесете в фургон отмычку, хотя мне слишком мало платят, чтобы я размышлял о том, как это можно сделать. Кстати, вас обыщут в начале и в конце поездки, с обоих концов тела. Прошу прощения, но это не обсуждается.

— В колледже бывало и хуже, — пожала плечами Надаше.

— Не знаю, полезна ли для вас эта информация. Скажу одно: если вы в самом деле хотите, чтобы судья всерьез задумался, насколько пребывание здесь пагубно для вашего хрупкого душевного состояния, возможно, стоит продемонстрировать эти пагубные последствия.

— Хочешь сказать, я не выгляжу как человек на грани срыва?

— Я хочу сказать, что, хотя ваше полное безразличие ко всему только на руку вам, в этом конкретном случае, возможно, стоит попробовать другую тактику. Решайте сами.

Надаше задумчиво посмотрела на адвоката:

— Напомни еще раз, почему я тебя наняла?

— Если честно, не знаю, леди Надаше. Но вы заплатили мне авансом примерно за сорок лет. Кстати, спасибо вам: моя жена, похоже, полю-

била новую обстановку гостиной больше, чем она любит меня. Возможно, вам стоит и дальше пользоваться моими услугами.

— Посмотрим.

— Ладно, продолжим. Слушания насчет вашего душевного здоровья вряд ли займут весь день — ваш судья редко тратит на что-либо больше пятнадцати минут, если у него есть такая возможность. Поэтому я договорился, чтобы вам и вашей почетной охране предоставили совещательную комнату в моей конторе. Я организовал для вас несколько встреч, в том числе с вашей матерью, графиней Нохамапитан.

Надаше поморщилась.

— Вам это не по душе? — спросил Дорик. — Могу отменить встречу с ней, хотя и опасаюсь ее праведного гнева. Но мой клиент — вы, а не она.

— Нет, — ответила Надаше. — Предпочту встретиться с ней официально на моей, а не на ее территории.

— Если бы не я, вы бы вообще с ней не встретились.

— Рада, что вы так считаете.

— У вас есть какие-нибудь требования относительно встречи с матерью?

— Прежде чем она войдет, обыскать ее на пред-

мет ложек и зубных щеток.

— Понятия не имею, шутите вы или нет, так что запишу. — Дорик сделал у себя пометку.

— Если вы действительно попытаетесь ее обыскать, телохранители, вероятно, вышвырнут вас из окна.

— Спасибо, что предупредили. — Дорик стер заметку.

— Что насчет прочего?

— Чего прочего?

— Того самого.

Дорик тупо уставился на Надаше и лишь через несколько секунд понял, что она имеет в виду.

— Ах это! Что ж, сожалею, но получить положительные рекомендации от ваших друзей оказалось непросто, и, похоже, некоторые из них активно меня избегают. Пока я продолжаю над этим работать. Кстати, возможно, вам будет интересно узнать, что в некоторых новостных изданиях появилась весьма интригующая информация относительно вашего любимого брата Амита, ныне покойного.

— Вот как?

— Да. Судя по всему, ваш брат беседовал с некоторыми известными деятелями криминального подполья — хотел договориться о мошенничестве

со страховкой принадлежащих дому кораблей. Похоже, он растратил средства дома и собирался вернуть их, прежде чем об этом узнают. Гибель корабля стоимостью в несколько миллиардов марок вполне могла решить эту проблему.

— А я что говорила? — кивнула Надаше.

— Сам с трудом верю в это, — сказал Дорик.

Надаше лишь улыбнулась. Дорик делал вид, будто не знал о ее соглашении с Дераном Ву — преступном заговоре. Это выглядело жалко, но ему не оставалось ничего другого.

— С кем я еще встречаюсь, кроме матери?

— О встрече с вами просил лорд Теран Ассан.

— С какой целью?

— Сказал, что ему нужен ваш мудрый совет по поводу некоторых членов исполнительного комитета. Похоже, ему не со всеми удается достичь взаимопонимания.

— Потому что он полная сволочь.

— Вот и я так думаю. Но, учитывая его положение в комитете, стоит ему посодействовать. — Дорик слегка поднял брови, давая понять Надаше, что Теран Ассан может быть весьма полезен и надо бы бросить ему кость.

— Сократи эту встречу, насколько сможешь, — простонала Надаше.

— Понял вас. Еще звонили от леди Кивы Лагос и интересовались, не можете ли вы уделить ей время.

— Господи, зачем?

Дорик заглянул в свои заметки:

— Похоже, у нее есть вопросы насчет финансов.

— Финансами дома занимался Амит, а не я.

— В конторе леди Кивы предвидели это возражение. По их словам, у вас могут быть полезные для нее идеи.

«Что замышляет эта баба?» — подумала Надаше. Они с Кивой не были близки в колледже, даже когда жили в одной комнате и Кива трахалась с Грени. Обе инстинктивно понимали, что лучший путь к хорошим отношениям — не лезть в чужие дела. Теперь же Кива с головой погрузилась в дела Надаше, которой это совсем не нравилось.

— Ты еще не назначил эту встречу?

— Нет, я ждал вашего одобрения.

— Тогда можешь не тратить время зря. Что бы она ни делала с нашими финансами, я не желаю принимать в этом ни малейшего участия. Понимаешь, о чем я?

— Постараюсь сделать все возможное, чтобы интерес леди Кивы к финансам вашей компа-

нии не причинил вам беспокойства, — вежливо ответил Дорик, поняв, что речь идет не просто об отмене встречи, и посмотрел на часы. — На сегодня наше время истекло. Увидимся через два дня, леди Надаше. Постарайтесь избегать ложек и зубных щеток. И поработайте над своей тоской и печалью.

— Поработаю, это не займет много времени, — заверила его Надаше. Насчет этого, по крайней мере, она не лгала: что бы ни говорил Дорик, перспектива провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь нисколько не радовала ее. Если этого можно было избежать, разыграв перед судьей душевный надлом, почему бы не попытаться?

Так или иначе, ей предстояло покинуть тюрьму — хотя бы на время.

— По вкусу совсем не похоже на рыбу, — сказал один охранник другому, пока транспорт, подпрыгивая на ухабах, катился по безвоздушной поверхности Ядра. Последние полчаса оба говорили только о еде; третий мирно храпел на сиденье. Надаше отчаянно ему завидовала.

— Да рыба это, рыба, — возразил второй. — У рыбы всегда рыбный вкус. Поэтому она и называется рыбой.

— Верно, вот только у этой вкус совсем не рыб-

ный.

— Ну значит, это не совсем рыба.

— А я о чем?

— Но вкус-то все равно рыбный, — заметил второй. — Просто другой.

— Нет, ты не понимаешь, — возразил первый и повернулся к Надаше, явно намереваясь подключить ее к утомительному спору о том, какая рыба настоящая, а какая нет.

«Только посмей, только посмей хлебало раскрыть, мать твою!» — яростно уставилась Надаше на охранника, силой мысли пытаясь заставить его заткнуться.

— А ты что думаешь насчет этой рыбы?.. — начал охранник, но в следующее мгновение раздался чудовищный грохот, транспорт подбросило в воздух, и он резко опрокинулся на бок. Надаше успела лишь поблагодарить судьбу, что ее последними словами не стала реплика в идиотской дискуссии на тему ихтиологии.

Несколько секунд спустя она поняла, что жива, но свисает с потолка грузовика: им стал борт, к которому она была прикована. Оковы, к счастью, выдержали, и это помогло ей уцелеть, но, судя по пронзительному свисту, из кабины уходил воздух — признак близкой смерти от удушья, что

нисколько не вдохновляло Надаше.

Посмотрев вниз, Надаше увидела третьего охранника — безжизненную груду плоти — с неестественно вывернутой шеей. «Умер во сне, — подумала она. — Счастливчик». Остальные двое ошеломленно сидели на полу, которым стал другой борт.

— Мне нужна маска! — завопила Надаше. — Эй! Вы меня слышите! Дайте маску!

Один из охранников — тот, который считал рыбу не рыбой, а хрен знает чем, — в замешательстве уставился на нее, а затем, кивнув, начал шарить по стене в поисках аварийных кислородных масок.

— Это не стена! — крикнула Надаше. — Они у тебя под ногами!

Чтобы это сообразить, Не-Рыбе потребовалось несколько секунд, после чего он нашел в приступе озарения настенный, теперь уже напольный, ящик с кислородными масками. Надев одну из них, Не-Рыба отдал другую Да-Рыбе, выяснил, что охранник номер три в маске больше не нуждается, и протянул ее Надаше, которая не без труда надела маску скованными руками.

— Останешься здесь, — сказал охранник, будто прикованная к потолку Надаше могла куда-то

деться. — Мы вызовем помощь.

Вновь раздался чудовищный грохот, задние двери транспорта вышибло, и всех охранников, живых и мертвых, вышвырнуло на безвоздушную поверхность Ядра. Надаше отчаянно вцепилась в маску, не давая ей слететь, и, прежде чем окружающий мир скрылся в тумане, она успела увидеть, что Не-Рыба и Да-Рыба потеряли свои маски и теперь одновременно задыхаются и замерзают в смертельной муке.

Холод тотчас же начал вгрызаться и в кожу Надаше. Теоретически наземная дорога до Ядропада проходила по умеренной зоне планеты, всегда обращенной одной стороной к солнцу, но в условиях пятисотградусного разброса температур слово «умеренный» имело совсем иное значение. Здесь оно означало «обжигающе холодный».

В лицо Надаше ударил свет, и рядом с ней появились двое в скафандрах, которые тут же начали резать оковы и ремни. Надаше свалилась с потолка им на руки и немедленно оказалась в объемистом скафандре, тотчас же окутавшем ее теплом и кислородом. Надаше постояла секунду, наслаждаясь теплом, после чего ее поспешно вывели из разбитого фургона, и она увидела трупы охранников и остов транспорта, который

управлялся вручную. Глядя на него, Надаше предположила, что водитель пребывает в том же состоянии, что и охранники, если не хуже.

Надаше полудовели-полудотащили до чего-то похожего на складской контейнер с воздушным шлюзом и втолкнули внутрь. Когда шлюз заполнился воздухом, открылась внутренняя дверь и два других человека выволокли Надаше из шлюза, запихнули туда чье-то безголовое тело и герметично задраили дверь. Затем Надаше извлекли из скафандра и сняли с ее лица кислородную маску.

Вся операция — от срезания оков в разбитом транспорте до снятия скафандра — заняла меньше одной минуты.

— Леди Надаше, — послышался чей-то голос. Повернувшись, она увидела лорда Терана Ассана, тоже облаченного в скафандр. — Рад вас видеть.

— Что вы тут делаете? — спросила Надаше.

— Занимаюсь вашим спасением, только и всего, — ответил Ассан.

Надаше открыла было рот, но Ассан поднял руку.

— Придержите свои мысли при себе, — сказал он и направился к шлюзу, который снова заполнился воздухом. — Кстати, ваша мать передает

вам привет.

— Что, правда?

— Вы скоро с ней увидитесь.

Ассан небрежно отдал честь и скрылся за дверью шлюза.

Лорд Теран Ассан вовсе не собирался лгать — он был вне себя от радости, что его план побега из тюрьмы сработал в лучшем виде. И это был именно его план: он, Теран Ассан, уговорил графиню Нохамапитан принять свое предложение.

— Смотрите, — сказал он, показывая графине картинку на экране планшета. — На этом участке дороги до Ядропада не так уж много камер, и их легко взломать. Мои хакеры уже занимаются этим. Могу устроить пятиминутное окно, в течение которого будут отключены все наземные системы наблюдения.

— Есть еще наблюдение со стороны дронов, которые следуют вместе с транспортом, — заметила Тинда Лоуэнтинту. Глава аппарата графини, как обычно, взяла на себя тяжкий труд посредничества в их разговоре. — Они постоянно передают видеопоток в исправительное учреждение.

— Да, — согласился Ассан. — И этот видеопоток тоже можно заглушить или подделать. Нужны лишь ключи шифрования для каждого дрона,

которые, по случайности, у меня есть, поскольку начальница над дронами ценит деньги больше безопасности.

— Есть еще наблюдение со спутников, — сказала Лоуэнтинту.

— Это орешек покрепче, — улыбнулся Ассан. — Мне понадобился тот, кто имеет доступ к спутникам, а значит, и к военным. К счастью, выбирая между Джейсином и Дераном Ву, графиня предпочла сделать своим фаворитом Джейсина. Тот согласился помочь, в знак благодарности за оказанную ему честь.

— Вы собираетесь скрыть операцию по захвату транспорта от военного спутника? — спросила Лоуэнтинту. — Если транспорт не появится в трансляции со спутника, это будет выглядеть весьма подозрительно.

— Естественно, появится, — ответил Ассан. — Мы не собираемся скрывать взрыв транспорта, но организуем имитацию взрыва, и, кроме того, в трансляции транспорт будет двигаться медленнее, чем на самом деле. Когда кто-нибудь увидит ее, нас давно уже не будет там. Для дронов и камер наблюдения мы подготовим такую же имитацию. Никто не станет нас искать, ведь никто не узнает, что мы там были. Все увидят

лишь то, что хотелось бы нам, — трагический и необъяснимый взрыв транспорта.

— Они заметят, что Надаше нет.

— Это я тоже учел.

— Каким образом?

Ассан перевел взгляд с главы аппарата графини на нее саму.

— Вряд ли вам захочется знать подробности.

— Сколько потребуется времени? — спросила Лоуэнтинту.

— При наличии хороших исполнителей действия на месте взрыва займут меньше четырех минут. Естественно, что-то делается до и после него, но эта часть операции скрыта от любопытных глаз.

— Вы уверены, что у вас все получится?

— Если вы с Джейсином Ву поможете — да.

— Что требуется от нас?

— Ваше согласие и деньги.

— Сколько денег? — спросила графиня.

— Графиня, действовать придется быстро и без права на ошибку. Выйдет недешево.

Ассан получил согласие, получил доступ благодаря связям, своим и Джейсина Ву, и получил сумму, позволившую совершить невозможное так быстро и гладко, что это казалось чуть ли

не магией. Конечно, Ассан привык к большим суммам, управляя владениями семьи в системе Ядра: через его контору ежедневно проходили средства, которыми не каждая человеческая цивилизация располагала за все время своего существования. Но все же между обычной коммерческой деятельностью и тратами огромных сумм на злодеяния была большая разница.

Пикантности происходящему добавляло то, что Ассан занимался всем этим, будучи управляющим своего дома и членом исполнительного комитета. Он не раз вспоминал старинное выражение: «все сходит с рук». Ему сошло с рук убийство. И побег из тюрьмы. И еще не меньше семи преступлений.

Ассану редко доводилось испытывать подобное наслаждение.

Разумеется, он должен был находиться на месте операции, крайне рискованной и крайне дорогой, — во всяком случае, так он сказал графине. Ассан считал для себя делом чести выполнить ее без единого сбоя и со всей возможной тщательностью. Он уже поговорил с главой выбранной им команды наемников, и та согласилась с тем, что он будет присутствовать там, наблюдая за последними несколькими минутами операции и

нанесением окончательного, специально подготовленного им штриха.

Само собой, Лоуэнтинту была права: если в транспорте не окажется трупа Надаше, никто не поверит в несчастный случай. Все знали, что Нохамапитаны, обладая деньгами и властью, пренебрегают правилами и законами, и, если бы тело Надаше загадочным образом пропало, делом заинтересовались бы все — от полицейского управления Ядропада до имперского Министерства расследований.

Соответственно, Ассан через своих агентов тайно дал знать, что ему требуется женщина того же роста, веса и оттенка кожи, что и Надаше, намекнув, что об убийстве речь не идет: это привлекло бы ненужное внимание. Но если подходящая женщина вдруг окажется мертва, он будет только рад.

Долго ждать не пришлось. Получивший вознаграждение судебный медик заверил агента Ассана, что женщину никто не убивал, та просто поскользнулась в ванной — что ж, бывает. Женщина была одиночкой без определенных занятий, друзей и близких родственников. Никто не стал бы ее искать, тем более что она пропала из реестров судебно-медицинского бюро.

Женщина, кем бы она ни была, перестала существовать для всех, кроме Ассана, который отвел ей особую роль. Ее доставили на место операции без головы и отпечатков пальцев. Кровь откачали, заменив ее катализатором, разрушающим ДНК: его удерживали внутри тела восковые затычки в шее и кончиках пальцев.

Она была прекрасна, и ей предстояло взлететь на воздух, подобно фейерверку. Тело было того же размера и веса, что у Надаше, но, согласно плану, оно должно было почти полностью превратиться в пепел. А если бы что-то пошло не так, экспертиза останков все равно ничего не дала бы. Это вполне могла быть Надаше Нохамапитан.

Облаченный в скафандр Ассан наблюдал за тем, как его наемники помещают тело женщины в остов транспорта вместе с телами охранников. Затем грузовик снова предполагалось поджечь — будто бы его батареи взорвались из-за внутренних повреждений. Для горения батареям не требовался кислород, что было весьма удобно в безвоздушном мире. Ну а если тела обгорят как следует, будет только лучше.

Кто-то постучал ему по плечу — командирша наемников знаком просила его проверить связь. Ассан обнаружил, что забыл включить ее.

— Прошу прощения, — сказал он по связи.

— Вызов по защищенному каналу, — ответила командирша. — От графини.

Кивнув, Ассан отошел чуть в сторону.

— Ассан слушает, — сказал он.

— Лорд Теран? — послышался голос графини. — Как идет операция?

— Все по плану, точно вовремя. В ближайшие две минуты уходим отсюда.

— Отлично спланировано.

— Спасибо, графиня. Рад был услужить.

— Несомненно, — заверила его графиня. — Но вряд ли нам еще понадобятся ваши услуги, лорд Теран.

Ассан собрался было спросить, что она имеет в виду, но отвлекся на нож, вонзившийся в его правую почку и скользнувший вправо. Из скафандра Ассана тотчас же начал уходить воздух, смешанный с кровью. Повернувшись с торчащим из спины ножом, он увидел командиршу наемников с еще одним ножом в руке, который вонзился ему в живот и точно так же скользнул вправо. Скафандр начал интенсивно закачивать кислород в шлем, компенсируя потери в других местах, и Ассан все еще мог слышать графиню.

— Вы были посредником между мной и кузе-

нами Ву, — продолжила она. — И я подумала: а зачем мне вообще посредник? В итоге я встретилась с ними обоими, и оказалось, что вы дурачили и того и другого. Им это очень не понравилось, и мы пришли к соглашению, устроившему всех. Мы также решили, что лучше, если ваш план побега будет выглядеть неудавшимся, а вы при этом погибнете. Мы уже сделали вашим сообщником адвоката Надаше. Подробностей более чем достаточно — нам пришлось поменять ваши планы насчет видео, и теперь камеры показывают совсем иное.

Ассан безвольно рухнул наземь.

— Что ж, полагаю, у вас уже почти кончился кислород, лорд Теран. Попрощаемся. Спасибо, что пригодились. Осталось последнее.

Послышался легкий шорох, и Теран ощутил, как его поднимают, несут и бросают в транспорт. Последнее, что он увидел, — безголовую женщину, которой он так гордился. От холода пальцы ее сжались, и Ассану почудилось, будто она показывает ему кукиш.

Он мог бы рассмеяться в ответ, но вместо этого просто сгорел.

Глава 10

— Что значит — Надаше Нохамапитан нет в живых? — спросила Грейланд Вторая Хайберта Лимбара, начальника имперской гвардии, ставя на стол чашку с утренним чаем, на который она выделила ровно пять минут в личном саду, перед тем как поспешить на очередную встречу.

— Сегодня утром была совершена попытка побега, — ответил Лимбар. — Судя по записям с камер, она закончилась чудовищным провалом. Все погибли, включая того, кто пытался помочь бежать леди Надаше. Похоже, мэм, им был лорд Теран Ассан.

— Что?

— Там почти ничего не осталось — взорвались батареи транспорта, и внутри почти все сгорело. Но у нас есть достаточно убедительные доказательства. Лорд Теран в последнее время постоянно контактировал с личным адвокатом леди Надаше. Я поручил заняться этим вопросом людям, отвечающим за взаимодействие с полицией Ядропада, Министерством исполнения

наказаний и Министерством расследований. Возьмемся как следует за адвоката Надаше и посмотрим, как он будет выкручиваться.

Грейланд кивнула:

— Графине Нохамапитан уже сообщили?

— Насколько я понимаю, Министерство расследований взяло эту почетную обязанность на себя, против чего я нисколько не возражаю.

Судя по тону Лимбара, он явно намекал, что обязанность не такая уж почетная: спорить тут было не с чем.

— Я должна послать ей соболезнования, — сказала Грейланд.

В ответ Лимбар издал странный звук.

— Что, не надо?

— Леди Надаше обвиняется в покушении на ваше убийство, мэм, — ответил Лимбар. — Соболезнования, возможно, будут выглядеть чересчур лицемерно. Графиня Нохамапитан известна склонностью оскорбляться по любому поводу и вполне может затаить злобу. Возможно, стоит выступить с публичным заявлением по поводу смерти леди Надаше и лорда Терана, а также выразить сожаление о том, что справедливость так и не свершилась.

— Вы правы, так лучше, — кивнула Грейланд. —

Спасибо.

— Есть еще одна небольшая проблема, о которой вам следует знать, мэм. Уже пошли слухи, будто вы приложили к этому руку: мол, Теран действовал не по собственной воле, преследуя свои цели, а был нанят вами для совершения убийства, поскольку все больше фактов свидетельствуют о том, что покушение на вас организовал Амит Нохамапитан, а не Надаше.

— Смешно. Особенно насчет того, что Амит планировал меня убить.

— В новостях появились предположения, что он знался с сомнительными личностями, которые проворачивают разные дела с деньгами, — заметил Лимбар. — В числе прочего.

— Я провела с Амитом буквально несколько секунд перед его гибелью, — сказала Грейланд. — Читать мысли я не умею, но могу вас заверить, что, судя по его виду в тот момент, вряд ли он собирался убить меня или уничтожить свой собственный корабль.

— Конечно, мэм.

Грейланд слегка прищурилась:

— Вы ведь не считаете, что в этих предположениях есть хоть доля правды?

— Я считаю, что кто-то прилагает скоордини-

рованные усилия, желая вызвать как можно больше сомнений в том, что леди Надаше покушалась на ваше убийство. Раньше я списал бы все на стремление защиты леди Надаше сочинить альтернативную версию события, поставив под сомнение основную. Но теперь мне кажется, что речь идет о другом.

— О некоем заговоре?

— Согласен. Но заговоры, мэм, далеко не всегда возникают лишь потому, что кто-то забыл поправить свою шапочку из фольги. Иногда они являются частью кампании по дезинформации. И простите меня великодушно, но в последнее время вы сами дали повод для таких кампаний.

— Вы имеете в виду мои видения?

— В том числе. Я вовсе не подвергаю их сомнению, мэм. Я лишь хочу сказать, что они все запутывают, работая против вас в не меньшей степени, чем на вас. Но если честно, это беспокоит меня не настолько, как слухи о вашем предстоящем обращении к парламенту.

— Ах вот вы о чем! — сказала Грейланд. — Обращение, во время которого я объявлю о введении военного положения по всей Взаимозависимости?

— Совершенно верно.

— Наша пресс-служба уже опровергла этот слух.

Грейланд скорее почувствовала, чем услышала укоризненный вздох Лимбара.

— Ваше величество, естественно, никто не ожидает от вас подтверждения, что вы объявите о военном положении, пока вы действительно не сделаете этого.

— Понимаю вас, сэр Хайберт. Но факт остается фактом: вопрос о военном положении не входит в программу моего выступления перед парламентом. И я, и мои представители четко дали это понять. Не знаю, что тут еще можно сказать.

— Проблема в слухах. Они ни на чем не основаны, и потому против них нет действенных средств. Правда ни от чего не защищает, и те, кто распространяет слухи, знают об этом.

— Полагаете, кто-то использует все это против меня?

— Вы импер о, мэм. Кто-то всегда действует против вас. Такая уж у него работа.

— С какой целью?

— Вероятно, с несколькими. Мои люди уже занимаются этим. Я вовсе не хотел пугать вас или вгонять в паранойю — лишь проинформировать вас о происходящем, чтобы помочь вам сделать

собственные выводы.

— Да, конечно. — Грейланд взяла чашку и сделала глоток, затем снова поставила ее и посмотрела на Лимбара. — Вы верите, что леди Надаше действительно нет в живых?

— Пока что у нас нет причин считать иначе.

— А вы умеете уклоняться от прямого ответа, — улыбнулась Грейланд.

— У меня лично тоже нет причин считать иначе, — сказал Лимбар. — Мне также известно, что телá на месте происшествия обгорели настолько, что их практически невозможно опознать. Все превратилось в пепел и денатурированные кости. Весьма удобно, ничего не скажешь.

— И насколько мне следует беспокоится из-за этого, сэр Хайберт?

— Вам это вовсе ни к чему, мэм. Беспокойство — моя работа. Оставьте ее мне. Мы выясним истину, какой бы она ни была.

— Спасибо, — ответила Грейланд. Лимбар поклонился и вышел. Его тут же сменила Обелис Атек, которой предстояло доставить Грейланд на очередную встречу, а потом на следующую, и еще одну, и так отныне и во веки веков, аминь.

Вот только на этот раз Атек не стала никуда препровождать ее.

— Здесь архиепископ Корбейн, которая хочет с вами поговорить. Полагаю, это касается Терана Ассана.

— Какой у меня график?

— Следующие несколько встреч — чисто протокольные. Могу их отменить.

— Не нужно, — нахмурилась Грейланд. — Просто передвинь. У меня выделено полчаса на обед, вот туда и поставь.

— Вам нужно поесть, мэм.

— Обед можно иногда и пропустить, Обелис. Принеси белковый батончик, я перекушу, пока ты будешь выпроваживать одних и приглашать других.

— Сейчас приглашу архиепископа, — улыбнулась Атек и вышла.

Грейланд хмуро допила чай. Смерть Надаше Нохамапитан вызвала у нее смешанные чувства, но в первую очередь — она вынуждена была признать это — облегчение. Надаше раздражала ее буквально с самого начала правления.

И не одна лишь Надаше — ей досаждало все семейство Нохамапитан: Надаше с ее интригами, Амит с его отталкивающим безволием, а теперь и графиня Нохамапитан с ее, казалось, неисчерпаемым гневом.

Грейланд снова вспомнила свою встречу с графиней. Она нисколько не отрицала, что собиралась морально раздавить графиню, — и, собственно, сделала это. Но вместе с тем она протянула графине пресловутую оливковую ветвь, проявив милосердие к Надаше и поместив ту в ближайшее подобие четырехзвездного отеля, которое имелось у имперского ведомства исполнения наказаний. Грейланд надеялась, что это проявление доброй воли будет по достоинству оценено, но нет — графиня еле сдерживала ярость. Да, Грейланд явно что-то где-то упустила, но не могла понять, что именно.

Смерть Надаше, помимо прочего, позволяла забыть и о ее возможных интригах, и о гневе графини из-за дочери.

«Не слишком на это рассчитывай», — произнес надоедливый внутренний голос, и Грейланд вынуждена была признать, что надоедливый внутренний голос, скорее всего, прав. По словам Лимбара, уже поползли слухи, что это она приказала убить Надаше. Слухи выглядели просто смехотворными, и Лимбар был прав: вряд ли они будут иметь значение, особенно для кого-нибудь вроде графини Нохамапитан. Графиня разозлилась не на шутку, когда Грейланд проявила

милосердие к ее дочери; вероятно, она превратилась бы в настоящий вулкан ярости при мысли о том, что ее дочь убили по приказу имперо.

Но смерть Надаше вызывала у Грейланд еще и грусть, что слегка сбивало ее с толку и злило. Ясно было, что Надаше никогда не проявляла к ней особого интереса. Грейланд познакомилась с Надаше, когда была еще Кардением Ву-Патрик, а ее брат Реннеред — кронпринцем. Надаше, только начавшая встречаться с Реннередом, оценивающе оглядела ее, определила минимум учтивости, который следовало проявить по отношению к незаконнорожденной сестре ее царственного дружка, и проявила учтивости ровно столько, сколько соответствовало оценке, не больше и не меньше. Кардения, тогда еще не слишком подкованная во всем, что касалось чувств, не могла понять, почему она ощутила в тот день смутную обиду и печаль. Даже сейчас это тревожило ее.

Возможно, в этом была и причина ее нынешней грусти. Будь Надаше чуть добрее, или умнее, или попросту чуть лучше как человек, они с Кардением (а также Грейланд Второй, которая теперь, в зените славы, ждала очередной встречи над пустой чайной чашкой) могли бы стать подругами, а может, даже наперсницами.

Даже сейчас Грейланд видела в Надаше немало положительных черт. Та была умна, уверена в себе, красива и так далее — качества, которые сама Грейланд находила в себе не без труда. Дружба и доверие такого существа значили бы для нее очень много. И то, что Надаше считала ее пустым местом, ощущалось как подлинная трагедия.

«Тебе просто недостает друзей», — сказал внутренний голос, что во многом было правдой. Грейланд вспомнила покойную Наффу, милую подругу, которая стала для нее всем, чем могла бы стать Надаше, если бы захотела. Грейланд тосковала по Наффе, но не в сексуальном или романтическом смысле: то была тоска по лучшей подруге, самому близкому человеку, без которого не знаешь, как жить.

«Зато теперь ты не знаешь, как жить без Марса», — заметила та часть ее разума, что принадлежала пятнадцатилетней девочке. Может, и так. Грейланд вспомнила их первую ночь, и ее обдало радостным теплом. Сперва им было до смешного неловко, а потом вдруг все стало хорошо, и мысль: «Господи, что творится, неужели у нас все получится?» — сменилась думой: «Черт побери, все получается, вот здорово!» — а потом, слава богу, никаких мыслей не осталось — только

радость и удовлетворение. Впервые после потери Наффы Грейланд ощутила себя по-настоящему собой: это было совсем по-другому, и в то же время ожидаемо, и все-таки совсем непредвиденно.

Марс помог ей, точно так же как раньше помогала Наффа. Грейланд чувствовала, что и Надаше могла бы помочь ей вот так, если учесть, что многие ее сильные стороны дополняли сильные стороны самой Грейланд.

Но Надаше… оставалась Надаше: не суммой всех своих качеств, а чем-то совершенно иным. Ее не интересовало то, что могла предложить Грейланд, — кроме ее положения и возможной пользы для дома Нохамапитан.

В сад вернулась Обелис Атек, ведя за собой архиепископа Корбейн, на которой вместо церковного облачения был простой скромный костюм. Грейланд улыбнулась — Корбейн явно давала понять, что от нее не ускользнули приглушенные тона одежды импер о.

Грейланд с улыбкой встала, приветствуя посетительницу и выбросив из головы Надаше вместе со всем домом Нохамапитан. Надаше больше не было, и все, чего она хотела для себя и своей семьи, осталось в прошлом, как и то, чем она была или могла бы стать для Грейланд. В последний

раз ощутив облегчение и грусть по поводу смерти Надаше, Грейланд переключилась на Корбейн и на проблемы настоящего.

«Прощай, Надаше, — подумала Грейланд. — Покойся с миром. Надеюсь, ты не воскреснешь».

Глава 11

После того как Надаше пришлось целый день прятаться и пробираться тайком в компании наемников, о чем ей совершенно не хотелось вспоминать, она оказалась на «Вините во всем меня», личном корабле-«пятерке» ее матери.

Надаше казалось донельзя экстравагантным, что мать использует «пятерку» для перемещений от одной звездной системы к другой, но, если подумать, ее мать фактически жила на корабле. «Пятерка» была ее домом, даже когда находилась на орбите над Тератумом. Графиня Нохамапитан никогда не бывала в Басантапуре, крупнейшем городе Тератума, и вообще не спускалась на планету.

«Что ж, таков был уговор, — подумала Надаше. — Папаша получил Тератум, а мамочка — всю остальную Вселенную».

На «Вините» Надаше разместили в ее собственных личных апартаментах — мать всегда держала их свободными: корабль был чертовски огромным, и графиня смогла бы при желании

найти место для пары сотен близких друзей. Собственно, она и так путешествовала со свитой из друзей, прислуги и так далее. В конце концов, она была графиней, главой дома Нохамапитан и к тому же самовлюбленной нарциссической особой, постоянно требовавшей к себе внимания; в том, что она возила с собой население целого поселка, не было ничего удивительного.

Но все жители этого поселка обитали на другой стороне кольца. На стороне графини все жилые помещения предназначались для нее самой и троих ее детей.

«Теперь двоих», — со вздохом подумала Надаше, не готовая к разговору на эту тему. Но пока что она могла не беспокоиться — матери на «Вините» не было. Графиня находилась в Ядропаде, где ей должны были сообщить кошмарное известие о том, что ее дочь, предательница и убийца, к тому же покушавшаяся на имперо, превратилась в фейерверк при попытке побега, во время которой погибли она сама, трое охранников, водитель и лорд Теран Ассан.

Присутствие Ассана в числе жертв стало пикантной новостью, за которую тут же ухватилась пресса. Всем пришлась по вкусу мысль, будто Ассан, поддавшись обаянию Надаше Нохамапитан,

спланировал побег преступницы, используя в качестве посредника ее туповатого адвоката, — по случайности тот выпал из окна и разбился насмерть, пока его семья любовалась в зоопарке миниатюрными жирафами и длинношерстными выдрами.

Надаше задумчиво поджала губы. Бедный Дорик. Он понятия не имел, во что ввязывается, и, вероятно, ничего не понимал вплоть до того момента, когда телохранитель графини вытолкнул его из окна. По крайней мере, его семья была хорошо обеспечена — если, конечно, Дорик рассказал жене, где спрятал заначку с деньгами, и если ее не нашли власти.

Похоже, никто еще не предположил, что Надаше могла остаться в живых. На месте побега нашли все нужные трупы и даже один дополнительный, а то, что от них осталось, не поддавалось опознанию. Ассана, к примеру, опознали по титановому перстню с печаткой, предмету его гордости. Почти все остальное расплавилось, сгорело и превратилось в пепел. О том, что Надаше жива, знали лишь забравшие ее наемники, — несомненно, им предстояло в ближайшем будущем изведать силу какого-нибудь смертоносного оружия — и члены команды «Вините»,

не собиравшиеся никому рассказывать о присутствии Надаше на корабле, поскольку от этого зависела их жизнь и работа.

Ну и конечно же, мать Надаше, которая в это время наверняка оглашала Ядропад скорбными рыданиями. Надаше представила, как мать скрежещет зубами и рвет на себе одежду, изображая неподдельное горе перед местными и имперскими следователями, готовыми найти хоть какой-нибудь признак того, что попытка побега не закончилась чудовищным провалом.

«Пусть ищут», — подумала Надаше. Пока что ей ничто не угрожало, она пребывала под надежной охраной, в каком-то смысле даже у себя дома: мягкая постель, теплые нежные простыни, изысканная еда, душ с горячей и холодной водой, одежда любого цвета, а не только долбаного оранжевого. Надаше отпраздновала свое освобождение, съев огромный сэндвич, приняв сорокаминутный душ и проспав бóльшую часть дня под грудой одеял.

Проснувшись, она увидела мать, сидящую в кресле рядом с кроватью, и подумала о том, давно ли та за ней наблюдает и в какой момент теплые материнские чувства сменились чем-то иным, не вполне уместным.

— Привет, мам, — улыбнулась Надаше, садясь на постели.

Графиня Нохамапитан с размаху ударила дочь по лицу.

— Это тебе за убийство брата, — сказала она и ударила Надаше еще раз.

— А это за что? — спросила Надаше.

— За то, что попалась.

Надаше потерла щеку:

— Я думала, смерть Амита расстроит тебя сильнее.

— Я вне себя от ярости, — заявила графиня. — Я любила его больше всех.

— Знаю. И Грени тоже знал.

— Я не делала из этого тайны.

— А могла бы. Как другие родители.

— Я любила твоего брата. Он мог стать прекрасным супругом для нынешней имперо. А потом Нохамапитан оказался бы на троне.

— Знаешь, мама, из этого ничего не вышло бы.

— Это вполне можно было решить.

— Ты встречалась с новой имперо? — печально усмехнулась Надаше. — С ней ничего нельзя решить.

— Я уже поняла.

— Я тоже, — кивнула Надаше. — Еще раньше. А

когда стало ясно, что она не собирается выходить замуж за Амита, пришло время попробовать еще раз. В доме Ву хватает родственников. Может, что-нибудь да выйдет.

— Для этого незачем было убивать Амита.

— Были сложности, поэтому пришлось.

— Ваш идиотский план захвата Края? Да, я все знаю, — сказала графиня, заметив выражение лица Надаше. — Твой, Амита и Грени. Вам не хватило ума, чтобы замести следы, когда вы тратили деньги со счетов на свои авантюры. Эта… как ее… Кива Лагос теперь проверяет все наши финансы за последние десять лет. Вы подставили под удар весь наш дом.

— Это все Амит, — поправила ее Надаше. — Он занимался бухгалтерией.

— Но именно ты велела ему так поступить, — возразила графиня. — Ты же у нас умная, Надаше. И всегда была такой.

— Я такая, какой ты меня сделала, мама.

— И все же не настолько умная, чтобы удержать Реннереда Ву.

Застонав, Надаше упала на постель и накрыла голову подушкой:

— Не желаю больше об этом слышать.

Графиня сняла с нее подушку:

— У тебя была одна задача — стать супругой будущего импер о. Я этого хотела. И импер о тоже хотел. Мы потратили годы, чтобы все устроить. А ты упустила такую возможность.

— Черт побери, мама, в последний раз говорю тебе: я ничего не упустила. Реннер ед вбил себе в башку, что ему нравится трахаться направо и налево, и не желал убавлять свой пыл.

— Ты могла сделать что-нибудь.

— Я пыталась. У нас был серьезный разговор. Я сказала, что он может совать свой конец куда пожелает, если у меня будут от него дети. Мне казалось, он этого и хотел — политического брака со всеми его преимуществами. Но как выяснилось, он хотел заставить меня ревновать — или что-то в этом роде. С одной стороны, ему нужна была моногамия и истинная любовь, а с другой — сношения со всем, что шевелится. Его обидело, что я предложила ему секс, который он получил бы и так, вместо моногамии, соблюдать которую он не собирался. В общем, свинья он, и ничего больше.

— И все же ты могла его переубедить.

— Если ты действительно так считаешь, мама, зачем было его убивать?

— Он сделал тебе больно, — пожала плечами графиня. — Я разозлилась. И в любом случае ты

права: окно для ваших отношений закрылось, и мы не могли допустить его женитьбы на другой женщине.

Надаше уставилась на мать:

— Ты ведь сказала, что я могла его переубедить!

— Я была с тобой согласна, — сказала графиня. — Я подумала, ты будешь рада.

— Господи, — Надаше закрыла глаза, — до чего же ты меня утомила, мама! Может, сменим тему?

— Поговорим о замужестве?

— Это все та же тема.

— Тема все та же, персонажи другие.

— Ты о чем?

— О Джейсине Ву.

— И что?

— Подумай о том, чтобы выйти за него.

— Он уже женат.

— Это мелочь. К тому же у него нет детей, что весьма полезно.

— Полезно для чего?

— Мы сделаем его импер о.

Надаше села на постели:

— Но он же не наследник.

— Он Ву. Когда не станет Грейланд, весь порядок

престолонаследия полетит к чертям. Останется только договариваться.

— Найдутся и другие Ву, которые тоже захотят стать импер о.

— Есть лишь один серьезный соперник — Деран Ву. И мы уже позаботились об этом.

— Как именно?

— Деран поддержит притязания Джейсина на трон и уговорит своих сторонников. А когда Джейсин станет импер о, он предоставит Дерану полный контроль над домом Ву. Больше никакой чуши вроде «совета директоров», который парализует деятельность дома.

— А другие родственники просто возьмут и согласятся?

— К тому времени они уже не смогут возражать. Скоро ты встретишься и с Джейсином, и с Дераном и сама оценишь серьезность их намерений.

— И Джейсин возьмет меня в супруги?

— Да, он уже дал согласие.

— Он пытался подстроить мое убийство в тюрьме.

— Тогда он еще не знал тебя как личность.

— И еще одна мелочь: меня считают мертвой.

— Это поправимо. Мы уже занимаемся этим. Мне известно, что ты пытаешься свалить всю

вину на Амита, — Деран Ву рассказал мне все. Я велела ему продолжать в том же духе.

Надаше потрясенно взглянула на мать:

— Ты же говорила, что Амит был твоим любимым сыном!

— Так и есть. И всегда будет. Но его больше нет, а ты нужна нам живой и по возможности ни в чем не замешанной. Джейсин предлагает тебе трон.

— А что мы должны сделать взамен?

— Очевидно, помочь ему избавиться от Грейланд.

— «Избавиться» звучит слишком двусмысленно, мама.

— Вовсе не обязательно ее убивать, — сказала графиня. — Достаточно изолировать и отправить в ссылку.

— И как вы собираетесь это сделать?

— Она сама способствует этому, болтая о своих дурацких видениях. От нее уже отвернулась церковь, и готов отвернуться парламент. Некоторые аристократические дома открыто выступили против нее. Все это — лишь вопрос времени. И еще мы уберем некоторых ее главных союзников начиная с Кивы Лагос, которая в любом случае создает для нас множество проблем.

— Как вы собираетесь ее убрать?

— Это уже моя забота, Надаше.

— Вообще-то, у Грейланд с Лагос не такие уж близкие отношения, — сказала Надаше. — Если мы избавимся от Лагос, будет больше пользы для нас, чем вреда для Грейланд.

— У меня есть кое-что еще, что может ей повредить.

— Что?

Графиня слегка помедлила.

— Ты знаешь, что Грейланд хотела сделать тебя заложницей?

— Каким образом?

— Она сказала мне, что намерена смягчить твой смертный приговор: ты будешь отбывать срок на Сиане, в пределах досягаемости. Дала мне понять, что, если я откажусь ей подчиняться, ты можешь поплатиться жизнью.

— Она слишком плохо знает меня, — криво усмехнулась Надаше. — Или нашу семью.

— Суть не в этом, — сказала графиня. — Суть в том, что она решила, будто может воздействовать на меня через ту, кого, как ей кажется, я люблю. Управлять мной посредством той, кого, как ей кажется, я люблю.

Надаше отметила своеобразное построение фраз матери, но не стала ничего говорить.

— И что ты собираешься делать?

— Пусть Грейланд почувствует то же самое, что хотела заставить почувствовать меня. Пусть поймет, что я могу добраться до тех, кто ей небезразличен.

— И кто же ей небезразличен? — спросила Надаше. — Настолько, чтобы послужить примером?

Глава 12

Марс Клермонт смотрел, как «Оливир Брансид» включает прожектора, освещая обшивку сооружения, рядом с которым он парил.

— Хотели увидеть Даласислу? — спросила капитан Кинта Лауре, показывая в сторону экрана на мостике. — Вот она.

— Да, вот она, — согласился Марс.

«Брансид» освещал лишь крошечный участок оболочки Даласислы. Космическое поселение тянулось на километры — длинный цилиндр, когда-то заполненный живыми людьми. За Даласислой, частично закрытая ее силуэтом, притаилась гигантская планета Даласисла-Прайм, величиной примерно с Нептун в родной системе человечества.

— Удивительно, что она все еще на месте, — заметила капитан Лауре.

— Когда разрушилось течение Потока, она находилась на стабильной орбите, — сказал Марс.

— С тех пор прошло восемьсот лет — орбита искусственного объекта обычно не остается

стабильной так долго. На нее могли оказать гравитационное воздействие другие спутники или пролетающая комета. Даже удар метеора или выброс газов из пробоины мог столкнуть ее с орбиты. Вероятно, так и произошло, поскольку Киппер, — Лауре показала на одного из членов команды, — говорит, что на самом деле орбита больше не стабильна. Даласисла начинает падать по спирали на планету.

— Это нам помешает? — нахмурился Марс.

— Нет, если только мы не задержимся тут лет на сто, — ответила Лауре. — Постараемся, чтобы этого не случилось.

Кивнув, Марс снова повернулся к экрану. Внешне Даласисла мало отличалась от любого из больших космических поселений. Всего существовало шесть или семь основных конструкций разной величины, обеспечивавших посредством вращения некоторое подобие стандартной силы тяжести. Даласисла представляла собой модифицированный цилиндр О'Нейла, модель, в которую столетиями не вносилось существенных изменений — действенную, относительно простую и работоспособную.

Вернее, она оставалась работоспособной, пока на ней имелись люди и ресурсы. Когда заканчи-

валось то или другое, возникали проблемы.

— Она мертва? — спросил Марс у Лауре.

— Мертва, — ответила Лауре. — Давно мертва. Подлетая, мы измерили температуру — почти неотличимо от остального космоса. Внутри такой же холод, как и снаружи. Вашей команде придется надеть скафандры.

Марс снова кивнул — ученые из его небольшой команды в любом случае надели бы скафандры. Восемьсот лет — немалый срок, и никому не хотелось принести сюда заразу или заразиться самому.

— Значит, нам не стоило беспокоиться насчет отряда морпехов? — пошутил он.

— Отряд пойдет с вами, — сказала Лауре. — Если там все мертво, это вовсе не означает, что вас нечему убить.

— И правда.

— Первый раз в дальней экспедиции? — спросила Лауре, пристально глядя на Марса.

— Да.

— И никогда прежде не доводилось работать в поле?

— В общем, нет. Я физик Потока. Это все высшая математика. Для нее в поле выходить не нужно.

— Дело ваше, лорд Марс, — кивнула Лауре. —

Нам лишь приказали доставить вас на место. Но знайте, что с вами будет группа ученых имперского флота. Все они работали в поле. И морпехи, для которых это часть жизни. Хотите совет?

— Да, конечно.

— Вам решать что и как, но советую вам внимательно слушать ученых, а также сержанта Шеррил и ее людей, когда они говорят, куда стоит идти, а куда не стоит. Для вашей же безопасности. Мы все далеко от дома, лорд Марс, и всем хотелось бы вернуться назад.

— Спасибо, капитан Лауре, — сказал Марс. — Возможно, вас обрадует, что я, собственно, так и собирался сделать.

— Вот и хорошо, — ответила Лауре. — Вы показались не особо тупым, но кто знает?

Марс лишь улыбнулся в ответ. Лауре показала на экран:

— Через пару часов завершится визуальный осмотр, и тогда в дело вступит ваша команда. Поскольку Даласисла мертва, вам, вероятно, придется проникнуть внутрь через люки на поверхности.

— Мы так и планировали, — кивнул Марс. — У нас есть схема поселения из имперских архивов, и мы знаем, где самое подходящее место для вхо-

да. Если этот люк доступен, мы быстро доберемся до зала управления компьютерной сетью.

— Все еще думаете, что вам удастся запустить их систему?

— Ну, это вряд ли, — ответил Марс. — Восемьсот лет — немалый срок. Но попытаться стоит: в любом случае мы сэкономим время и, возможно, получим ответы на ряд вопросов.

— Я слышала записи, сделанные в последние дни этого поселения, — сказала Лауре. — Удивлюсь, если все не превратилось в обломки.

— Да, верно. — Марс читал расшифровки и слышал записи последних радиопередач с Даласислы несколько лет спустя после того, как разрушилось течение Потока. Краткая версия случившегося сводилась к смерти, эпидемии, тирании и деградации. Пространная — заставляла задуматься о том, что, черт побери, могло случиться с нормальными людьми.

Ответ, вероятно, был достаточно простым: когда люди понимали, что обречены, несмотря на все свои усилия, их способность принимать долгосрочные решения зачастую вытекала через шлюз. Марс не мог винить их в этом, но Взаимозависимости теперь грозила та же судьба, которая постигла Даласислу, и он надеялся, что найдутся

иные варианты.

Лауре положила ладонь на плечо Марса:

— Идите, готовьте своих людей. И еще, лорд Марс…

— Да?

— Надеюсь, вы найдете там что-нибудь полезное. То, что может спасти всех нас.

Даласисла была мертва, а значит, были мертвы и механизмы, управлявшие служебными люками на ее поверхности. Чтобы открыть люки, требовалось немало времени и усилий, — по всей видимости, приложить их должен был рядовой первого класса Геймис, специалист-механик из отряда морпехов. На «Брансиде» имелись нужные инструменты — в том, что они потребуются, никто не сомневался, — но затем подчиненные Лауре обнаружили открытый служебный люк неподалеку от того места, куда собирались отправиться. У Марса и его ученых внезапно оказалось одним поводом для беспокойства меньше.

— Не очень-то радуйтесь, — заметила сержант Шеррил, пока они с Марсом облачались в скафандры вместе с остальными. — Это всего лишь означает, что дальше окажется закрытая переборка. Но к залу управления сетью мы все равно пробьемся.

Скафандры для исследовательской миссии были изготовлены по последнему слову техники: легкие и гибкие, устойчивые к пробоинам, разрывам и вакууму, самовосстанавливающиеся (до определенного предела, но если ты дошел до этого предела, тебе, скорее всего, был каюк), с магнитными подошвами и системой рециркуляции кислорода, благодаря которой одного баллона хватало в среднем на пятнадцать часов. В них можно было отправлять естественные надобности, также до определенного предела. Марс надеялся, что они пробудут в скафандрах не настолько долго, чтобы возникли проблемы такого рода. В шлемах имелся полный комплект записывающей аппаратуры, фиксировавшей все увиденное и услышанное.

На первую вылазку отправилась небольшая группа: Марс, флотский компьютерщик и специалист-историк по древним вычислительным системам Геннети Хэнтон, сержант Шеррил и рядовые первого класса Геймис и Лайтон. Никто не рассчитывал, что они доберутся до зала управления сетью, — главной задачей было пробить столько герметичных переборок, сколько потребуется.

Вот только за последние восемьсот лет кто-то

проделал за них бóльшую часть работы.

— Взгляните-ка, — сказал Геймис. Разведгруппа в скафандрах столпилась вокруг дисплея, за которым сидел рядовой, управляя полетом дрона внутри служебной зоны за шлюзами. Камера дрона показывала переборки, уходящие вдаль и в стороны — вскрытые, погнутые, а иногда полностью разрушенные.

— Кто-то, похоже, очень хотел туда проникнуть, — заметил Хэнтон.

— Или выбраться оттуда, — предположила Лайтон.

— Как далеко тебе хватает взгляда? — спросила Шеррил у Геймиса.

Помедлив, Геймис вывел трехмерную карту той части Даласислы, где находился дрон, и начал перемещать ее вдоль поля зрения дрона.

— Наша птичка вот тут. — Геймис показал на коридор на карте. — А нам нужно попасть сюда, это путь примерно в полтора километра. — Геймис вернулся к дрону и переместил его вперед по коридору. — Если честно, сержант, мне кажется, что после первых нескольких переборок можно идти напрямик. Не похоже, чтобы в этой части Даласислы сработала автоматическая герметизация из-за потери давления.

— То есть поселение осталось без энергии еще до того, как из этой зоны вышел весь воздух, — сказал Хэнтон.

— Возможно, — кивнул Геймис, продолжая управлять дроном. Камера дрона работала в нескольких диапазонах световых волн — в пределах видимого спектра, а также по обе стороны от него, давая в итоге единую монохромную картинку. — Или что-то отказало. Есть еще сотня других причин… Ого! — Геймис обвел дрон вокруг парящего в пустоте скопища обломков. — Надо было включить автоматическую систему обнаружения препятствий.

— Здесь нет гравитации, — заметил Марс.

— Откуда ей тут взяться? — сказал Геймис. — Поселение больше не вращается.

— Скорее, оно все время обращено одной стороной к планете.

— Ну, формально так и есть, сэр.

— И ни одного трупа, — сказала Шеррил.

— Что, сержант? — Геймис повернулся к своей начальнице.

Шеррил показала на монитор:

— Ты пролетел уже с километр, но я пока не видела ни одного трупа.

— Мы все еще в служебной зоне, сержант, —

возразил Геймис. — Люди бывают там только тогда, когда нужно провести те или иные работы. Полагаю, большинство трупов мы найдем в основной части поселения.

— Все равно странно.

— Буду только рад увидеть замороженные восьмисотлетние мумии как можно позже. — Геймис совершил несколько маневров дроном и остановил его у двери. — Вот он, — сказал он. — Ваш центр управления сетью Даласислы или по крайней мере один из них. Нам надо только не спеша до него дойти в наших магнитных ботинках.

— Выходит, мы зря взяли инструмент для вскрытия переборок? — спросила Шеррил.

— Может, и не зря, — ответил Геймис. — Это лишь одна небольшая секция поселения. Другие, вероятно, загерметизированы. Посмотрим. Но по крайней мере, тут нам повезло.

— Что ж, радуйтесь, — усмехнулся Хэнтон. — Как только окажемся там, попробую выяснить, удастся ли запустить центр управления сетью, хотя бы частично. Возможно, наше везение на этом и закончится.

Марс решил, что скафандр ему определенно не нравится. Стоило надеть шлем, как у него засвербило в носу, и он уже трижды пытался

почесать нос, каждый раз натыкаясь пальцами на стекло. После третьего раза он не удержался от раздраженного стона, который Хэнтон услышал по связи.

— Потом привыкнете, сэр, — сказал он.

— Надеюсь, — буркнул Марс.

Как и обещал Геймис, путь к центру управления сетью оказался весьма долгим. Магнитные подошвы не давали ногам оторваться от пола, но все были связаны тросом на случай, если кто-нибудь потеряет опору и начнет уплывать. Магнитная походка действовала на Марса изматывающе, наряду с темнотой, которую нарушали лишь огни фонарей на шлемах. К тому времени, когда они добрались до центра, ему казалось, будто он пробежал марафонскую дистанцию.

— Ага, все-таки понадобилось, — сказал Геймис, доставая инструмент для вскрытия дверей из ящика со снаряжением, который они взяли с собой. Невесомость позволяла Геймису и Лайтон без труда нести ящик, но его постоянно заносило не туда — из-за инерции маневрировать было нелегко.

Геймис и Лайтон взялись за инструмент, и волшебство свершилось — герметически запертый люк поддался. Марс сперва удивился, услышав

протестующий скрежет открывающейся двери, но потом понял, что слышит его собственными ногами, — звук передавался через пол в скафандр.

Входя в центр управления, Марс увидел на двери отметины и показал на них Геймису.

— Мы тут не первые, — сказал тот.

— Можешь сказать, давно ли оставлены эти следы? — спросил Марс.

— Вряд ли, — ответил Геймис. — То ли пятьсот лет назад, то ли на прошлой неделе. Но в последнем я сомневаюсь.

Внутри центра управления все освободились от связывавшего их троса. Лайтон подбросила что-то к потолку, и все помещение залил свет, исходящий из единственного источника.

— Да будет свет, — сказала Лайтон и посмотрела на Хэнтона. — Хватит часов на шесть.

— Более чем достаточно, — ответил Хэнтон. Он подошел к ящику со снаряжением, достал маленький компьютерный модуль, переносную клавиатуру и крошечный кубик — источник питания — и понес все это к одной из рабочих станций.

— А сетевой кабель у тебя есть? — пошутил Геймис.

— Он мне ни к чему. — Хэнтон включил источник питания. Трижды мигнул красный огонек, сменившись ровно горящим голубым. — Я сверился с архивами. В этих рабочих станциях стоят индукционные пластины. Нужно лишь подать на них питание, и станция включится.

— Если это просто терминал, толку мало, — заметила Лайтон.

Хэнтон покачал головой:

— Станция в основном используется как терминал, но в ней есть кэш внутренней памяти, что немаловажно, поскольку в космических поселениях полагаются на избыточность. Если даже главная компьютерная система отказала, базовая функциональность операционной системы могла сохраниться благодаря содержащейся в терминалах информации. По крайней мере, на время, причем достаточное, чтобы запустить главную систему.

— При условии, что ты сумеешь в нее войти, — сказал Геймис.

Хэнтон похлопал по компьютерному модулю, который принес с собой:

— Если она вообще запустится, у меня тут есть несколько забавных игрушек. Восьмисотлетней системе безопасности предстоит встреча с совре-

менными хакерскими инструментами. Весьма поучительное событие.

— А если не запустится? — спросил Марс.

— На этот случай тут есть еще десяток рабочих станций.

Кивнув, Марс обвел взглядом большое круглое помещение, которому резкие тени придавали слегка жутковатый вид. В одной из образовывавших его дуг виднелось окно и дверь в другое помещение. Там стояли молчаливые ряды черных металлических ящиков, которые и являлись реальным центром обработки данных всего поселения или одним из центров, — помимо рабочих станций в поселении подобного размера вполне могло иметься несколько таких помещений, в разных местах. Избыточность систем спасает жизни.

Во всяком случае, на какое-то время. Компьютеры в черных ящиках, вероятно, давно отжили свой срок, как и любые другие в этом поселении. Чтобы их запустить, источника питания, который принес Хэнтон, было мало.

Марс подумал о том, что происходило на Далассисле, когда перестали работать энергосистемы. Поселение получало энергию от реакторов и солнечных батарей, подверженных тем же меха-

ническим дефектам, что и любые другие системы, включая энергопередающую сеть. Причин отказа могло быть множество. Марс подумал, что системы, возможно, отказали до того, как умерли базы данных со сведениями для их ремонта, но кто знает? Когда мир рушится, ученые вполне могут оказаться козлами отпущения.

— Привет, — сказал Хэнтон. — С пробуждением.

Повернувшись, Марс увидел, что рабочая станция ожила, загрузив экран диагностики.

— Потрясающе, — проговорил Геймис.

— Эта система в основном на полупроводниках, — сказал Хэнтон, просматривая меню. — Сделана из прочных материалов. Промышленный, а не потребительский продукт. Космические поселения строят на века, а не на мгновения.

— Ладно, — кивнул Геймис. — Но восемьсот лет?

— Нам чертовски повезло, — согласился Хэнтон. — Но часть этого везения заложена изначально. Так, посмотрим… — Он открыл закладку, и на экране появилась структура хранилища данных. — Тут все локальные файлы. Перекачаю их на свой компьютер, а потом открою в виртуальном окружении.

— Что там? — спросила сержант Шеррил.

— Много чего, — ответил Хэнтон. — А что именно интересует?

Шеррил посмотрела на Марса:

— Ваше слово, лорд Марс.

— Мне хотелось бы знать, когда Даласисла погрузилась во тьму, — немного подумав, сказал Марс. — Надо понять, чего ожидать в подобной ситуации для других поселений.

— У меня есть файл регистрации доступа, — кивнул Хэнтон.

— Именно для этой рабочей станции?

— Да, в том числе. Есть и другой файл — похоже, для всего этого центра управления. Вероятно, это рабочая станция администратора.

— И в нем есть все?

— Пока подается энергия, конечно, — ответил Хэнтон.

— Выведи его на экран.

Хэнтон вывел файл.

— Гм… — пробормотал он минуту спустя.

— Что такое? — спросил Марс.

— Вы не поверите, — сказал Хэнтон.

— А вы сделайте так, чтобы я поверил.

— Сейчас преобразую данные, станет понятнее. — Хэнтон с минуту стучал по клавишам, а

затем подозвал Марса к экрану. — Я вывел их в виде таблицы входов в систему, упорядоченной по годам. Вот год, предшествующий коллапсу течения Потока. Несколько тысяч входов — люди входили в систему и выходили из нее каждый день. То же самое в год коллапса и в следующий за ним. Проматываем еще двадцать лет — входов все меньше и меньше: неизвестно, какое дерьмо тут творилось, но все было серьезнее некуда. Через двадцать три года входы прекращаются вообще. Наверное, вас интересовало, когда все стало по-настоящему плохо. Так вот, именно тогда.

— Двадцать три года — не такой уж большой срок, — заметила Шеррил.

— Да, — кивнул Хэнтон, прокручивая экран дальше. — А теперь взгляните, что происходит еще через пятьдесят лет. — Он показал на внезапный всплеск количества входов.

— Кто-то еще жив, — сказал Марс.

— И похоже, не один. Смотрите дальше. — Хэнтон продолжал прокручивать экран. — Входы в систему каждые несколько лет. А триста лет назад начинается вот это. — Последующие двадцать лет были отмечены большим количеством входов. — Кто-то снова оживил Даласислу. Или по крайней мере ее часть.

— Временно, — заметил Марс.

— Двадцать лет — довольно долгий срок для чего-то временного, — сказал Хэнтон. — А по прошествии этих двадцати лет происходит то же самое: входов становится все меньше, а затем они прекращаются, на этот раз через семь лет.

Марс снова вгляделся в экран:

— Но не полностью.

— Да, — согласился Хэнтон. — Вновь по одному входу в несколько лет в течение почти трех столетий. — Он опять прокрутил экран. — Вот, вот и вот. И так далее.

— И когда все закончилось? — спросил Геймис.

— Тридцать лет назад, — ответил Хэнтон. — Тогда в систему вошли в последний раз. И в этот зал.

— Ладно, а как такое возможно? — поинтересовалась Лайтон. — Здесь все мертво как камень, черт бы его побрал!

— Понятия не имею, — сказал Хэнтон. — Я просто рассказываю о том, что вижу в файле. Но это объясняет, почему компьютерная система не деградировала полностью. Каждый раз при загрузке она проводит диагностику и исправляет возникающие со временем небольшие проблемы. — Он показал на рабочую станцию. — Чем

занимается и сейчас.

— Значит, Даласисла жива, — проговорил Марс.

— Даласисла — нет, — возразил Хэнтон. — Лайтон права: здесь все мертво. Кто бы тут ни побывал, ему, скорее всего, нужны были местные ресурсы, и он использовал компьютерную систему, чтобы извлечь их. Но в этой части космоса действительно есть кто-то живой. Или был тридцать лет назад.

В ухе Марса раздался голос оставшейся на «Брансиде» Ройнольд:

— Марс, слышишь меня?

Отойдя от Хэнтона и его рабочей станции, Марс приложил ладонь к уху, чтобы лучше слышать Ройнольд, и вновь с раздражением ощутил присутствие шлема.

— Слышу. На Даласисле нашлось немало интересного, Хат.

— Вы нашли подтверждение того, что в этой системе кто-то до сих пор жив?

— Угу, нашли, — ответил Марс. — Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что капитан Лауре поручила своей команде заняться поиском других окрестных поселений, поменьше.

— И ей удалось что-то найти?

— Даже не одно. Целых три десятка.

— И?

— Все мертвы, как и Даласисла. И так же холодны. Та же температура окружающей среды, что и в остальном космосе.

— Ясно, — в замешательстве пробормотал Марс.

— Но потом они нашли кое-что еще. Только не поселение, а скорее «десятку».

— Космический корабль?

— Да, — ответила Ройнольд. — И вот самое странное, Марс: он теплый.

Глава 13

— Предлагаю мир, — сказала Сения Фундапеллонан, входя в кабинет Кивы Лагос и протягивая ей через стол какой-то предмет. Кива взяла его — это оказался филигранный браслет из черненого серебра с золотисто-коричневыми топазами.

— Только не говори, что была на ярмарке и сбила все кегли, — усмехнулась Кива. — И тебе пришлось выбирать между этой цацкой и плюшевым слоником.

— Я ничего не выбирала. Просто оставила слоника себе.

— Ладно, но мне-то зачем это дарить? — Кива положила браслет на стол. — Я вовсе не злюсь на тебя за то, что ты не виделась со мной после нашей небольшой встречи с импето. Не любовь же у нас с тобой, в конце концов.

— Собственно, это подарок не от меня, а от графини Нохамапитан, — ответила Фундапеллонан. — Тератум славится нашими топазами, хотя мало кто об этом знает. Нохамапитаны владеют монополией на кукурузу и рис, а дом Хоук нико-

му не говорит, откуда берутся топазы, которыми они торгуют.

— За что же мне подарок от графини? Ходят слухи, будто она готова сожрать меня с потрохами.

— Графиня считает, что, возможно, и вы, и она просто встали не с той ноги. И полагаю, после смерти дочери решила, что пришло время восстановить прежние отношения. — Фундапеллонан показала на браслет. — Этот браслет, по сути, символ. Должна вам сказать, что его стоимость ничтожна — самое большее тысячу марок, — но он принадлежал Надаше в пору ее юности. Графиня надеется, что это убедит вас в искренности ее намерения начать все сначала.

— Гм, — пробормотала Кива, снова взяв браслет, смотревшийся, если честно, весьма симпатично, и внимательно его разглядывая. — Это ведь ты предложила ей этот план?

— С чего вы взяли?

— Не знаю, насколько близко ты знакома с графиней Нохамапитан, но она сентиментальна не больше, чем долбаный аллигатор. И уж ни за что на свете она бы не расчувствовалась из-за дочери настолько, чтобы выбрать красивую цацку и отправить тебя с ней ко мне, в надежде исцелить свою долбаную душу.

— Думаю, вы недооцениваете графиню.

— Сомневаюсь.

— Вы сомневаетесь, что человеческая душа способна достичь совершенства?

— Как мне кажется, чтобы душа могла достичь совершенства, для начала нужно обладать душой.

— Это низко, Кива Лагос, — сказала Фундапеллонан.

Кива пожала плечами.

— Мне передать графине, что вы отвергли ее дар?

— Дать ей еще один повод меня возненавидеть? Нет уж, спасибо.

— Тогда я просто скажу ей, что вам очень понравилось и вы выражаете свою скромную благодарность, — улыбнулась Фундапеллонан.

— Да уж, это как раз в моем духе.

— Не в большей степени, чем дарить браслеты — в духе графини.

— Значит, все-таки это предложила ты?

— Возможно, я сказала, что браслет вам пойдет.

— С чего бы? Я не ношу драгоценности.

— Может, я просто подумала, что хотела бы видеть его на вас.

Кива надела браслет.

— Ну и как?

— Неплохо, — с минуту помолчав, ответила Фундапеллонан.

— Что ж, прекрасно. — Кива сняла браслет и положила его на стол. — Ладно, хватит нежностей. Говори, зачем пришла, а потом я отвечу «нет», и будем жить как прежде.

— Графиня предлагает вам пересмотреть свое мнение насчет руководства делами дома Нохамапитан в системе Ядра.

— Ладно.

— Что, правда?

— Конечно. — Кива мысленно досчитала до одного. — Я пересмотрела свое мнение, и вот мой ответ графине: «Пошла на хрен». Я уже говорила ей это однажды. Она уже обращалась по этому поводу к импето и получила отказ. Причем импето не просто сказала «нет», а прямо заявила, что я остаюсь и дом Нохамапитан должен оказывать мне полное содействие в расследовании его внутрисистемных дел. Которого, кстати, я так и не получила, и это начинает меня основательно бесить.

— Я передам графине.

— Передай. И еще передай мой ответ: «Пошла

на хрен». Пусть он прозвучит именно так, и никак иначе. И заодно сообщи, что, если кто-нибудь, ты или другой человек, появится в этом кабинете и опять предложит мне послать к чертям работу, порученную нынешней правительницей всей известной обитаемой Вселенной, я разозлюсь всерьез.

— А сейчас вы не злитесь? — удивленно моргнула Фундапеллонан.

— Ты еще не видела меня по-настоящему разгневанной.

— Нужно будет отметить для себя.

— И графиня тоже не видела. И если она меня всерьез разозлит, никакие долбаные браслеты, подаренные в знак дружбы, ей не помогут.

— И ничто не заставит вас передумать?

Кива склонила набок голову:

— Опять предлагаешь взятку?

Фундапеллонан развела руками:

— У меня должна быть возможность вернуться и сказать, что я прошлась по всему списку.

— И что еще в этом списке?

— Больше ничего.

— Уверена? Мы пока не дошли до скрытых угроз.

— Никаких скрытых угроз.

— Что-то графиня сама на себя не похожа.

— Все-таки за один год потерять сына и дочь — не шутка.

— Да, есть такое. — Кива снова посмотрела на браслет, а затем перевела взгляд на Фундапелло-нан. — Что делаешь сегодня?

— Я занята.

— А потом?

— Я всегда занята.

— Я точно знаю, что ты не настолько уж занята.

— На что вы намекаете?

— На то, что тебе стоило бы заглянуть ко мне в гости.

— Может, я вас просто избегаю.

— Значит, у тебя это хреново получается, раз ты стоишь посреди моего кабинета.

— Мне дали поручение.

— Принести подарок?

— От другого.

— Который ты выбрала сама?

— Да.

— Приходи ко мне, и я надену его для тебя. Но не более того.

— Договорились.

— Так почему ты все-таки работаешь на этих

злобных уродов? — спросила Кива у Фундапеллонан, лежа рядом с ней в собственной постели, где они только что занимались сексом, оказавшимся выше среднего.

Фундапеллонан с досадой взглянула на Киву:

— Нохамапитаны — вовсе не злобные уроды.

— Похоже, кое-кому надо бы вновь напомнить о некоторых недавних событиях.

— Хорошо, — сказала Фундапеллонан. — Возможно, некоторые члены дома Нохамапитан — злобные уроды.

— Братоубийство. Покушение. Хищение средств. Сомнительный вкус в отношении мужчин. И это всего лишь одна из тех сволочей.

— Ладно, они — злобные уроды. Вернее, были злобными уродами.

— И остаются ими — даже мертвые.

— Но я на нее даже не работала.

— Ты работаешь на ее мамашу. Откуда, по-твоему, ее дочка набралась всего этого?

— Но я не работаю на нее даже формально. Я работаю на дом.

— Который возглавляет твоя начальница, графиня, со своей семьей. Не будем вдаваться в тонкости.

— Я адвокат, это моя работа. Послушай, Кива,

я вовсе не утверждаю, что среди членов семьи Нохамапитан есть совершенные ангелы или даже просто приличные люди. Но я работаю на дом Нохамапитан, и в повседневной жизни он выглядит как самый обычный аристократический дом, вполне приличный.

— Ну если ты так считаешь…

Фундапеллонан приподнялась на локте:

— Гм… а как насчет дома Лагос? Вряд ли тебя удивит, что до встречи с тобой я провела, скажем так, небольшое расследование. Хочешь, расскажу о вечных проблемах дома Лагос с соблюдением трудового законодательства и норм безопасности? Сколько раз за последние два года дом Лагос оказывался перед судом гильдий за использование порочных практик? Сколько марок выделено отдельной строкой в годовом бюджете дома на «разрешение конфликтов»? Вы ничего не меняете, пока суммы выплат не начинают превышать выделенный бюджет в течение трех лет подряд. Кстати, ты в очередной раз собираешься поступить точно так же.

— Я могу провести точно такое же расследование в отношении дома Нохамапитан и сделать аналогичные выводы.

— О том и речь, — сказала Фундапеллонан. —

Дом — это бизнес, и ему нужны представители, это не идеал и не чистое зло.

— Но при этом твой босс — чистое зло.

— Забавно слышать такое от той, кто стребовал с беженцев миллионы марок за возможность спастись на ее корабле от разрушительной гражданской войны.

Кива пристально посмотрела на Фундапеллонан:

— Ого! Ты и впрямь провела серьезное расследование.

— Почему ты так поступила?

— Мне нужны были деньги.

Улыбнувшись, Фундапеллонан перекатилась и оказалась на Киве:

— Да ты и есть настоящая злобная уродина, Кива Лагос.

— И при этом ты все равно тут, со мной?

Фундапеллонан уселась на Киву:

— Может, мне просто нравятся нехорошие люди.

Схватив Киву за запястье, она сняла с нее серебряный браслет с топазами и надела его на руку себе, а затем покрутила ею, любуясь браслетом.

— На тебе смотрится неплохо, — заметила Кива.

— Он идет к моему оттенку кожи, — согласилась Фундапеллонан, а затем некая сила сбросила ее с постели.

— Эй! — обратилась Кива к Фундапеллонан несколько часов спустя.

Фундапеллонан попыталась что-то прохрипеть, но Кива предостерегающе подняла руку:

— Не старайся. У тебя трубка в горле. Твоя дыхательная система рздолбана, как, впрочем, и все остальное. В тебя стреляли. Прямо в моей долбаной постели.

Фундапеллонан широко раскрыла глаза, лихорадочно озираясь.

— Расслабься, расслабься, — бросила Кива. — С тобой все хорошо, и тебе ничто не угрожает. Ну… на самом деле не так уж хорошо — несколько раз ты почти умерла. Но ты не умрешь, и ты в полной безопасности. Считай, что тебе оказали большую честь. — Кива обвела вокруг рукой. — Это личный медицинский комплекс импер о в Брайтонском дворце. Добро пожаловать.

Глаза Фундапеллонан, и без того широко раскрытые, стали похожи на блюдца.

— Не беспокойся, за все плачу я.

Глаза Фундапеллонан чуть сузились.

— Давай расскажу, что случилось. Тебе вы-

стрелили в грудь. Пуля пробила раздвижную стеклянную дверь. Я живу на семнадцатом этаже, мать твою, так что вряд ли это случайность. Скорее всего, кто-то намеревался выстрелить в меня, а попал в тебя. Без обид, но, думаю, причина в том, что моей смерти желает намного больше народу, чем твоей, включая твою нынешнюю долбаную начальницу. Как по-твоему, разумное предположение?

Фундапеллонан едва заметно кивнула.

— Ты говорила кому-нибудь из дома Нохамапитан, что пойдешь сегодня вечером ко мне?

Фундапеллонан, не шевелясь, смотрела на Киву.

— Я вовсе не злюсь на тебя, Сения. И не думаю, что ты меня подставила. Но мне нужно знать, говорила ли ты кому-нибудь из дома Нохамапитан, что пойдешь ко мне.

Кивок.

— Ты говорила им, что я собираюсь надеть для тебя браслет?

Кивок.

— Поэтому я и знаю, что ты не собиралась меня подставлять, — улыбнулась Кива. — Иначе ты ни за что не надела бы браслет. А меня сейчас не было бы в живых. Сегодня ты спасла мою жизнь,

Сения. Ты приняла пулю, которая предназначалась мне.

Фундапеллонан недоверчиво уставилась на нее.

— Да, знаю. Будь у тебя выбор, ты бы предпочла иной вариант. Но я все равно тебе благодарна. И еще — спасибо за то, что ты не умерла у меня на руках. Дело не в том, что ты мне нравишься или еще что-нибудь: просто, когда кого-то убивают в твоем доме, это дурно влияет на стоимость недвижимости. Ладно, давай так. Во-первых, тебе явно следует оставить свою работу, поскольку стреляли в тебя, скорее всего, по поручению твоей начальницы — настоящей злобной уродины. Да, я знаю, целью была я, но она собиралась пристрелить меня в твоем присутствии, а значит, была не прочь отнести тебя на счет сопутствующих потерь. Во-вторых, если ты в самом деле оставишь работу для дома Нохамапитан, у тебя будет работа для дома Лагос. Да, у нас проблемы с трудовым законодательством, но, возможно, мы решим их с твоей помощью. В-третьих, чем бы ты ни занималась, не забывай, что ты заслуживаешь лучшего. И в-четвертых — помнишь, я говорила, что ты еще не видела меня по-настоящему в гневе?

Фундапеллонан кивнула.

— Так вот, мать твою растак, скоро увидишь.

Кива пощекотала нос Тинды Лоуэнтинту, главы аппарата графини Нохамапитан. Лоуэнтинту всхрапнула во сне, почесала нос и перевернулась на другой бок.

Понаблюдав еще несколько минут за негромко похрапывающей кучей дерьма, Кива прошла в ванную комнату гостиничного номера Лоуэнтинту, положила универсальный ключ, за который только что заплатила головокружительную сумму наименее принципиальному из помощников управляющего, сняла гигиеническую пленку с одного из стаканов на раковине и наполнила его водой, после чего вернулась к кровати и выплеснула содержимое стакана в уши и лицо Лоуэнтинту. Та села на постели, тряся головой и отплевываясь.

— Ну вот мы и проснулись, — сказала Кива. — Привет, я Кива Лагос.

С этими словами она с размаху врезала женщине кулаком в лицо. Послышался хруст, и из носа Лоуэнтинту хлынула кровь. Судорожно вздохнув, та прижала ладони к лицу, и кровь потекла между пальцами.

— За что? — спросила она и тут же вскрикнула от очередного удара по носу.

— Извини, ты что-то спросила? — поинтересовалась Кива, морщась и встряхивая рукой. Она почти не сомневалась, что сломала палец о нос этой долбаной дуры, но не собиралась доставлять ей удовольствия, сообщая об этом, и поэтому вновь отвела руку назад, готовясь к очередному удару. — Ну же, задавай свой долбаный вопрос, вонючка.

Лоуэнтинту заткнулась, и Кива врезала ей еще раз. Лоуэнтинту упала на подушки, заливая все вокруг кровью и издавая жуткие звуки сломанным носом.

— Теперь, когда мы покончили с вводной частью, позволь объяснить, что я тут делаю, — сказала Кива. — Сегодня мою подругу — и подчиненную твоей начальницы, ходячей кучи отбросов, — едва не застрелили прямо на моих глазах. Вот она сидит на мне верхом, хвастаясь симпатичной цацкой, а потом раз — и отлетает на два метра, и лежит на полу с долбаной дырой в груди. Чудо, что она вообще выжила.

— Не понимаю, о чем вы, — прохрипела Лоуэнтинту.

— Только попробуй строить из себя дурочку, мать твою! — бросила Кива. — Я выволоку тебя из твоей долбаной койки и вышвырну с балкона — и

плевать, что потом со мной будет. Если хочешь узнать, мать твою, умеешь ли ты летать, — скажи еще раз, что понятия не имеешь, о чем я.

Лоуэнтинту молчала.

— Теперь мы оба знаем, кому предназначалась та пуля, — продолжала Кива. — Но так уж вышло, что вместо меня она прошила Сению Фундапеллонан. Что ж, прекрасно. Тот мордобой, который я тебе только что устроила, предназначался графине Нохамапитан. Будем считать, что я целюсь так же плохо, как и она. Разница в том, что Сения нисколько не заслужила того, что с ней случилось. Ты — совсем другое дело. Мне прекрасно известно, что, когда графиня Нохамапитан идет на горшок, ты подтираешь ей задницу. И сейчас ты сделаешь вот что. Поднимешься со своей свежеотделанной мордой на шесть этажей — туда, где дрыхнет твоя начальница, и разбудишь ее. Скажешь, что она на хрен промахнулась и что завтра утром я приду в долбаный Дом гильдий, поднимусь в свой кабинет, сяду в свое любимое долбаное кресло за моим любимым долбаным столом, выпью своего любимого долбаного чаю, а потом уничтожу под корень ее долбаный бизнес. Каждую минуту каждого дня всей своей оставшейся жизни я посвящу тому, чтобы превратить

ее дом в то же самое, во что я превратила твой сраный нос. Жадная и сволочная семейка графини уже достала меня настолько, что я готова была дать гильдиям повод всерьез задуматься о том, чтобы лишить ваш дом всех прав и отправить вас, всех до последнего, за решетку. И это был бы лишь мелкий пердеж с моей стороны. Только представь, что я сделаю теперь, когда у меня появился долбаный мотив.

— Или, — произнесла Лоуэнтинту.

— Что?

— Я сказала «или». — Нос ее перестал кровоточить, и она утерла лицо простыней, превратив и то и другое в кровавую кашу. — Когда к тебе кто-то является и пытается угрожать, всегда есть «или». «Дай мне то, чего я хочу, или я сожгу твой дом». Вы угрожали мне, леди Кива. Я жду, когда вы скажете «или».

— Как твой нос? — спросила Кива.

— Получше.

Кивнув, Кива снова врезала Лоуэнтинту по носу, и та осела на спинку кровати.

— Вот твое «или», — сказала Кива. — Постарайся, чтобы оно дошло до графини. И скажи ей: пусть убирается из Ядропада. У нее есть долбаный корабль, и немаленький. Вполне может

спать и там.

Глава 14

Корабль был большим, как и подобает «десятке», и у него, как и у любой «десятки», имелось кольцо. Но в отличие от «десятки» кольцо не вращалось, обеспечивая силу тяжести для находившихся внутри его людей и предметов. По всему кораблю периодически вспыхивали огни. Марс предположил, что энергосистема корабля в лучшем случае работает с перерывами. Корабль действительно оказался «теплым», но лишь относительно окружающего космоса. За исключением одной дуги кольца, температура корабля составляла несколько градусов выше нуля по Цельсию.

Интереснее самого корабля был рой объектов вокруг него — десятки маленьких цилиндров длиной не больше тридцати метров, которые соединялись тросами и вращались вокруг центральной точки, соединенной, в свою очередь, с большим кораблем. Взглянув на один из тросов с «Брансида», Марс увидел, как по нему с помощью шкивов движется маленький контейнер. На его глазах контейнер достиг одного из цилиндров и

скрылся внутри.

— Вы все видите то же, что и я? — спросила Джилл Сив, глядя, как исчезает контейнер. Будучи флотским лингвистом, она имела также диплом антрополога, и адмирал Эмблад счел ее подходящим человеком для такой экспедиции.

— Уж точно видим, — ответил Пленн Гитсен, флотский биолог. — Верим ли увиденному — вот в чем вопрос.

— Я про то, как вообще там могут жить люди, — сказала Сив. — Сколько прошло времени после коллапса течения Потока?

— Восемьсот лет, — ответила Ройнольд, которая стояла рядом с Марсом, глядя на монитор.

— Как могут люди жить вот так восемьсот лет? — Сив показала на экран.

— Вероятно, они вовсе не живут так восемьсот лет, — сказал Геннети Хэнтон. — У нас есть свидетельства, что люди были на Даласисле тридцать лет назад. Будь у нас время, чтобы исследовать другие окрестные поселения, мы бы, вероятно, обнаружили, что некоторые из них еще недавно были обитаемы или, по крайней мере, посещались. Скажем так, относительно недавно.

— Хочешь сказать, что люди живут так как минимум тридцать лет? — спросила Сив.

— Похоже на то, — кивнул Хэнтон.

— Ладно, но как, черт побери, можно так жить тридцать лет?

— Понятия не имею.

— Они живут так, потому что у них нет выбора, — раздраженно бросила Ройнольд. — Это же очевидно. И наша задача — выяснить почему. И как.

— Значит, отправимся туда? — спросил Хэнтон Марса.

Марс повернулся к биологу Гитсену:

— Как считаешь?

— Кем бы они ни были, они провели в изоляции на Даласисле бóльшую часть тысячелетия, — ответил тот. — Вряд ли их число превышает несколько сотен. Не так уж много.

— Тебя беспокоило, что, если мы на них подышим, они умрут от наших болезней, — заметила Ройнольд.

— Или наоборот, — кивнул Гитсен. — Мы не имеем ни малейшего представления, как могли мутировать или эволюционировать бактерии и вирусы в их крайне ограниченной среде обитания. Мы не можем просто подойти к ним и заключить их в объятия — нам почти гарантировано взаимное уничтожение.

— Значит, нет? — спросил Марс.

— Я этого не говорил, — покачал головой Гитсен. — Думаю, нам следует отправиться туда. Кем бы ни были те люди, это настоящее чудо с точки зрения науки. Им удалось выжить, хотя после коллапса их цивилизации прошло восемьсот лет. Нам нужно с ними поговорить. Соблюдая осторожность.

— Снова в скафандры? — спросил Хэнтон.

— Тебе вовсе незачем идти, — заметила Сив. — Там нет компьютерных систем, которые нужно взламывать.

— Ты уверена? — возразил Хэнтон.

Ройнольд посмотрела на Марса.

— Кто пойдет? — спросила она.

— Сив и Гитсен — однозначно, — ответил Марс. — Пожалуй, стоит попросить Мерту Эллс. — Он говорил о корабельном враче «Брансида». — И я знаю, что капитан Лауре захочет послать как минимум нескольких морпехов. Ты тоже можешь пойти с нами, Хат.

— С чего ты взял, будто мне захочется?

— Я же пошел в прошлый раз, — заметил Марс.

— Вот тогда мне и стоило пойти с тобой, — сказала Ройнольд. — Сам знаешь, я не слишком люблю людей.

— Извини, — улыбнулся Марс.

— Ничего страшного. — Ройнольд вновь переключила внимание на корабль. — Но как вы собираетесь туда попасть? Просто подойти к входной двери и постучать?

— Эй! — Хэнтон показал на экран. — Видели?

— Что именно? — спросил Марс.

— Один из огней на кольце начал мигать.

Марс взглянул на корабль, едва различив этот самый огонек.

— Можешь приблизить?

— Сейчас, — кивнул Хэнтон.

— Это не постоянное мигание и не случайное, — сказала минуту спустя Сив. — Длинные мерцания перемежаются короткими. Это код.

Приглядевшись, Хэнтон достал планшет и запустил поисковик.

— Я знаю, что это, — сообщил он. — У имперского флота есть код для терпящих бедствие кораблей, которым можно пользоваться, когда не работает другая связь.

— С помощью корабельных огней? — недоверчиво спросила Ройнольд. — Учитывая среднее расстояние между кораблями, выглядит довольно оптимистично.

— Я не говорил, что в этом есть смысл, — раз-

драженно бросил Хэнтон. — Я просто сказал, что у нас есть код. К тому же он предназначен не только для космических кораблей. Его можно использовать для наземных и морских транспортных средств.

— И что, эта система осталась неизменной за восемьсот лет? — спросил Марс.

— Нет, конечно, — ответил Хэнтон, показывая Марсу планшет. — Но в нашей информационной базе данных есть ключ к коду восьмисотлетней давности.

— Неплохо, — заметил Марс.

— Это всего лишь часть большой базы со сведениями о кораблях вообще, но я подумал, почему бы ею не воспользоваться? А теперь погодите минуту, пока я не разберусь, — сказал Хэнтон. — Там три отдельных сообщения, — продолжил он несколько минут спустя. — Первое: «Связь не работает».

— Это мы и так знаем, — заметила Ройнольд.

Хэнтон предупреждающе поднял руку:

— Второе: «Состояние всех систем критическое».

— А третье? — спросил Марс.

— «Помогите».

Даласисланцы оказались одновременно низ-

корослыми и худыми — Марс предположил, что это последствия плохого питания и низкой силы тяжести. Стоявшей рядом с ним Эллс явно очень хотелось заполучить одного из них для тщательного изучения. Винить доктора не стоило — на ее месте Марсу, вероятно, хотелось бы того же.

Но пока ему больше всего хотелось их понять.

Капитан Лауре оставила без внимания просьбу Марса отправить их без охраны, и ей не хотелось рисковать всей командой ученых. В итоге Марс, Эллс, Сив и рядовой первого класса Лайтон надели скафандры, сели в челнок и стали ждать у шлюза, пока даласисланец открывал люк вручную. Его плохо подогнанный скафандр выглядел древним и залатанным — и, собственно, был таким.

Когда все четверо оказались внутри, даласисланец снова задраил шлюз и стал ждать, когда тот снова заполнится воздухом. Затем он открыл внутренний люк, сбросил скафандр и оставил его возле шлюза. Почти голый, непонятно какого пола, явно он ждал, что гости с «Брансида» тоже снимут скафандры. Увидев, что те не собираются этого делать, даласисланец пожал плечами — мол, как хотите, — оттолкнулся от пола и махнул рукой, предлагая следовать за ним. Они двинулись в указанном направлении, топая по палубе

магнитными подошвами.

Внутри корабль явно обветшал или же смотрелся прекрасно для корабля возрастом в восемьсот лет — смотря как считать. Марс отметил, что практически все было собрано на скорую руку. Корабль напоминал чудовище Франкенштейна и, видимо, обновлялся за счет фрагментов других кораблей и поселений. Обитатели его были, по сути, космическими стервятниками, иначе они попросту не смогли бы выживать так долго.

Группу с «Брансида» провели в некое подобие кают-компании — точнее, на сколько-нибудь нормальном корабле это было бы кают-компанией. Там обнаружилось еще несколько десятков даласисланцев, внешне мало отличавшихся от того, который привел гостей.

Несомненно, они были людьми, но таких людей Марс никогда прежде не видел: порождения космоса и космических кораблей в намного большей степени, чем любой гражданин Взаимозависимости. Естественно, миллиарды ее граждан обитали в космосе, но они жили в поселениях с нормальной силой тяжести и нормальной атмосферой, где имелось все необходимое для существования, в том числе предметы роскоши. Они жили в космосе, но не были его частью, как нынешние

даласисланцы.

«Вот наше будущее», — подумал Марс, который не сдержал невольной дрожи и надеялся, что благодаря скафандру этого никто не заметит.

Сопровождавший их даласисланец подплыл к группе своих сородичей, и от нее отделился другой, который развернулся к Марсу с его товарищами и заговорил. Марс не мог понять ни единого слова.

— Джилл? — спросил он у лингвиста, когда даласисланец замолчал.

— Это стандартный язык Взаимозависимости, — ответила Сив. — Вернее, бывший. Произошло смещение гласных.

— Ты его понимаешь?

— Отчасти. — Сив шагнула к стоящему даласисланцу и показала на себя. — Человек. — Она показала на Марса. — Человек.

То же самое она проделала с Эллс и Лайтон.

Даласисланец оказался достаточно сообразительным и произнес слово, которое могло бы звучать как «человек», если бы кто-нибудь записал его, воспроизвел задом наперед, произнес то, что получилось, снова перезаписал его задом наперед, и так несколько десятков раз. Сив сыграла в ту же словесную игру, показывая на

разные предметы в помещении, и получила их даласисланские названия. Затем она сказала что-то даласисланцу на языке, показавшемся Марсу совершенно незнакомым.

Даласисланец молча кивнул.

— Погоди… что ты сказала? — спросил Марс.

— По-моему, я сказала: «Говори помедленнее, нам сложно тебя понять», — ответила Сив. — Думаю, разберемся.

Даласисланец заговорил снова, на этот раз намного медленнее, и Марс почти различил нечто похожее на знакомые слова.

— Это Чуч, их капитан, а это — все, что осталось от Даласислы, — сказала Сив и кивнула Чучу, давая знак продолжать. — Он — думаю, именно «он» — говорит, что последние сто лет корабль служит домом для остатков Даласислы. — Чуч снова заговорил. — Раньше их было больше, но другие корабли и поселения со временем вышли из строя. Он говорит, что им удалось выжить, перемещая корабль от поселения к поселению и от корабля к кораблю, забирая по пути все необходимое. — Последовал новый поток слов. — Но теперь этой возможности у них нет.

— Почему?

Сив послушала еще немного.

— Похоже, у них отказали двигатели, — сказала она. — У них хватает энергии, чтобы приводить корабль в движение, но они не могут им управлять. — (Очередная пауза.) — У них есть энергия, чтобы питать часть систем корабля, но они не могут добраться ни до одного из поселений, чтобы снять оттуда запчасти и отремонтировать корабль. Он разваливается на куски и рано или поздно развалится окончательно.

— Как скоро?

Сив задала вопрос, и Чуч посмотрел на другого даласисланца, который ответил ей.

— С тех пор как отказали двигатели, прошло полтора года, — сказала Сив. — Этот человек — главный инженер, и, по его оценке, до отказа большей части критически важных систем остался еще год, максимум два.

— У них есть главный инженер? — спросила Лайтон.

— Все это время им удавалось поддерживать корабль на ходу, — сказал Марс. — Конечно, у них есть главный инженер. Не считай этих людей дураками, Лайтон.

— Извините, — пробормотала та.

Чуч о чем-то спросил Сив. Та ответила.

— Он поинтересовался, о чем вы только что

говорили.

— Ты ему сказала?

— Да. — (Чуч снова произнес что-то.) — Говорит, да, они вовсе не дураки, просто оказались в отчаянном положении. И просит у нас помощи.

— Какой именно? — спросил Марс.

— Для начала — помочь с двигателями и прочей техникой. Им нужна еда, вернее, не еда как таковая, а то, что они могли бы выращивать. Медикаменты. Информация. Новые технологии.

Чуч посмотрел на Марса и произнес одно слово. Марс перевел взгляд на Сив:

— Он что, сказал «всё»?

— Угу, похоже на то.

— Ну да, вряд ли его можно в этом винить, — кивнул Марс и замолчал.

— Что такое? — спросила Сив.

— Непохоже, что наше появление их сильно удивило, — сказал Марс.

— В смысле?

Марс обвел рукой помещение и собравшихся там даласисланцев:

— Они живут на этом корабле по крайней мере сто лет. А до этого как-то существовали в одном из поселений. Ведущее сюда течение Потока разрушилось восемьсот лет назад. Как бы ты от-

реагировала, если бы вас внезапно обнаружили после столетий изоляции?

— Если честно, не знаю, — ответила Сив.

— Я бы, наверное, в штаны наложила, — сказала Лайтон. Сив странно посмотрела на нее.

— Думаете, они бы восприняли нас как богов или что-то вроде? — спросила доктор Эллс.

— Нет, — покачал головой Марс. — Но вряд ли я отреагировал бы так, как реагируют сейчас они. — Он повернулся к Сив. — Спроси его.

— О чем?

— Почему он был так спокоен, увидев нас?

Сив задала вопрос и удивленно моргнула, услышав ответ.

— Что он сказал? — спросил Марс.

— Он сказал, что не удивился нашему появлению, так как люди с последнего корабля всегда говорили, что прилетят и другие.

— Что? — переспросил Марс.

Чуч снова заговорил.

— Он говорит, что последний корабль прибыл триста лет назад и его команда осталась здесь. Он говорит, что в жилах каждого из присутствующих, в том числе его собственных, течет частичка их крови. И еще — капитан того корабля всегда утверждал, что рано или поздно прилетят другие.

Поэтому наше появление нисколько их не удивило. Нас ждали. И мы выбрали удачное время, за что они нам благодарны.

Глава 15

Архиепископ Гунда Корбейн вновь размышляла об искусстве.

Больше всего ее занимала статуя «Рахела перед собранием» авторства Дивного Притофа («Дивный» не было именем, просто после смерти мастера один проницательный торговец предметами искусства, владевший множеством его скульптур, решил сделать ему хорошую рекламу). Скульптура, в свою очередь, основывалась на картине Ипполиты Мултон с тем же названием, висевшей в Имперском институте изящных искусств, неподалеку от собора Сианя.

На этой картине Рахела обращалась к светилам политики и бизнеса, которых так потрясли ее слова, что они немедленно позабыли о мелких разногласиях и создали Взаимозависимость. Мултон изобразила Рахелу красавицей с безмятежным, ничего не выражающим лицом; судя по всему, политиков и бизнесменов настолько поразило сказанное, что им было все равно, даже если бы оно исходило от манекена.

У Притофа все выглядело несколько иначе. Скульптор изобразил Рахелу точно в такой же позе, как Мултон, но выражение лица стало совсем другим: во взгляде чувствовались ум и проницательность, а на губах играла улыбка, по поводу которой веками велись споры в академических журналах: является ли она сардонической — и если да, то насколько? У Мултон Рахела была религиозным символом, а у Притофа — женщиной с четким планом действий.

Картина Мултон, намного более известная, висела в Институте изящных искусств, а скульптуру Притофа, можно сказать, отправили в изгнание: ее пристанищем сделался собор Взаимозависимой церкви в Шумадии, родном поселении Притофа. Но Корбейн это не волновало. Несмотря на то что она была архиепископом и фактической главой церкви, икона с бесстрастным лицом бросала ее в дрожь. Казалось, будто подобный образ лишает Рахелу личных и вообще человеческих черт, превращая в нечто застывшее и неизменное. И хотя дух неизменности вполне устраивал Взаимозависимую церковь — как и почти все другие церкви, — Корбейн, в силу своей профессии и склонностей изучавшая ее историю, знала, что ничего неизменного в ней нет.

Взять, к примеру, собрание, запечатленное в обоих произведениях искусства. Политики и капитаны индустрии вовсе не таращились на Рахелу, застыв от изумления. Они смеялись и шутили над ее глупостью. И уж точно они не занялись созданием Взаимозависимости, едва покинув зал. Для этого потребовались многие годы и бесчисленные закулисные сделки, подробности которых были куда более приземленными, нежели возвышенными. Картина Мултон являлась всего лишь элементом пропаганды, сделанным по заказу архиепископа Сианя, давно умершего предшественника Корбейн. Естественно, реальных сведений об этом собрании из истории не вычеркивали, но версия Мултон нравилась народу больше, и подавляющее большинство представляло Рахелу на собрании именно такой, какой изобразила ее Мултон.

Именно поэтому Корбейн больше любила скульптуру. Она подозревала, что выражение лица Рахелы во время собрания было куда ближе к притофскому, чем к мултонскому образу. Корбейн в очередной раз пожалела, что Рахела — всего лишь обычный человек, а не Божественная сущность, которую можно было бы призвать к себе и спросить, о чем она, черт побери, думала, решив

обратиться к тем политикам и бизнесменам. Чем на самом деле являлись ее «пророчества» и в какой мере ими должна была руководствоваться церковь, которой Корбейн посвятила почти сорок лет своей жизни?

И еще она жалела, что не может стать импером хотя бы на день. Ни для кого не являлось секретом, что все импером пользовались технологией, запрещенной для остальных граждан Взаимозависимости: каждая их мысль записывалась, а после смерти они возрождались и могли давать советы преемникам. В имперском дворце для этого предназначался специальный зал. Корбейн не знала, существовала ли система во времена Рахелы, но если да, ее цифровому призраку стоило бы задать несколько острых вопросов.

«Если память Рахелы загружена туда, Грейланд наверняка задала ей те же вопросы, которые хотела бы задать я», — подумала Корбейн.

Поэтому Корбейн в первую очередь размышляла о скульптуре Притофа, — как и Рахеле, Грейланд Второй предстояло обратиться к собранию.

Формально ей предстояло обратиться к парламенту Взаимозависимости, членом которого, как импером, она являлась сама, единственный пред-

ставитель поселения Сианъ, — хотя по традиции импер никогда не участвовали в заседаниях и не голосовали.

Но на этот раз ее аудиторию составляли не только парламентарии. Парламентская галерея стала гвоздем сезона в Сиане — за места сражались члены ведущих домов Взаимозависимости. Корбейн было незачем сражаться за место — ее попросили дать официальное благословение перед речью импер, и она согласилась, — но остальные епископы и священнослужители дрались за места точно так же, как и представители домов. К концу дня там должны были быть представлены все главные силы Взаимозависимости — политические, торговые и духовные.

«И случиться это может когда угодно», — подумала Корбейн. Все знали, что импер собирается выступить с обращением, но дату она пока не назначила, — пресс-секретарь лишь сообщал, что это случится «в ближайшее время». Грейланд явно чего-то ждала, но чего именно? Предположения строились самые разные.

В отличие от Рахелы, Грейланд Вторая обращалась к собранию уже как импер, будучи формально самой могущественной персоной во всей известной Вселенной. Корбейн, однако,

сомневалась, является ли это кажущееся преимущество реальным. В Рахеле, когда она обращалась к скептикам, могли видеть харизматическую личность со своими причудами; в Грейланд видели опасность. Как прекрасно знала Корбейн, ходили слухи, будто Грейланд намеревается объявить военное положение под предлогом того, что закрытие течений Потока требует наведения порядка. А затем, пользуясь военным положением, она могла расправиться со своими врагами, как уже поступила с Надаше Нохамапитан.

Корбейн лишь закатила глаза, когда ей рассказали об этих слухах, но перестала их закатывать после встречи с Тиндой Лоуэнтинту. Глава аппарата графини Нохамапитан выглядела весьма странно — так, будто ее физиономию пытались превратить в котлету. Когда Корбейн спросила, все ли с ней в порядке, Лоуэнтинту отговорилась тем, что споткнулась о порог балконной двери, — Корбейн тут же поняла, что это полная чушь, но Лоуэнтинту ясно дала понять о своем нежелании распространяться на эту тему. Она с ходу предложила то, что Корбейн восприняла как попытку раскола внутри Взаимозависимой церкви.

— На каком основании я должна так поступать? — спросила Корбейн, вместо того чтобы

немедленно обвинить Лоуэнтинту в богохульстве. Как церковный иерарх, она вполне имела на это право, но такое обвинение выдвигалось крайне редко и в любом случае создавало ненужные проблемы.

— Конечно, ради продолжения существования церкви, — ответила Лоуэнтинту. — Графине известно, что вы недавно собирали епископов, чтобы обсудить импере и ее видения, а также передачу Взаимозависимой церкви под ваше управление. Ей известно, что многие из них высказались за раскол ради сохранения целостности церкви.

Вспомнив многочасовые дебаты на повышенных тонах, о которых говорила Лоуэнтинту, Корбейн раздраженно подумала, что кто-то из ее епископов решил устроить слив. Кто бы это ни был, с ним можно разобраться позже.

— Полагаю, некоторые действительно высказались за раскол, — сказала Корбейн. — Но хочу вас предостеречь: наше собрание шло по разряду свободных интеллектуальных упражнений. Никаких выводов из него делать не предполагалось.

— Да, конечно. Но можно было бы и сделать.

— Прошу вас, ближе к сути, леди Лоуэнтинту.

— Я хочу сказать, что, если бы вы поддержали раскол, у вас бы нашлись союзники.

— При всем моем уважении к графине Нохамапитан, церковь не нуждается в таких союзниках.

— Увы, я прекрасно вас понимаю. Вам будет приятно узнать, что на вашей стороне есть и другие, куда более солидные союзники.

— «На нашей стороне»? Что это означает?

— Насколько я представляю, для начала речь может идти о финансовой и материальной поддержке новой церкви ради сохранения недвижимого имущества церкви, существовавшей ранее.

— То есть не раскол, а попросту переворот?

— Вряд ли потребуется даже это. Но многие — в парламенте, в крупных домах и, да, в церкви тоже — начинают понимать, что пора предложить имперо отречься.

— Предложить, — повторила Корбейн. — До чего же вежливое слово.

— Насилие вовсе ни к чему, — сказала Лоуэнтинту. — Графиня Нохамапитан лучше остальных понимает, что прямо сейчас применять насилие против имперо бессмысленно. Она ощутила это на себе — острее всех, не исключая имперо. Двое ее детей мертвы, третий — на Крае, и она боль-

ше никогда его не увидит. Но насилия можно избежать, если как следует надавить — в нужное время и в нужном месте.

Внезапно до Корбейн дошло.

— Речь о выступлении имперо перед парламентом? Вы что-то замышляете?

— Мы ничего не замышляем, — ответила Лоуэнтинту. — Но планы есть.

— Вы немало рискуете, говоря мне об этом, — сказала Корбейн. — Я член исполнительного комитета. И у меня близкие отношения с имперо.

— Да, близкие. И риск действительно есть. Но ведь всего несколько минут назад вы могли приказать арестовать меня за богохульство. У вас достаточно власти, архиепископ. Ваша церковь мало чем обязана этой имперо. А когда имперо сменится, он — или она — может официально разделить светскую и церковную власти и возвести нынешнего архиепископа Сианя в сан кардинала Сианя и Ядра.

— У вас далеко идущие планы.

— Опять-таки дом Нохамапитан тут ни при чем. Но мы знаем, что планы есть.

— Но именно вы явились ко мне, чтобы ввести меня в искушение, леди Лоуэнтинту.

— Я пришла вовсе не затем, чтобы искушать вас, архиепископ. Я всего лишь сообщаю вам о возможных вариантах и взываю к лучшим сторонам вашей души. Мы живем в неспокойные времена, и с коллапсом течений Потока неопределенность лишь возрастет. Нам — всем нам, — несомненно, предстоят смутные годы. Империо руководствуется лучшими побуждениями, но она не сумеет провести нас через все невзгоды, что постигнут Взаимозависимость. Это должен сделать кто-то другой. И будет лучше для всех, если этот вопрос решится как можно раньше.

— Забавно, — улыбнулась Корбейн. — Вы говорите совсем как один мой знакомый, который недавно приходил ко мне, чтобы пообщаться на ту же тему.

— Поговорите с ним еще раз. Возможно, он скажет то же самое.

— Не могу. Его уже нет в живых.

Лоуэнтинту потребовалось около минуты, чтобы осознать услышанное, но все же до нее дошло.

— Печально.

— Для него — уж точно, — кивнула Корбейн.

— Подумайте о сказанном мной, архиепископ, — сказала Лоуэнтинту. — Должно случиться

многое, и церковь сыграет в этом немалую роль. Но какой станет эта роль, каким станет будущее церкви, зависит от вас. Импето скоро выступит со своим обращением. И когда этот день наступит, время на размышления истечет.

«Что ж, — подумала Корбейн, когда Лоуэнтинту ушла, — все получилось почти в точности так, как говорила Грейланд».

— Скоро к вам придут, — сказала Грейланд, когда Корбейн явилась к ней обсудить случившееся с Тераном Ассаном. Они немного поговорили о кончине Ассана и последствиях этого для деятельности исполнительного комитета, а затем Корбейн рассказала о своей беседе с Ассаном по поводу предстоящего выступления импето — беседе, которая привела к ее встрече с епископами.

Грейланд лишь молча кивала, а затем произнесла свое загадочное пророчество.

— Кто? — спросила Корбейн.

— Не хотелось бы рассуждать о заговоре, но ведь лорд Теран только что погиб, пытаясь спасти Надаше Нохамапитан. Естественно, графиня Нохамапитан станет отрицать, что она или ее дом имеют отношение к этому. Но лорд Теран, несмотря на все свои качества, не стал бы делать ничего на свой страх и риск.

— Думаете, это часть более крупного плана?

— Мне кажется, разговорами о своих видениях я лишила покоя немало важных персон, — сказала Грейланд. — Что, впрочем, неудивительно. Видения внушают тревогу и нарушают устоявшийся порядок, чего не желает никто из обладающих властью. Им не понять, что порядок нарушится в любом случае, хотят они этого или нет. Мои видения нарушают существующий порядок, чтобы предотвратить хаос. Но для власть имущих в этом нет никакой пользы, и они замышляют нечто, что позволит им, как они надеются, сохранить знакомый им порядок.

— И что же они замышляют?

— Полагаю, вы и сами прекрасно знаете, — улыбнулась Грейланд.

— Переворот?

— Или что-то похожее, — кивнула Грейланд. — В любом случае не топорную попытку убийства вроде той, что предприняла Надаше. Нечто более масштабное, изящное и неотразимое. Конечно, для этого им понадобитесь вы — вы и церковь. И они явятся к вам, чтобы узнать ваше мнение.

— И вы хотите, чтобы после этого я рассказала вам, кто ко мне приходил? — предположила Корбейн.

К ее удивлению, Грейланд лишь пожала плечами:

— Допустим, вы сообщите мне имя того, кто явился к вам, — и что дальше? Придется либо собирать о нем информацию, либо просто его арестовать. Заверяю вас, Хайберт Лимбар уже собирает информацию обо всем и обо всех, включая вас и меня, — такова его работа. Если я прикажу арестовать этого человека, задержан будет только один. Остальные затаятся, заметут все следы, как это уже случилось после смерти лорда Терана, и продолжат заниматься тем же, чем занимаются сейчас. Так что я говорю «нет», архиепископ. Вовсе незачем сообщать мне, кто к вам придет. Либо я и так об этом узнаю, либо это не имеет значения.

— Тогда чего вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы подумали, какой вы хотите видеть Взаимозависимую церковь, — улыбнулась Грейланд.

— Не понимаю.

— А мне кажется, понимаете, — ответила Грейланд. — Или поймете, если как следует подумаете.

— Ладно, — с сомнением проговорила Корбейн.

— Я вовсе не пытаюсь говорить загадками! — рассмеялась Грейланд. — Я просто имею в виду, что никто из ваших предшественников за последнюю тысячу лет не оказывался в такой ситуации, поскольку ни один импер не заявлял о своих видениях. Но теперь вам придется решать, сможет ли церковь и дальше мириться с кем-то вроде меня.

— С пророчицей?

— Ну… не знаю, зайду ли я столь далеко, — сказала Грейланд. — Но вообще-то, да.

Корбейн лишь улыбнулась в ответ.

— Если сможет, вы будете знать, что делать, когда вас попросят сохранять лояльность. Если нет, полагаю, вы тоже будете знать, что делать. Так или иначе, приношу свои извинения.

— За что?

— За то, что оказалась для вас настоящим шилом в заднице, — ответила Грейланд. — Возможно, вам было бы намного проще, если бы я просто придерживалась сценария. Извините.

— Извинения приняты, — сказала Корбейн, а затем у нее вырвалось: — Знаете, а ведь к вам тоже придут в любом случае.

Грейланд тогда в очередной раз улыбнулась; и, вспомнив тот момент, Корбейн поняла, почему

она думала о скульптуре Притофа: у Рахелы была в точности такая же улыбка, как у Грейланд.

Глава 16

— Какого рода корабль мне искать? — спросила капитан Лауре.

— Наподобие нашего, — ответил Марс. — Только больше.

— Да уж, это сильно сужает область поиска, — усмехнулась Лауре.

— Даласисланцы говорили, что у того корабля не было кольца, — сказал Марс. — Так что он не похож на «пятерку» или «десятку». Вероятно, на нем применялась технология пресс-полей для имитации силы тяжести, как и на «Брансиде». Но он был больше нашего. По легенде, его команда составляла от двухсот до двухсот пятидесяти человек.

— Итак, подытожим, — кивнула Лауре. — Мы ищем мифический корабль, который появился триста лет назад, без кольца, достаточно большой, чтобы вместить две сотни человек.

— Он вовсе не мифический, — возразил Марс.

— Но очень похож на мифический.

— Доктор Гитсен взяла у нескольких дала-

сисланцев генетический материал, — сказал Марс. — Знаете, что она обнаружила?

— Близкородственное скрещивание?

— Нет, — ответил Марс. — Хотя, в общем… да. Но не в такой степени, как можно было бы подумать.

— Это радует, — заметила Лауре.

— Гитсен обнаружила компонент, который не сообразуется с историческими данными о генетике даласисланцев и не вполне соответствует ДНК людей из Взаимозависимости.

— И что это значит?

— Это значит, что по прошествии тысячи с лишним лет люди Взаимозависимости достаточно сильно отличаются от людей Земли, разница заметна. У нас есть надежные методы, позволяющие определить происхождение любого человека. Так вот, по большей части эти люди происходят не отсюда и вообще не из Взаимозависимости.

— Не хочу показаться жестокой, но вы видели тех людей? — спросила Лауре. — Последние сто лет, если не больше, они провели в корабле, не слишком защищавшем от космического излучения. Их ДНК, вероятно, изуродована до предела.

— Гитсен это учла, — кивнул Марс. — И тем не

менее у них есть чужие гены.

— Звучит просто чудовищно.

— Это не так уж чудовищно, но крайне важно. Здесь побывал кто-то еще, капитан, — много времени спустя после того, как разрушилось течение Потока из Взаимозависимости, и задолго до того, как прилетели мы. Даласисланцы говорят, что корабль все еще где-то тут.

— Скорее всего, давно уже разобран на запчасти.

— Похоже, это не так-то просто, — покачал головой Марс. — В любом случае они заявляют: то, что есть на корабле, не годится для их кораблей или поселений. И это тоже кое о чем говорит.

— И все же мне кажется, будто вы требуете от меня гоняться за призраком, — с сомнением проговорила Лауре.

— Вы же заносите в каталог каждый искусственный объект в окрестностях, — сказал Марс. — Если обнаружите объект, хотя бы смутно напоминающий тот, который описывают даласисланцы, сообщите мне. Больше я ни о чем не прошу. Прошло больше тысячи лет с тех пор, как мы встречали следы человеческой цивилизации вне пределов Взаимозависимости. Думаю, стоит поинтересоваться.

— Посмотрим, — кивнула Лауре. — Только не рассчитывайте на чудо. И не беспокойте меня лишний раз.

— Договорились, — ответил Марс.

— И еще, на другую тему: насколько я знаю, вы привели на экскурсию одного из даласисланцев?

— Да, это Чуч, их капитан, — сказал Марс. — Спасибо, что разрешили.

— Мне казалось, мы опасались заразить их своими микробами?

— Он был в своем скафандре, который стерилизовали, перед тем как он поднялся на борт.

— Его скафандру восемьсот лет.

— Он утверждает, что скафандр — от тех, кто присоединился к ним позже.

— Что, в самом деле?

— Нет, — ответил Марс. — Это стандартный скафандр Взаимозависимости, изготовленный незадолго до коллапса.

— Ему понравилась экскурсия?

— Она его утомила, поскольку он не привык к полной силе тяжести. Основное время визита он провел в кресле. Сказал, что было интересно увидеть корабль, у которого все внутренности находятся на своих местах. И до сих пор расспрашивал бы ваших инженеров, если бы мы

не напомнили, что у него скоро закончится кислород.

— А он понимал, что ему говорили?

— Да, капитан. По большей части. Вероятно, даже больше, чем я сам. Даласисланцы в самом деле невероятно умны — иначе они не смогли бы так долго выживать.

— Все твердят мне об этом, — заметила Лауре. — И все равно они напоминают маленьких гоблинов.

— Она не так уж не права, — сказала позднее Марсу Ройнольд за обедом. — Меня они вообще пугают до чертиков.

— Ты же не любишь людей, — напомнил Марс. — Сама говорила.

— Верно, но эти еще хуже.

— Это предрассудки.

— Знаю, — кивнула Ройнольд. — Поэтому предпочитаю держаться от них подальше.

— Как насчет того, другого, о чем мы с тобой говорили? — спросил Марс.

— Насчет идеи, что к Даласисле открылось новое течение Потока откуда-то еще? — Ройнольд пожала плечами. — Вполне возможно. Из-за особенностей многомерной топографии во Взаимозависимости на порядок больше течений

Потока, чем где-либо в локальном космосе. Но они вполне могут существовать не только в нашем локальном космосе или начинаться где-нибудь еще, а заканчиваться во Взаимозависимости. Именно так сюда попали люди.

— Меня интересует, нашла ли ты доказательства этого.

— Пока нет, но все может измениться, — ответила Ройнольд. — Я отправила зонд, который получает данные о местной топографии, и ввожу их в наши последние математические модели, но пока не вижу ничего, кроме существующих течений. Узна́ю больше, когда получу больше данных. Собственно, этим я и занимаюсь, пока ты где-то шляешься.

— И вовсе я не шляюсь, — возразил Марс.

— Называй это как хочешь. Суть в том, что ты почти не занимаешься исследованиями физики Потока и пока что они висят на мне. Хочу, чтобы это было отмечено в будущей публикации.

— Не возражаю.

— Сразу видно, что ты теперь далек от научного сообщества. Если бы оставался профессором, завопил бы, что должен быть основным автором.

— Сколько еще данных нам потребуется, прежде чем мы, возможно, найдем признаки

существования других течений, ведущих сюда?

— Трудно сказать. Многое будет зависеть от того, насколько стары входящие и исходящие течения. Впрочем, ничего удивительного. Наша модель не слишком хорошо предсказывает отдельные течения, отстоящие во времени больше чем на два десятка лет. Даже предсказанный нами массовый сдвиг течений определяется с точностью в пару тысяч лет.

— Вот он-то меня и беспокоит, — сказал Марс.

— Нас тогда уже не будет, так что я уж точно не потеряю из-за него покой и сон.

— Интересная жизненная философия.

— Не очень, — ответила Ройнольд. — Слушай, если найдешь тот корабль, попробуй точно выяснить, откуда он и когда появился в локальном космосе. Если у нас будут все эти данные, возможно, удастся сделать обратную экстраполяцию и построить модель.

— Если мы будем знать, откуда он, модель не нужна, — заметил Марс. — Зачем, если уже известно, откуда он?

— Если у нас будет модель, мы сможем предсказать, вернется ли в ближайшее время данное течение Потока.

— Какая разница? — пожал плечами Марс. —

Течение Потока, идущее отсюда, разрушится через два месяца. Что толку?

— Не для нас, болван, — сказала Ройнольд. — Для гоблинов.

— Даласисланцев?

— Да, для них. Может, им захочется покончить с беспросветной жизнью. Если только ты не считаешь, что вам удастся отремонтировать их корабль, прежде чем разрушится течение Потока до Взаимозависимости.

— Мы проверили их двигательную систему, — сказал коммандер Вайно Джанн, главный инженер «Брансида», когда Марс пришел к нему за новостями. — Восстановлению она не поддается — по крайней мере, с теми средствами, что есть под рукой у нас всех, и за оставшееся время.

— А если ограбить близлежащие поселения? — спросил Марс.

— Какой смысл? — возразил Джанн. — Достаточно посмотреть на схемы. В поселениях нет ни двигателей, ни навигационных систем, которые хоть отдаленно напоминали бы корабельные. Их задача — поддерживать скорость вращения и постоянное положение на орбите, а не помогать разгоняться на пути к отмелям Потока или путешествовать к планетам. Прежде чем вы спросите,

мы уже проверили близлежащие корабли. Эти ребята полностью их опустошили.

— Значит, они обречены? — спросил Марс.

— Они были уже обречены, когда мы прилетели, — ответил Джанн. — По крайней мере, мы выиграли для них немного времени. Мы помогаем им восстановить системы жизнеобеспечения и энергоснабжения — выходит примитивно, но все же это лучше, чем было. И я почти уверен, что мы сумеем до отлета привести в движение их кольцо: они смогут выращивать еду. Насколько я знаю, мы сейчас режем все свежие фрукты, которые привезли с собой, чтобы снабдить их семенами. Еще они получат картофель, турнепс и прочие корнеплоды.

— Мы нарушаем законы Взаимозависимости, — сказал Марс, вспомнив свою подругу и бывшую любовницу Киву Лагос, которая, вероятно, содрала бы живьем шкуру с любого, кто раздавал бы семена цитрусовых, ничего не платя ее дому.

— Как мне кажется, если у кого-то есть проблемы с этим, пусть сами прилетают и разбираются, — ответил Джанн. — Только побыстрее.

— Как насчет того, чтобы забрать их с собой? — спросил Марс у капитана Лауре после разговора с Джанном.

— Даласисланцев?

— Естественно.

— Где мы их разместим, лорд Марс?

— Можно и потесниться, — ответил Марс.

— Не выйдет, — покачала головой Лауре. — На этом корабле пятьдесят человек команды плюс десяток морпехов с вашей научной группой. Вы наверняка уже заметили, что ваша каюта по размерам не больше чулана для швабр. С сожалением сообщаю, что моя немногим больше. Каждый квадратный сантиметр, не выделенный под спальные места, занят чем-то другим. Сколько там этих даласисланцев?

— Почти две сотни.

— Снова задаю тот же вопрос: где мы их разместим? У нас на корабле в буквальном смысле слова нет места для них.

— Есть грузовой трюм.

— Да, — кивнула Лауре. — Может, и получится, если они будут стоять. Кстати, еще одна существенная проблема, лорд Марс: даласисланцы никогда не подвергались воздействию полной силы тяжести. К чему они там привыкли — к одной трети «же»?

— Да, такова сила тяжести в их жилых помещениях.

— Значит, их вес будет втрое больше привычного им.

— Можно ослабить силу наших пресс-полей.

— Все это прекрасно, пока они не окажутся во Взаимозависимости. Не знаю ни одного поселения, где постоянно поддерживалась бы сила тяжести в одну треть «же». Жизнь на Ядре будет означать для них примерно то же самое, что для вас или меня жизнь на газовом гиганте. Даже если бы мне удалось запихнуть их в трюм и доставить домой при силе пресс-полей в одну треть «же», как вы предлагаете их изолировать, чтобы они не подхватили от нас смертельную для них заразу, и наоборот? Вентиляционная система трюма соединена с остальным кораблем, мы отключаем ее лишь тогда, когда выпускаем из трюма воздух для стерилизации. Боюсь, лорд Марс, что если в начале у нас будет две сотни беженцев, то под конец окажется намного меньше.

— Если они останутся здесь, они умрут, — сказал Марс.

— Нет, — возразила Лауре. — Они умрут, если останутся здесь на своем поврежденном корабле. Возможно, нам удастся им помочь.

— Не понимаю.

— Я предвидела этот разговор, лорд Марс, —

улыбнулась Лауре, — как и ваши возражения. Думаю, вам интересно будет узнать, что я уже отправила курьерский дрон адмиралу Эмбладу с секретным сообщением, в котором описываются проблемы даласисланцев. У имперского флота есть несколько недавно списанных кораблей, в том числе как минимум одна «пятерка». С ними все в порядке, просто они устарели. Но устарели намного меньше корабля, на котором путешествуют капитан Чуч и его команда. Флот вполне может заинтересоваться этой возможностью, так как избавится от расходов по разборке кораблей на металл. Особенно если вы, сэр, намекнете об этом вашей приятельнице — импе-ро.

— Отличная идея. — Марс прикинул кое-что в уме. — Но если кто-то рассчитывает вернуться назад, времени у него совсем мало.

— Капитаны не любят об этом говорить, но в полете к отмели Потока и от нее корабль может полностью управляться компьютером и даже следовать без команды.

— Понял.

— Только никому не говорите. Иначе мне придется вышвырнуть вас из шлюза, сэр.

— Ваша тайна умрет вместе со мной.

— Рада слышать. Вы были крайне любезны со

мной, лорд Марс, и я скажу вам: очень хорошо, что вы ко мне пришли, поскольку теперь мне не придется искать вас. У меня для вас новости.

— Какие?

— Тот ваш корабль, — похоже, мы его нашли. Чертовски далеко отсюда.

— Снова корабль и снова шлюз, — сказал рядовой первого класса Геймис, открывая своим инструментом шлюз загадочного корабля. Марс, Геннети Хэнтон и сержант Шеррил вплыли внутрь, и Геймис запер за ними внешний люк. Затем он открыл внутренний люк, не меньше других удивляясь ворвавшемуся в шлюз воздуху.

— Тут до сих пор осталась атмосфера, — сказала Шеррил.

— Хотите снять шлем, сержант? — спросил Геймис.

— Не советовал бы, — заметил Хэнтон. — Разве что вам нравится дышать воздухом при температуре в двести семьдесят градусов ниже нуля.

— Идем, — сказал Марс и повел группу прочь от шлюза, топая магнитными подошвами.

— Странно, — проговорила Шеррил, пока они шагали вдоль корабля. — Все переборки открыты. Ни одна не загерметизирована.

— И никого нет, — добавил Геймис. — Ни еди-

ного замерзшего трупа.

— Капитан Чуч говорил, что команда этого корабля присоединилась к выжившим с Даласислы, — сказал Марс. — Никакой катастрофы. Вероятно, корабль просто остался на орбите.

— Чертовски далеко от Даласислы, — заметил Хэнтон. Корабль находился в орбитальной точке Лагранжа относительно Далвика, самого большого спутника Даласислы-Прайм. Команда «Брансида» заметила корабль лишь через несколько часов после того, как Далвик появился из-за обратной стороны планеты. Орбита самой Даласислы находилась намного дальше Далвика, чтобы избежать воздействия гравитации крупного спутника и яростного магнитного поля Даласислы-Прайм. Челнок шел сюда шесть часов на максимальной скорости. У группы имелось в распоряжении всего несколько часов до того, как корабль снова нырнет за Даласислу-Прайм.

— Возможно, это не случайность, — предположил Марс.

— Такое впечатление, что они спрятали мостик, как и сам корабль, — пожаловался Геймис. — Было бы проще, если бы мы имели попалубный план.

— Нашла, — послышался впереди голос Шер-

рил.

Геймис что-то неразборчиво проворчал в ответ.

Мостик был маленьким и тесным, в темноте горел лишь один огонек — над тем, что выглядело как рабочая станция навигатора.

— Свет горит, — показал на огонек Хэнтон. — На корабле есть энергия. Столько времени спустя?

— Давайте поищем обогреватель, — сказал Геймис.

Подойдя ближе к рабочей станции, Марс внимательнее пригляделся к маленькому огоньку на пульте. Тот мигнул, заставив Марса отшатнуться, а затем на мостике вспыхнул свет.

— Что за черт? — пробормотала Шеррил, оглядываясь вокруг.

— Что вы сделали? — спросил Хэнтон у Марса.

— Посмотрел на огонек, — ответил Марс.

— Больше так не делайте.

— Думаю, совет запоздал.

Вдали послышалось гудение пробуждающегося корабля. Марс ощутил, как что-то давит ему на плечи: включилось пресс-поле или нечто в этом роде, имитируя полную силу тяжести.

— Ладно. Официально заявляю, что это перестает мне нравиться, — сказал Геймис и повернулся,

собираясь уйти с мостика.

В дверях кто-то стоял.

Вскрикнув, Геймис поднял оружие. Шеррил последовала его примеру.

Человек в дверях поднял руку, словно говоря: «Пожалуйста, не надо».

— Погодите, — сказал Марс.

Геймис и Шеррил не двинулись с места. Марс подошел к стоящему в дверях человеку, который наблюдал за ними все в той же позе.

Остановившись перед незнакомцем, Марс дотронулся до его руки. Палец прошел сквозь руку, словно ее там не было.

Ибо там не было и человека.

— Геймис, если бы ты в него выстрелил, то просто проделал бы дыру в стене, — сказал Марс.

— Это что, проекция? — спросил Геймис.

— Или она, или призрак.

— Здóрово, — проговорила Шеррил. — Чей?

Марс снова взглянул на изображение в дверях:

— Хороший вопрос.

— Ваш акцент и грамматика кажутся мне странными, но, думаю, теперь я вас понимаю, — произнес призрак, акцент которого казался не менее странным самому Марсу. — Вы говорите как даласисланцы, но все-таки чуть иначе.

— Я говорю на стандартном, — ответил Марс.

— Стандартном? Ну да. — Призрак слегка наклонил голову. — Вы из Взаимозависимости? Кроме даласисланцев, я никого больше оттуда не встречал. Буду рад знакомству.

— Я из Взаимозависимости, — кивнул Марс. — Как и все мы.

— Чудесно.

— Я лорд Марс Клермонт, с Края.

— Настоящий лорд? — переспросил призрак. — Какая неожиданность. А те двое, что все еще целятся в меня из оружия, хотя от этого нет никакого толку?

— Сержант Шеррил и рядовой первого класса Геймис. — Марс дал им знак опустить оружие. Оба с неохотой подчинились. — А это Геннети Хэнтон, специалист по компьютерам.

— По крайней мере, считал себя таковым, — сказал Хэнтон. — Пока не увидел вас.

— Вы полагаете, что я компьютерная проекция, а не привидение, господин Хэнтон?

— Доктор Хэнтон.

— Прошу прощения, доктор Хэнтон.

— А что, не так?

— Если быть совсем точным, я и то и другое, — ответил призрак.

— Так кто же вы такой? — спросил Марс.

— Меня зовут Тома́. Тома Рено Шенвер. Или звали так, когда я умер, — сейчас я думаю, что это случилось триста с лишним лет назад. Боже мой! Я был владельцем «Оверни», корабля, на котором вы сейчас находитесь. А теперь можно сказать, что я и есть «Овернь». Как я стал кораблем после того, как побыл человеком, — долгая история, которую, пожалуй, стоит оставить на потом. Но я все равно предпочитаю, чтобы меня называли «Тома», если вы не против. Или, если угодно, «месье Шенвер».

— Рад познакомиться, месье Шенвер, — сказал Марс.

— И я, лорд Марс. Или лорд Клермонт?

— Лорд Марс. Граф Клермонт — мой отец.

— Граф? В самом деле?

— Все это очень странно, — заметил Хэнтон.

— И впрямь странно, — кивнул Шенвер, обращаясь к Марсу. — Я погрузился в сон, предполагая, что никогда больше не проснусь. Корабль пребывал во сне три столетия, если не считать минимально необходимых технических процессов. И вот, оказывается, я пробудился — и у меня гости. Не могли бы вы рассказать, зачем вы здесь?

— Мне стало любопытно, что это за корабль, — ответил Марс.

— Что именно вызвало ваше любопытство?

— Для начала меня заинтересовало, откуда он.

— Ответ на этот вопрос достаточно прост. Он с Понтье.

— Где это? На Земле?

— Нет, лорд Марс, — улыбнулся Шенвер. — С Земли теперь ничего не приходит и не может прийти. Разве не так?

Прежде чем Марс успел ответить, в ухе у него звякнуло: сообщение от капитана Лауре, в записи, поскольку «Брансид» находился от них на расстоянии в несколько световых секунд.

«У нас проблема, — говорилось в нем. — Через отмель Потока прошел еще один корабль. Он обнаружил нас и движется в нашу сторону. Наши попытки с ним связаться ни к чему не привели. Мы предполагаем, что у него враждебные намерения».

— Все слышат? — спросил Геймис. Сообщение было послано всей группе. Шеррил жестом дала ему знак замолчать.

«Не возвращайтесь на „Брансид“, — продолжала Лауре. — Если они настроены враждебно, ваш челнок станет легкой мишенью. Мы запускаем

двигатели и уходим от корабля даласисланцев, чтобы отвлечь противника. Доктор Сив и Лайтон остаются с даласисланцами. Если это необходимо и возможно, „Брансид“ вернется через отмель Потока на Ядро. В этом случае направляйтесь к кораблю даласисланцев и укройтесь там. Мы организуем ваше спасение. Не отвечайте. Полное молчание в эфире до особого распоряжения. Удачи».

На этом сообщение заканчивалось.

— «Брансид» может защитить себя? — спросил Марс у Шеррил.

— В свое время «Брансид» был флотским перехватчиком, — ответила та. — Но сейчас это курьерский корабль и боевого оружия на нем нет. Только оборонительное.

— Если это вражеский корабль, «Брансид» станет легкой мишенью, — заметил Хэнтон.

— Капитан Лауре будет драться насмерть, — сказала Шеррил.

— Вообще-то, я спрашивал не об этом.

— Ваш корабль атакуют? — спросил у Марса наблюдавший за разговором Шенвер.

— Пока нет, — ответил Марс. — Но вполне возможно.

— Но не даласисланцы?

— Нет. — Марс вдруг сообразил, что проспавший триста лет Шенвер может быть не в курсе текущих событий.

— Тогда кто?

— Пока неизвестно.

— Сожалею, но вряд ли смогу чем-то помочь, — сказал Шенвер. — Система жизнеобеспечения и искусственная гравитация работают на накопленной энергии батарей. На корабле скоро станет достаточно тепло для вас. Но чтобы вновь запустить двигатели, потребуется несколько часов.

— Может, нужна помощь от нас?

— Спасибо, но помощь не нужна. Машинное отделение этого корабля полностью автоматизировано. Так было еще до того, как я сам стал кораблем. Вы только помешаете.

— Корабль скоро скроется за Даласислой-Прайм, — заметил Хэнтон. — Мы в любом случае будем отрезаны от «Брансида».

— Если с «Брансидом» что-то случится, нам конец, — сказал Геймис.

— Можете остаться здесь, — предложил Шенвер.

— Великолепно, — язвительно бросил Геймис. — Бутерброды у вас найдутся?

— Спокойно, рядовой, — сказала Шеррил.

Геймис заткнулся, и Шеррил посмотрела на Марса. — На самом деле он не так уж не прав.

Марс кивнул:

— Какие припасы есть на челноке?

— Питательных батончиков хватит дней на пять, в расчете на каждого. Воды, вероятно, дня на три.

— У меня есть вода, — сказал Шенвер.

— Зато нет еды, — заметил Марс.

— Увы, нет. Даже если бы была, вряд ли вы бы захотели попробовать ее спустя триста лет.

— Значит, воды достаточно, но еды все равно на пять дней, — подытожила Шеррил.

— Нас могли бы прокормить даласисланцы, — предположил Марс.

— Они едва могут прокормиться сами, сэр. Не говоря уже о том, что мы не можем снять скафандры без риска занести заразу.

— Что случилось с даласисланцами? — спросил Шенвер.

Марс ответил не сразу, пытаясь сообразить, что и как рассказать ему о даласисланцах.

— Сложный вопрос, — наконец ответил он. — Но последние триста лет были для них, мягко говоря, нелегкими.

— О господи! — проговорил Шенвер.

— Вы уверены, что двигатели снова запустятся? — спросил Марс.

— Должны, — ответил Шенвер. — Я спал, но «Овернь» регулярно проверяла работоспособность своих систем и процессов. Могу точно сказать, что все системы корабля полностью исправны.

— Как насчет оружия? — спросила Шеррил.

— Это не военный корабль, — сказал Шенвер. — На нем нет ни ракет, ни орудий, да и не факт, что от них была бы польза три века спустя. Но перед тем как покинуть Понтье, я установил комплекс лучевого оружия. На это имелись свои причины.

— Какие? — спросил Геймис.

— Скажем так: я предполагал, что мне придется бежать с Понтье внезапно и что меня будут преследовать. Причем преследователи, возможно, предпочли бы разнести меня в клочья, если бы не смогли поймать.

— Вы что, преступник?

— Смотря с чьей точки зрения, рядовой Геймис, — ответил Шенвер. — Правда, все, кого можно было бы об этом спросить, давно мертвы.

— Это ваше лучевое оружие, оно работает? — спросила Шеррил.

— Должно заработать, как только запустятся

двигатели. Естественно, оружие никак с ними не связано, оно лишь получает от них энергию.

— Думаете, нам следует пуститься в погоню за тем кораблем? — спросил Марс у Шеррил.

— Будь «Овернь» моим кораблем, я бы так и поступила, — ответила та. — Но это не мой корабль.

Все повернулись к Шенверу.

— Все так внезапно, — заметил тот. — Проведя во сне триста лет, я просыпаюсь и обнаруживаю на моем корабле четырех незнакомцев, и не проходит пятнадцати минут, как меня спрашивают, готов ли я ринуться ради них в бой. Одно дело — предложить временное убежище, но тут совсем другое.

— Значит, ваш ответ — «нет»? — спросила Шеррил.

— Скорее: «я подумаю». — Шенвер повернулся к Марсу. — До запуска двигателей остается по крайней мере шесть часов, лорд Марс. Предлагаю пока что ввести меня в курс текущих событий.

— Их не так уж мало, — сказал Марс.

Шенвер кивнул:

— Хватит того, что случилось за последние три столетия.

Глава 17

Надаше не видела мать в таком состоянии уже много лет. Отчасти виной тому стала расквашенная физиономия Тинды Лоуэнтинту, хотя здоровье несчастной волновало графиню куда меньше, чем явный намек Кивы Лагос на то, что графине Нохамапитан хорошо бы свалить на хрен с планеты — и чем быстрее, тем лучше. Графиня и в самом деле свалила с планеты, вне себя от ярости, и вернулась на «Вините».

Но это выглядело мелочью. Куда существеннее было то, что на «Вините» намеревались прибыть с тайным визитом Джейсин и Деран Ву, чтобы встретиться с Надаше и обсудить с графиней все детали захватывающего заговора, который только начинал зарождаться. При слове «захватывающего» Надаше язвительно усмехнулась про себя: ничего захватывающего она в этом пока не видела. Собственно, единственная ее роль в заговоре с целью свержения Грейланд Второй заключалась в том, чтобы выйти замуж.

У Надаше это не вызывало ничего, кроме зло-

сти. Замужество не было проблемой, при условии, что она стала бы полноправным участником заговора, — именно так было с кронпринцем Реннередом Ву. Надаше прекрасно понимала, на что идет, и активно в этом участвовала. Она обихаживала Реннереда, дав ему возможность считать, будто это он обихаживает ее, очаровывала и развлекала его, трахалась с ним и старалась во всем ему соответствовать. Реннеред вполне мог полагать, будто их будущий брак — нечто большее, нежели заключенный по расчету политический союз.

В итоге Надаше пришлось бы носить маску всю оставшуюся жизнь (или, по крайней мере, всю оставшуюся жизнь Реннереда), изображая нечто похожее на любовь к мужчине. И Надаше была готова — в обмен на все, что получали она сама и дом Нохамапитан. И потом, она вовсе не питала ненависти к Реннереду. Тот не отличался серьезностью и особым умом и именно поэтому так нравился Амиту, поскольку оба были одного поля ягоды. Зачастую он думал не головой, а совсем другим местом, и Надаше пришлось бы что-то придумать, ведь совсем лишить потенциального супруга этих удовольствий она не могла. Но он вовсе не был жестоким и не внушал ужа-

са. Он прекрасно знал, когда следует вести себя почтительно, будучи любящим мужем, а когда предаваться страсти, и Надаше вполне могла бы с ним справиться, добившись от него полного послушания.

А потом в один прекрасный день от послушания и любви не осталось и следа, и он собрался отменить уже объявленную помолвку. Надаше грозило серьезное унижение, которое она могла пережить, — хуже всего, что престиж дома Нохамапитан сильно упал бы. Остальные дома вели дела с Нохамапитанами, имея в виду, что через поколение на трон сядет один из них. Разумеется, он носил бы фамилию Ву, но никто не сомневался, что стоит Надаше стать женой импето, как делами начнут ворочать Нохамапитаны. И все вели себя соответственно.

Но если бы Надаше отвергли, все полетело бы в пропасть, а затем за корону принялись бы отчаянно сражаться другие дома. Браки импето почти всегда были политическими союзами в том или ином смысле. Если к этому примешивалась любовь, еще лучше: к примеру, Аттавио Шестой души не чаял в своей супруге Гленне Косту, на которой женился из-за того, что дом Косту спас его мать, печально известную Зетиан Третью,

от последствий разорительных инвестиций, которые могли бы вымести все средства с личных счетов импер о. Но в империи, столь агрессивно отстаивавшей династический принцип, какой-нибудь дом мог подняться наверх, лишь выдав одного из своих за члена дома Ву. Любой брак носил политический характер. И если бы Надаше вышвырнули с политической арены, та же судьба ждала бы и дом Нохамапитан.

Проблема решилась сама собой, когда Реннерет врезался на гоночной машине в стену, не успев официально объявить, что после помолвки с Надаше не намерен делать дальнейших шагов. На трон взошла робкая и безразличная ко всему Кардения Ву-Патрик; судя по тому, что было о ней известно, у Надаше почти не сохранялось шансов на супружество с импер о. Но дом Нохамапитан все равно оставался первым в очереди на заключение династического брака.

Надаше впечатляло то, насколько ловко ее мать подстроила убийство. Безупречная работа: даже те, у кого были сомнения, — вся имперская гвардия и все Министерство расследований — не сумели обнаружить в обломках машины ничего подозрительного. Графиня не говорила Надаше, что именно она собирается сделать, каким обра-

зом и когда. Собственно, графини в тот момент даже не было в системе.

Когда погиб Реннеред, Надаше испытала большее потрясение и ужас, чем все остальные, — это продолжалось минут пять. Затем ей стало интересно, как все было проделано. Ей хватало ума не намекать матери — вплоть до недавнего времени, — что она знает имя виновника. И сказала она об этом графине лишь по единственной причине: Надаше полагала, что ее саму ждет смерть и она ничего не теряет.

И мать лишь ответила: «Конечно, это сделала я. Иначе и быть не могло».

Но с того момента, когда Надаше нацелилась на Реннереда Ву, и вплоть до того момента, когда его расплющило о стену, она являлась полноправной участницей событий. Цель была проста — стать его женой. Но это была ее собственная цель.

На этот же раз ее попросту предлагали другому.

— Стой прямее, — сказала графиня дочери, пока они ждали посетителей.

— Прямее некуда, — возразила Надаше.

— А мне кажется, ты сутулишься.

— Какая разница, мама? Меня и так уже купили и продали.

— Да, — кивнула графиня. — Но пока не забрали с собой. Тебя еще могут вернуть. Такое случалось раньше. Стой прямее.

Вздохнув, Надаше чуть сильнее распрямила спину. Графиня удовлетворилась этим и вновь уставилась на дверь.

Разница в возрасте между Джейсином и Дераном Ву составляла около пяти лет, но Надаше решила, что, если глядеть на них обоих, ничего при этом не зная, можно смело накинуть еще пять. Джейсин, на десять с лишним лет старше Надаше, был крупного телосложения, но не особо мускулистым, с рыхлым, словно тесто, лицом и торчащими во все стороны волосами. В его взгляде чувствовался ум, но не любопытство. Надаше он показался консерватором, которому была свойственна не столько полезная осмотрительность, сколько практичность и взвешенность. Он просто хотел, чтобы все происходило так, как нужно ему и как повелось издавна. Надаше подозревала, что в постели он окажется бревном.

В меру ухоженная прическа Дерана выглядела просто великолепно. Костюм идеально сидел на нем, и сам он идеально вписывался в костюм. Взгляд его выражал не только ум, но и заинтересованность, внимательно обследуя помещение

и каждую его деталь, включая саму Надаше и ее мать. В каждом его шаге ощущалась энергия. Он тоже выглядел консерватором, но это был не консерватизм в духе «так уж повелось», а что-то большее. Надаше не сомневалась, что Деран способен добиваться одного и того же результата многими способами, и всегда получит свое, оказавшись наверху. В постели, как подозревала Надаше, он постарался бы удовлетворить ее по максимуму, а затем в полной мере получил бы свою долю удовольствия, и ничто не помешало бы ему в этом.

«Вот только мне, скорее всего, придется оставаться бревном», — подумала Надаше.

Графиня приветствовала Дерана тепло, но достаточно официально, зато Джейсин удостоился горячих словоизлияний. Любому стало бы ясно, кого из двоих графиня считает более важной персоной. Дерана это, похоже, лишь забавляло.

— Джейсин, это моя дочь Надаше, — сказала графиня.

Надаше подошла с протянутой рукой, и Джейсин пожал ее весьма по-деловому.

— Мое почтение, леди Надаше, — ответил он.

— Рада с вами познакомиться, лорд Джейсин, — кивнула Надаше.

— Мне… гм… хотелось бы перед вами извиниться, леди Надаше, — сказал Джейсин.

— За что, сэр?

— Когда вы были в тюрьме, одна из моих коллег…

— Ах да, как же! Убийца с ложкой.

— Если так подумать, не лучшее мое решение.

— Лорд Джейсин, вы считали, что поступаете в высших интересах вашего дома, — сказала Надаше. — Как и сейчас. Уважаю ваши чувства, хотя, надо сказать, я благодарна вам за то, что ваш агент оказалась не настолько опытной, как вы, возможно, надеялись.

— В любом случае приношу свои извинения.

— Дорогой мой Джейсин, — ответила Надаше, опустив титул «лорд», чтобы создать видимость более близких отношений, — если одному из нас предстоит стать импер, а другому — его супругой, первым делом придется забыть о разных мелочах из прошлого. Извиняться не за что. Нужно думать о том, чего мы можем добиться, двигаясь дальше.

— Что ж, ладно, — улыбнулся Джейсин и снова переключил внимание на графиню Нохамапитан. Надаше, которая постаралась придать своим словам теплоту с легким намеком на близость,

слегка удивилась: все ее усилия пошли прахом. Повернувшись к Дерану, она увидела на его лице чуть заметную усмешку. По крайней мере, он понял ее намерения и догадался, что они остались незамеченными.

И действительно, когда все четверо сели и начали обсуждать детали заговора, окончательно стало ясно, что Джейсина интересуют исключительно деловые вопросы, в данном случае — планы графини Нохамапитан, которые она излагала во всех подробностях. Джейсин слушал и высказывал убедительные, хотя и не слишком существенные замечания, и через десять минут стало понятно, что для этого плана не нужны ни Надаше, ни Деран. Время от времени она или Деран вставляли замечание или предлагали идею; графиня и Джейсин лишь кивали в ответ и продолжали обсуждать свои планы. Примерно через полчаса Надаше захотелось выпить, и Деран последовал за ней к бару.

— Похоже, вы чувствуете себя столь же полезной, как и я.

— «Полезной»? Интересное вы слово выбрали. — Она налила себе виски.

— Ну не знаю… — Деран бросил взгляд на графиню и Джейсина, полностью сосредоточившихся

друг на друге. — Думаю, будет неплохо, если случится переворот, а мы придем на все готовое, чтобы пожать его плоды.

— Если вообще получится. — Надаше взяла второй бокал, налила в него виски и протянула Дерану.

— Спасибо, — кивнул он, поднимая бокал. — За то, чтобы все получилось.

— Аминь. — Надаше посмотрела на него, сделала глоток из бокала и, приняв внезапное решение, обратилась к матери: — Деран хотел бы осмотреть корабль. Устрою ему экскурсию.

— Да, хорошо, — кивнула графиня и вернулась к беседе с Джейсином.

Деран сказал Надаше:

— Я что, хочу осмотреть корабль?

— Еще как! — улыбнулась Надаше. — Особенно некоторые его части.

— Кстати, спасибо, — сказала Надаше, после того как Деран удовлетворил ее по максимуму, а затем в полной мере получил свою долю удовольствия.

— Не за что, — ответил Деран. — И тебе тоже спасибо.

— Не за это, — заметила Надаше.

— Вот как? Плохо дело.

— На самом деле все было совсем неплохо, — заверила его Надаше. — Я имела в виду то, что ты не дал прирезать меня ложкой в тюрьме.

— Ах вот ты о чем! — усмехнулся Деран. — Ничего особенного. Твоя спасительница раньше служила в охране нашего дома. После развода с мужем увлеклась наркотой, пытаясь забыться, и в итоге основательно подпортила себе жизнь. Пребывание в тюрьме помогло ей излечиться и вернуться в прежнюю форму, — если честно, для нее это был лучший вариант. И она с радостью взялась выполнить мое поручение, почувствовав, что снова кому-то нужна.

— Да уж, ту бабу она знатно пришила зубной щеткой. Наверняка ей прибавили несколько лет к сроку.

— Нет, никакой прибавки. Оказалось, что она действовала в рамках самозащиты.

— Имея при себе заостренное орудие для чистки зубов?

— Это тюрьма. Что-то подобное есть у каждого.

— У меня не было.

— И в итоге тебя едва не прирезали ложкой.

— Ясно. Почему ты решил тогда мне помочь?

— Потому что я знал, что Джейсин замышляет тебя убить, и счел, что нашему дому не стоит

обострять отношения с вашим.

— Что, правда?

— Я посчитал, что для нашего дома будет полезнее оказать тебе услугу.

— Что-нибудь еще?

— Еще я подумал, что, возможно, вскоре нам потребуется новый имперо, а ему потребуется супруга — из дома, который был бы крайне благодарен за предоставленный ему второй шанс. Вдобавок ты уже проверена.

— Ты ведь и сейчас меня проверял?

— Думаю, скорее наоборот, но в общем — да.

— Извини. Все-таки я достаточно долго пробыла в тюрьме.

— Поверь мне, извиняться не за что.

— Но ты больше не собираешься становиться имперо и согласишься на меньшее?

— Во-первых, у меня почти не было шансов. Джейсин пассивен и слаб, но в пищевой цепочке он стоит чуть выше меня. В споре за трон мы почти равны, но у него больше влияния. Во-вторых, полный контроль над домом Ву — неплохой утешительный приз, меня он вполне удовлетворит.

— Жаль, — вздохнула Надаше. — К тебе я могла бы привыкнуть.

— Вовсе незачем от меня отказываться, — улыб-

нулся Деран.

— Извини, но ничего не выйдет. У меня могут быть свои игрушки, у Джейсина, если он захочет, свои. Но мы не можем иметь дело с теми, кто представляет для нас угрозу.

— Полагаешь, я опасен для вас?

— Я просто знаю. Именно потому ты получаешь для себя дом Ву. Ты будешь занят делами дома и обороной от разъяренных родственников, которых ты отстранил от власти. Настолько, что в ближайшие тридцать лет не сможешь даже поднять взгляд от своего стола.

— Ты рисуешь не слишком заманчивую перспективу.

— Так и есть. По крайней мере, если сравнить с тем, что ты мог бы иметь, — то есть всем.

Немного помолчав, Деран сел в постели.

— Не вполне понимаю, почему это тебя так волнует, — сказал он. — Джейсин для тебя просто идеален. Он тщеславен, но лишен воображения. Можно указать ему любое направление, и он тут же устремится туда, круша все на своем пути. Разве не такого импреро хочет видеть дом Нохамапитан?

— Не дом, — поправила Надаше, — а моя мамаша. Видел, как она вцепилась в Джейсина? Она

с первого раза распознает тех, кем можно легко управлять.

— А ты не хочешь?

Привстав, Надаше уселась на колени Дерана, обхватила его ногами и, обняв руками за шею, начала играть его в меру ухоженной прической на затылке.

— Может, я хочу того, кого не нужно никуда направлять. Может, я хочу того, кто будет ценить мои предложения, а не только использовать меня в своих планах ради собственной выгоды. Может, я хочу того, кто подарит мне детей, без риска, что они окажутся до невозможности тупыми. Может, я хочу того, кто умеет трахаться и доставит мне массу удовольствия.

Деран снова улыбнулся, и Надаше почувствовала, как он начинает возбуждаться по прошествии столь короткого времени, — она вполне могла бы оценить такое, но только не в эту секунду, когда сама еще толком не раскачалась.

— Может быть, Деран Ву, — продолжала Надаше, — я хочу того, кто в самом деле будет импер о, а не просто орудием для меня и моей семьи. Грейланд во многом ошибается, но она права в том, что все меняется. Нам нужен тот, кто готов к переменам. Грейланд к ним не готова. А взгляни на

Джейсина: могу поспорить, он вообще не желает признавать, что в ближайшее десятилетие все будет другим, что нас ждет полный опасностей хаос. Я могу его подтолкнуть, но неизвестно, как быстро он начнет действовать и как далеко зайдет. Он будет крушить все на своем пути, но до цели так и не доберется. Может, я хочу того, кто достигнет цели с моей помощью, а не под моим давлением.

— «Не под моим давлением» — это не слишком в духе Нохамапитанов, — заметил Деран.

— Готова над этим поработать, — ответила Надаше.

Деран улыбнулся в ответ, и на его лице вдруг промелькнуло нечто человеческое — чувство легкой неуверенности.

— Ты не знаешь меня по-настоящему, — сказал он. — И я не знаю тебя по-настоящему. Ты слишком многого требуешь от совершенно незнакомого человека.

— Меня прочат в жены твоему кузену, которого я знаю еще меньше. В любом случае, Деран, давай внесем ясность. Речь идет о политическом союзе — в чистом виде. По крайней мере, мы знаем друг друга достаточно, чтобы понять это.

— Значит, ты «показала мне корабль», чтобы я

заключил с тобой сделку? — спросил Деран.

— Нет, просто мне нужно было под кого-нибудь лечь, — ответила Надаше. — Но не стану лгать, Деран: экскурсия оказалась неплохой и политическая сделка от этого выглядит еще интереснее.

— Буду считать это комплиментом в свой адрес.

— Само собой, — кивнула Надаше. — Но сейчас скажи: ты принимаешь мое предложение? Если нет — спасибо, что утолил мою жажду. Если да — нам предстоит немало работы.

— Подкоп под твою мать и моего кузена?

— Нет, — ответила Надаше. — Пусть занимаются тем, чем занимались раньше.

Глава 18

Незадолго до того, как «Овернь» скрылась за Даласислой-Прайм, Марс получил шифровку от Хатиды Ройнольд:

> Приближающийся к нам корабль явно имеет недружественные намерения. Мы запустили дрон к отмели Потока, и его тут же сбили.
>
> Команда на своих постах, все остальные сидят взаперти. Похоже, нам предстоит бой. Похоже, капитан Лауре не ждет ничего хорошего. Кто-то зачем-то послал их сюда.
>
> Лауре позволила мне отправить тебе сообщение. Сказала: если станет совсем плохо, она сбросит все данные нашей экспедиции в отключенный дрон и поставит на него передатчик с задержкой, чтобы вы могли его найти. Там есть мои новые разработки, которые тебя наверняка заинтересуют. Лауре говорит, что

уже отправила просьбу прислать корабль для даласисланцев, так что вам придется продержаться всего пару недель до его прибытия. Не дышите без особой необходимости.

Не стану лгать: думаю, мне стоило остаться дома или отправиться на последнюю вылазку вместе с тобой. Я всю жизнь сторонилась людей, и вот результат.

Но в любом случае спасибо. Ты вовсе не был обязан меня слушать, когда я к тебе пришла. Однако ты меня выслушал, поверил мне и подружился со мной. И это понравилось мне в тебе больше всего.

X.

К тому времени, когда «Овернь» вышла из тени планеты, «Брансид» превратился в расползающееся облако обломков.

— Вон тот корабль, — сказал Хэнтон, показывая на точку на командирском экране «Оверни», которая двигалась в сторону ведущей назад, к Ядру, отмели Потока.

— Точно он? — спросила Шеррил.

— Точно. Единственный быстродвижущийся

объект в данной части системы, который не находится на орбите Даласислы-Прайм. — Он показал на другую точку. — Вот отмель Потока в сторону Ядра. Кораблю при его нынешней скорости потребуется двадцать часов, чтобы до нее добраться. Что интересно, в этот момент он не разгоняется.

— Что же тут интересного? — спросил Марс.

— Это значит, что сейчас они не используют двигатели, — сказала Шеррил. — Постоянная работа двигателей означала бы постоянное ускорение. А они просто движутся по инерции.

— Возможно, у них повреждены двигатели, — заметил Марс.

— Возможно.

— Или они просто не торопятся, — сказал Геймис.

— Может быть, — кивнула Шеррил. — Но когда мы летели сюда, мы ускорялись, направляясь к отмели, и я знаю, что капитан планировала возвращаться назад точно таким же способом. Никто не знает, как долго эти отмели будут оставаться открытыми. — Она посмотрела на Марса. — Возможно, вы ошибаетесь в своих предсказаниях. Без обид.

— Я и не обижаюсь, — ответил Марс.

— Капитану Лауре не хотелось задерживаться

здесь ни на минуту дольше необходимого. Назад мы летели бы с максимальной скоростью, разгоняясь до предела. — Шеррил показала на изображавшую корабль точку. — Если они не дураки, то должны были бы поступить точно так же. Получается, у них есть причина вести себя иначе.

— Слишком много гипотез, — покачал головой Геймис.

— Но это выглядит вполне правдоподобно, — сказал Марс. — Если у них повреждены двигатели, значит «Брансид» сумел-таки их подбить. И теперь они ковыляют домой.

— Однако все же намереваются добраться до дома, — заметил Хэнтон. — А значит, генератор поля исправен.

— До тех пор, пока двигатели полностью не отказали, — сказала Шеррил. — После этого у них не будет энергии для генератора поля.

— Месье Шенвер? — Марс повернулся к призраку.

— Мне было интересно, когда вы наконец обо мне вспомните, лорд Марс, — улыбнулся тот.

— Мы можем догнать этот корабль?

— Их путь лежит мимо Даласислы-Прайм. Оставшись на месте, мы будем находиться по-

зади планеты, когда они пролетят возле нее. Но, естественно, оставаться на месте нет причин. Двигатели и энергосистемы «Оверни» работают на полную мощность. — Шенвер кивнул в сторону командирского экрана, который, к удивлению Хэнтона, сперва погас, а затем выдал новое изображение с проложенным курсом наперехват. — Если они не станут разгоняться, мы сможем догнать их в течение десяти часов. Если они все-таки начнут разгоняться, это меняет дело, но, если по характеристикам корабль близок к «Брансиду», мы перехватим их самое большее через восемнадцать часов, задолго до того, как они доберутся до отмели Потока.

— А потом взорвем на хрен! — сказал Геймис. — Так же как они взорвали «Брансид».

Шенвер взглянул на Марса:

— Вы собираетесь так поступить, лорд Марс?

— Нет, — ответил Марс.

— Что? — возмутился Геймис. — Эти засранцы только что уничтожили нашу команду, сэр. Будет справедливо, если мы отплатим им тем же.

— От мертвецов нет никакой пользы, — покачал головой Марс.

— Не понял.

— Но вы, надеюсь, поняли? — Марс посмотрел

на Шенвера.

— Думаю, да, лорд Марс, — кивнул Шенвер.

— И как, получится?

— Зависит от того, в каком состоянии их корабль и что я смогу узнать о нем по сканам и изображениям. Должен вас предупредить, что для этого нужно будет подойти к нему близко.

— Можно уточнить, что значит «близко»?

— Вряд ли вам это понравится.

— Думаю, они знают, что мы здесь, — сказал Хэнтон, когда корабль выпустил по «Оверни» пару ракет с расстояния в тысячу километров.

Шеррил взглянула на изображение летящих в их сторону ракет, передаваемое датчиками «Оверни».

— Похоже, они с разделяющимися боеголовками, — проговорила она. — Раскрываются перед самым ударом.

— До чего же грубо! — заметил Шенвер. Дождавшись, когда ракеты подлетят на сто километров, он рубанул по ним лазерным лучом, и те беззвучно испарились в космической пустоте.

— Ваш луч остается когерентным только на расстоянии в сто километров? — спросил Хэнтон.

— Я хочу, чтобы на том корабле подумали именно так, — ответил Шенвер. — Вряд ли наши

друзья выпустили по нам ракеты, рассчитывая в нас попасть. Им хотелось выяснить, как и когда мы среагируем. И теперь они полагают, что им это известно.

— Вы уже проделывали такое раньше?

— Я же говорил вам: у меня немалый опыт ухода от погони.

— А какой у ваших лучей радиус поражения? На самом деле? — спросил Марс.

— Небольшой, — ответил Шенвер, выводя на экран изображение преследуемого корабля. На расстоянии чуть меньше тысячи километров тот выглядел едва различимым клинышком. «Овернь» приближалась к нему сверху, под углом относительно плоскости эклиптики системы Даласислы. «Смерть с небес», — подумал Марс.

— Есть мысли насчет того корабля? — спросил Шенвер.

— Похоже, тип «фартинг», — после минутной паузы ответила Шеррил.

— Боюсь, мне это ничего не говорит, — сказал Шенвер.

— Корабль-перехватчик, — пояснила Шеррил. — С небольшой командой, быстрый, довольно-таки тяжеловооруженный. Предназначен для борьбы с пиратами и контрабандистами. Под

«борьбой» имеется в виду уничтожение.

— Значит, можно почти не сомневаться, зачем он явился сюда, — проговорил Марс.

— Думаю, ответ мы уже получили. Забавно: когда эти корабли списывают, многие из них покупают всяческого рода пираты. Скорее всего, потому, что они способны уйти от преследующих их кораблей флота или сразиться с ними.

— И как, удается? — спросил Шенвер.

— Флот просто посылает корабли покрупнее.

— Опять ракеты, — сказал Хэнтон.

На этот раз разделяющиеся боеголовки сработали раньше, и один из снарядов поменьше успел оказаться в десяти километрах от «Оверни», прежде чем Шенвер уничтожил его.

— Все еще забавляетесь с ними? — спросил Геймис.

— Если утвердительный ответ вам больше по душе, то да, — ответил Шенвер.

— В такой формулировке — не слишком.

— Прошу прощения.

Когда «Овернь» подошла на двести километров, ее обстреляли из лучевого оружия. Лучи задержались на «Оверни» всего десятую долю секунды, а затем от вражеского корабля отлетели кучки обломков.

— Здóрово! — проговорил Геймис.

— Что сейчас произошло? — спросил Марс у Шенвера.

— Я ждал, когда корабль откроет огонь, чтобы выяснить в точности, где находится его лучевое оружие, а затем попросту уничтожил лазерные пушки вместе со всем, что их напоминало. Для гарантии.

— Снова ракеты. — Хэнтон показал на командирский экран.

— Учтите, это вовсе не значит, что они лишились всей защиты, — сказал Шенвер. — Уж извините.

На расстоянии в пятьдесят километров Марс и остальные смогли разглядеть мелкие детали корабля на экране.

— Мы достаточно близко? — спросил Марс.

— Почти, — ответил Шенвер.

Сорок километров.

— Пора? — спросил Марс.

— Приближаемся.

Тридцать километров — корабль рос на экране без всякого увеличения.

— Начинаю слегка нервничать, — заметил Марс.

— Уже скоро, — ответил Шенвер.

— Ракеты, — предупредил Хэнтон.

— Вот наглецы! — сказал Шенвер секунду спустя. Послышался звон обломков ракеты, столкнувшихся с «Овернью».

Десять километров.

— Пора, — сказал Шенвер, посылая луч — не в сам двигатель, а в небольшой участок корпуса чуть выше и правее его. Луч проделал дыру, из которой вырвались воздух, пар и небольшое облако обломков. Марс услышал, как внутри «Оверни» что-то загудело, — автоматика регулировала ее положение относительно другого корабля, не давая врезаться в него, что закончилось бы взаимным уничтожением.

— Все? — спросил Геймис.

— Пока хватит. — Шенвер повернулся к Марсу. — Надо было подойти достаточно близко, чтобы понять, как внутри корабля передается энергия. Мы решили, что двигатель уже поврежден, так что я предпочел не рисковать и направил луч туда, где, как мне показалось, находится центральный энергораспределитель. Я предположил, что в случае его отказа двигатели и энергосистемы полностью отключаются, чтобы избежать взрыва, пока энергораспределитель не отремонтируют.

— И как скоро его отремонтируют? — спросил Марс.

— Ну… я его уничтожил, так что этого не будет никогда. Полагаю, сейчас их системы работают на аварийном источнике энергии.

— Этого вполне достаточно для системы жизнеобеспечения, но не хватит, чтобы запустить генератор поля, — заметила Шеррил. — Если они пройдут через отмель Потока без пространственно-временного пузыря, им конец.

— Они все еще движутся по глиссаде в сторону отмели Потока, — сказал Хэнтон. — И окажутся в ней через девять часов пятнадцать минут.

— Что будем делать? — спросил Геймис.

— Съедим по питательному батончику и будем ждать, когда они выйдут на связь, — ответил Марс.

Вызов пришел за четыре часа до входа в отмель.

— «Принцесса в другом замке» вызывает неопознанный корабль, — послышался голос по радио.

Хэнтон сообщил Шенверу наиболее вероятные частоты для связи, и Шенвер поручил «Оверни» перебирать их, пока кто-нибудь не объявится.

— Говорит капитан Кав Понсуд. Прошу ответить.

— Приветствую вас, «Принцесса», — сказал Марс. — На связи «Овернь», лорд Марс Клермонт.

Последовала долгая пауза.

— Вы сказали, лорд Марс Клермонт?

— Он самый.

Снова пауза, еще более долгая.

— Что за черт? — спросил Геймис.

— Лорд Марс, вы вывели из строя наш корабль, и мы дрейфуем, — наконец сказал Понсуд. — Мы лишились главного источника энергии, а аварийный запас на исходе.

— Принято, — ответил Марс. — К тому же текущая траектория приведет вас прямо в отмель Потока через… — он посмотрел на экран, куда Шенвер услужливо вывел таймер, — три часа пятьдесят две минуты. Имейте в виду, что если вы войдете в отмель в нынешнем состоянии, без генератора поля, то сразу же превратитесь в ничто.

— Гм… да, — сказал Понсуд. — Мы в курсе. Спасибо вам за это.

— Не за что.

— Лорд Марс, от нашего внимания не ускользнуло, что вы вывели из строя наш корабль, но решили нас не уничтожать.

— Совершенно верно, капитан Понсуд.

— Нам очень интересно, каковы ваши дальнейшие планы, лорд Марс.

— Что ж, капитан, ответ на этот вопрос зависит полностью от вас.

— Объясните.

— Зачем вы уничтожили «Оливир Брансид»?

— Нас для этого наняли.

— Кто?

— Не знаю. Посредники, которые не сообщали мне имя настоящего заказчика. У меня… гм… весьма специфическая работа, и я не всегда знаю, кто меня нанимает.

— Спасибо, капитан Понсуд. Наслаждайтесь забвением. — Марс посмотрел на Шенвера.

— Связь с нашей стороны отключена, — кивнул тот.

— Думаете, он лжет насчет того, что не знает, кто его нанял? — спросила Шеррил.

— Скоро поймем, — ответил Марс.

Пять минут спустя Понсуд снова вышел на связь, спрашивая Марса. Марс кивнул Шенверу, который снова включил связь:

— Да?

— Лорд Марс, нас нанял посредник. Представитель семьи Ву.

— Вас наняла имперская семья? — нахмурился

Марс.

— Нет, не царствующая династия. Ву, которые руководят торговым домом. Родственники импе-ро.

— И в чьих интересах действуют Ву?

— Я спрашивал об этом их представителя. Мне уже доводилось вести дела с Ву, — собственно, поэтому они и связались в первую очередь со мной. Но посредниками они никогда не были, выступая от своего имени. Их представитель не хотел ничего говорить, но я сказал, что иначе просто не возьмусь за работу. Работа была срочной, и у Ву фактически не было выбора, так что представитель потребовал, чтобы я поклялся хранить тайну, и сообщил, что заказчик — графиня Нохамапитан.

— Откуда Нохамапитаны вообще узнали про «Брансид»?

— Графиня услышала о нем от Ву, а Ву, как мне сказали, — от некоего адмирала. Флот, естественно, поддерживает с Ву близкие отношения, поскольку получает от них все оружие и корабли.

— Все равно непонятно. Что общего у Ву с Нохамапитанами?

— Мне неизвестны взаимоотношения между

высокопоставленными семействами, лорд Марс. У меня нет времени следить за сплетнями. Вы спрашивали, кто меня нанял, и я ответил.

— Ладно, но с чего графине Нохамапитан вдруг захотелось атаковать «Брансид»?

— Ей хотелось не этого, — сказал Понсуд, и Марс, разозлившись, уже собирался снова отключить связь, но Понсуд продолжил: — Ее нисколько не интересовала судьба корабля. Для нее это было лишь средством для достижения истинной цели.

— И какова эта цель?

Последовала пауза.

— Эта цель — вы, лорд Марс. Графине Нохамапитан настолько хотелось вашей смерти, что она поручила нам уничтожить «Брансид» и тем самым разделаться с вами.

Марс ошеломленно уставился на экран, а затем, окинув взглядом мостик «Оверни», понял, что все остальные смотрят на него самого.

— Эй? — спросил Понсуд.

Оказалось, что Марс молчал почти целую минуту.

— Зачем? — спросил он.

— Мне этого не говорили. От нас лишь требовалось убить вас. Я спросил, значит ли это, что команду «Брансида» можно оставить в живых,

если они отдадут нам вас, и мне ответили, что «Брансиду» нельзя позволить вернуться на Ядро и я должен либо уничтожить сам корабль, либо вывести из строя генератор поля, а это медленная смерть команды от голода или удушья. Я предпочел более быстрый способ, показавшийся мне более гуманным. К вашему сведению, лорд Марс, «Брансид» не собирался сдаваться без боя. Если бы не повреждения, которые они нам нанесли, вряд ли вы сумели бы нас захватить.

— А даласисланцы?

— Кто, лорд Марс?

— Люди, которые живут в этой системе, капитан?

— Не знаю, о ком вы говорите, сэр. Меня интересовал исключительно «Брансид», который и без того доставил много хлопот. Хотите сказать, здесь еще остался кто-то живой? Восемьсот лет спустя?

— Да.

— Пожалуй, к лучшему, что я про них не знал. От лишних свидетелей нет никакой пользы.

— Не считая того, кого вы собирались убить.

— Понимаю вашу иронию, лорд Марс. Я рассказываю вам все это лишь потому, что у меня нет иного выбора. Ни мне, ни моей команде не хочется тут умереть.

— Вы просите меня дать вам выбор, которого сами не дали команде «Брансида»?

— Лорд Марс, если бы я не считал, что вы мне его предоставите, я бы и рта не раскрыл.

— Подождите. — Марс посмотрел на Шенвера.

Кивнув, тот отключил связь, а затем Марс тяжело опустился в кресло и, всхлипывая, закрыл лицо руками.

— Что… — начал Хэнтон, но Марс поднял руку. Хэнтон неловко замолчал, как и все остальные. Минуту спустя Марс кивнул Шенверу, который снова включил связь.

— Вам придется дать показания по поводу этого всего, капитан Понсуд.

— Если взамен моя команда останется в живых, лорд Марс, я готов повторить все сказанное мной перед любым судьей.

— Вы будете рассказывать все это не судье, капитан, а лично импере. В моем присутствии.

Наступила тишина.

— Понял вас, лорд Марс. Официально передаю вам «Принцессу». Теперь командуете вы.

Марс кивнул, но тут же сообразил, что Понсуд по голосовой связи этого не видит.

— Спасибо, капитан. Мой коллега господин Шенвер в ближайшее время обсудит с вами все

детали вашего перехода на «Овернь». Приготовьтесь.

— Чем скорее, тем лучше.

— Ясно. — Марс кивнул Шенверу. — Сумеете организовать?

— Я уже разговариваю на эту тему с капитаном Понсудом.

Его ответ на мгновение привел Марса в замешательство, пока он не вспомнил о виртуальной сущности Шенвера, которая, вероятно, могла создавать любое количество собственных версий, и понимающе кивнул.

— Нам нужно что-нибудь забрать с «Принцессы»? — спросил Шенвер. — Не считая команды, которая, как мне сообщили, составляет семь человек.

— Маленькая команда, — заметила Шеррил.

— Наша еще меньше.

— Мне нужно как можно больше данных с их корабля, — ответил Марс. — А также любые подтверждения того, что Понсуд заключил соглашение с домом Ву.

— Полагаю, ему платили наличными, — сказал Геймис.

— Скорее всего, да, но мне все равно нужны доказательства — все, что удастся собрать.

— И еще нам нужна еда — чем больше, тем лучше, — обратился Геймис к Шенверу. — Все, что у них есть. Меня уже тошнит от белковых батончиков.

— Мы можем спасти сам корабль? — спросил Марс. — Даласисланцы сняли бы с него все, что только можно.

— Капитан Понсуд говорит, что на «Принцессе» есть маленький челнок, на котором они прибудут сами и доставят еду, — ответил Шенвер. — В зависимости от того, много ли времени у нас уйдет на транспортировку и есть ли на нем дистанционное управление, возможно, мне удастся столкнуть «Принцессу» с траектории к отмели Потока. Учтите, что это может повредить как челноку, так и «Принцессе».

— Все лучше, чем ничего.

— Совершенно точно, — согласился Шенвер. — Если челнок не слишком пострадает, попробую запрограммировать его так, чтобы он толкал «Принцессу» к даласисланцам. Тогда они смогут получить оба корабля.

— Мне бы хотелось оставить им и челнок с «Брансида», — сказал Марс. — Здесь он все равно ни к чему, а оставлять его на орбите Даласислы-Прайм тоже не хочется.

— Нам придется вернуться, чтобы забрать Сив и Лайтон, — заметила Шеррил. — Не можем же мы их тут бросить.

— Могу запрограммировать наш челнок, чтобы он сам полетел к кораблю даласисланцев, — сказал Хэнтон. — Потом заберем Сив, Лайтон и данные с «Брансида» и вернемся через отмель на Ядро.

— Если Ву знали, где находится «Брансид», то они знают, что он может вернуться обратно, — предупредила Шеррил. — Ведь «Брансид» мог отбиться от «Принцессы».

— Вы считаете, что по другую сторону отмели нас могут ждать? — спросил Марс.

— На их месте я бы поступила именно так, — ответила Шеррил.

— Но мы ведь будем не на «Брансиде», — сказал Геймис.

— Да, но мы прибудем через отмель Потока с Даласислы, — возразила Шеррил. — На их месте я уничтожала бы любой прилетевший оттуда корабль, включая «Принцессу». Чем меньше свидетелей, тем лучше.

Немного подумав, Марс повернулся к Шенверу:

— Спросите капитана Понсуда, есть ли у него

дроны для передачи сообщений.

— Есть, — ответил Шенвер мгновение спустя. — Капитан говорит, что они собирались послать дрон после уничтожения «Брансида», но в итоге забыли: сперва были слишком заняты, пытаясь добраться до отмели Потока, а потом сражались с нами.

— Пусть подтвердит мою смерть и уничтожение «Брансида», а затем сообщит, что они задержатся на месяц — будут забирать все ценное из местных поселений. Пусть назовет конкретную дату возвращения. — Марс взглянул на Шеррил. — Если Ву действительно намерены их уничтожить, они изменят свои планы в соответствии с новой датой.

— Хитро, — кивнула Шеррил.

— Как-то не хочется быть разорванным на куски. — Марс снова повернулся к Шенверу. — А вы наконец сможете побывать во Взаимозависимости.

— Погодите, вы что, хотите вернуться во Взаимозависимость на этом корабле? — спросил Шенвер. — Я не могу. У меня нет генератора поля.

Все ошеломленно уставились на него.

— Шучу, — улыбнулся он. — Конечно есть.

— Надо поговорить о вашем чувстве юмора, — сказал Марс, когда все оправились от легкого сердечного приступа. — Похоже, пребывание в не вполне живом состоянии всерьез на него повлияло.

— Оно и раньше было таким же, — ответил Шенвер. — Как по-вашему, я умер?

Часть третья

Глава 19

Незадолго до того, как «Брансид» должен был вернуться в космическое пространство Взаимозависимости — чего ни кораблю, ни его команде было не суждено сделать, — исчезли еще два течения Потока.

Первым стало течение от Марлоу к Кеалакекуа. Население обеих систем было невелико, и прямые рейсы между ними совершались от случая к случаю: обычное путешествие по течению Потока занимало месяц, а кружной путь через Бейлаган сокращал время перелета на десять дней — очередное напоминание о том, что время в течении Потока не обязательно соотносится с расстоянием между двумя системами, и о замысловатой сущности Потока, которую хоть в какой-то мере понимают лишь немногие.

А потому течение Потока между Марлоу и Кеалакекуа редко использовалось для законной торговли и путешествий, зато его облюбовали контрабандисты, пираты и все, кто готов был потратить чуть больше времени, избежав встречи

с флотскими перехватчиками и местными таможенниками. Коллапс течения не привел к потере ни одного торгового или транспортного корабля. Все восемь пропавших кораблей с тысячей человек на борту принадлежали частным лицам или занимались незаконной деятельностью. Маршрутные листы и грузовые ведомости отсутствовали, как и сведения о прибытии и убытии. Тысяча человек попросту пропала без вести, а их заказчики, клиенты и любимые так и не узнали, что с ними стало, возможно даже не догадываясь, что корабли избрали именно этот путь.

Второе течение, более известное, связывало системы Гуэлф и Сегед, расположенные в густонаселенной и экономически развитой части Взаимозависимости. В силу природы Потока исследования графа Клермонта относительно его коллапса и сроков возможных разрывов еще не дошли до Гуэлфа, и, когда течение разрушилось, торговля и путешествия между двумя системами были в самом разгаре. Случившееся стало неожиданностью, особенно для пребывавших в неведении жителей Гуэлфа.

Последствия оказались чудовищными. Пропали без вести десятки тысяч людей, в том числе два пассажирских корабля, «Звездный аллюр» и

«Звездный оазис», на борту которых находилось десять тысяч человек. Торговля понесла убытки в миллиард с лишним марок. Перелет от Гуэлфа до Сегеда ранее занимал семь дней и восемь часов, а теперь — больше месяца.

Обратный путь, от Сегеда к Гуэлфу, оставался открытым, но Сегед остановил все транспортные перевозки, опасаясь аналогичного коллапса. Гуэлф прекратил все полеты к трем другим выходным отмелям Потока, пока не будет найдено объяснение случившемуся. Объяснения, пришедшего с Ядра, пришлось ждать больше месяца, в течение которого торговля понесла новые миллиардные убытки. Случившееся оставило в душе жителей Гуэлфа незаживающую рану.

Помимо исчезновения двух течений Потока проявился также эффект эфемерности, который Марс и Ройнольд вкратце описали в разговоре с Грейланд.

Между Окуси и Артибонитом возникло новое течение, просуществовало неделю, никем не замеченное, и исчезло столь же внезапно, как появилось. К счастью, ни один предприимчивый капитан не попытался войти в его временную отмель, поскольку время перемещения между двумя системами составляло порядка пяти недель

— дольше, чем просуществовало само течение.

Еще короче была жизнь течения между Краем и Эндкирхеном — всего пятнадцать минут. Соответствующее обратное течение открылось семь минут спустя и исчезло еще через двадцать. Как и течение между Окуси и Артибонитом, оно осталось незамеченным в обеих системах. Но это означало, что открылось, пусть и ненадолго, двустороннее сообщение с Краем, самой изолированной системой Взаимозависимости, которая недавно стала еще более изолированной. То, что никто об этом не знал и этим не воспользовался, никак не меняло самого факта.

В Зале Памяти Кардения вызвала Рахелу Первую, первую пророчицу-импер. Та молча стояла перед ней, ожидая вопросов.

— У вас когда-либо бывали сомнения? — спросила Кардения.

— В чем? — ответила Рахела Первая.

Ее собеседница рассмеялась — а что еще могла сказать Рахела? Кардения вызывала память первой импер бесчисленное множество раз, чтобы обсудить природу видений и способы убедить в их истинности если не представителей аристократии, то хотя бы народные массы, для которых те в первую очередь предназначались. За все

время бесед Кардении со своей прапрапрародительницей Рахела ни разу не демонстрировала (как в буквальном, так и в переносном смысле, поскольку ее изображение проецировали световые устройства, искусно вмонтированные в потолок Зала Памяти) ничего, кроме безмятежной уверенности в себе.

Отчасти, вероятно, это объяснялось тем, что собеседница Кардении была не настоящей Рахелой, но лишь набором воспоминаний и эмоций, оживленных с помощью эвристического искусственного интеллекта, который мог сообщить, что именно Рахела чувствовала в определенный момент времени, но сам этой эмоции не ощущал. То же самое относилось к эмоциям любого из восьмидесяти семи предыдущих импето, включая отца нынешней. Кардения понимала, что, строго говоря, никто из этих импето не существует в реальности и она всего лишь общается с Цзии, аватаром Зала Памяти, принимавшим обличье прошлых импето точно так же, как сама она надевала новую сорочку. Но когда перед тобой стоит Рахела Первая или Аттавио Шестой, легко забыть, что ты разговариваешь не с реальным человеком.

Однако, несмотря на компьютерную имитацию

и отсутствие реальных эмоций, черты личности каждого импер все равно давали о себе знать во время беседы. Импер-неврастеники говорили и отвечали на вопросы так, как свойственно неврастеникам. Грубияны и глупцы давали грубые и глупые ответы. Те немногие, кто внушал страх, выглядели еще страшнее из-за отсутствия каких-либо чувств.

Рахела не внушала страха, не была грубияном или невротиком. Она была просто… уверенной в себе Рахелой. Подобную уверенность Кардения уже научилась изображать, но чтобы ощутить ее по-настоящему, требовалось время.

Кардения немного подумала над вопросом Рахелы.

— Ладно. У вас бывали сомнения в чем-нибудь?

— Конечно. Лишь психопатам не свойственны сомнения, а я при жизни не была психопаткой.

— А теперь?

— Если привести сюда психиатра и попросить его дать оценку моему состоянию, вероятно, я сойду за психопатку. В данный момент я полностью лишена сочувствия, хотя могу его изображать. Возможно, именно так психопатию определяют в учебниках. Ну а сомнений у меня теперь нет,

это уж точно.

— Но при жизни были?

— Да, и немало. От мелких банальных сомнений в людях, вещах и событиях до более серьезных — например, сомнений в том, окажется ли нам по плечу основание Взаимозависимости.

— Почему вы сомневались?

— Если оставить в стороне мои личные причуды — потому, что сомневаться было вполне разумно. Вполне разумно беспокоиться из-за незавершенных планов, непредусмотренных обстоятельств, о которых мы… о которых я не подумала и которые могли повлиять на ход событий.

— И что? Ваши сомнения оправдывались?

— Иногда.

— И как вы тогда поступали?

— Мы составляли новые планы и воплощали их в жизнь.

— То есть импровизировали?

— Да. Одним из наших преимуществ, и это моя личная заслуга, стало то, что мы не считали выполнение плана самоцелью. Цель была одна, и мы намеревались достичь ее любой ценой. И если для этого требовалось менять планы, даже на полпути, мы так и поступали.

— Похоже, вы этим гордитесь, — заметила Кардения.

— Да, я этим гордилась.

— Я имею в виду — гордитесь сейчас. Вы, имитация.

— Я — нет, но Рахела — да. И вполне разумно продемонстрировать вам эту гордость. Именно поэтому я стала импере. Точнее говоря, мне изначально суждено было стать импере: семья Ву всегда знала, что им потребуется номинальная фигура, способная уравновесить влияние государства и церкви и принести пользу обоим. Но я была не просто номинальной фигурой, ведь именно я постоянно напоминала другим, что план — не самоцель. И благодаря этому мы добились успеха.

— Вы сомневались в том, что ваши пророчества сработают?

— Иногда. Публика принимала далеко не все из того, что мы придумывали, и мне приходилось как-то раскручивать эти замыслы, а иногда и полностью от них отказываться. Я уже вам говорила, что мои пророчества были источником вдохновения, а не предсказаниями. Лишь после того, как мы воплотили их в жизнь, они стали казаться чем-то неизбежным. И для этого нам

пришлось немало потрудиться.

— Выступать с пророчествами и доносить до людей их смысл — куда более тяжкий труд, чем я предполагала, — призналась Кардения.

— Невероятно тяжкий, — согласилась Рахела. — Я отказалась от пророчеств, как только это стало возможно. Ни один имперо до вас, насколько я знаю, не делал ничего подобного. Не было смысла: всю тяжелую работу по созданию системы правления проделали до них. Им оставалось только править. И мы облегчили эту задачу, дав соответствующие инструменты государственной власти.

— Хотите сказать, что мне не стоило тратить силы на пророчества?

— Я этого не говорила.

— Потому что вы не человек и вас не интересует ничего сверх того, что говорю вам я?

— В том числе. К тому же ваше правление не похоже на правление ни одного из ваших предков, включая меня. Я приложила немало сил для создания Взаимозависимости, но тогда я не была имперо, а когда стала ею, поворотный пункт моей жизни — создание Взаимозависимости — уже миновал. Дом Ву добился успеха. Поворотный пункт вашей жизни — распад Взаимозависимо-

сти. Вам предстоит подготовить человеческие системы к жизни в одиночестве. Для этого у вас есть инструменты государственной власти, но их почти наверняка окажется недостаточно. Вам придется прибегнуть и к инструментам церковной власти, — собственно, для этого они и существуют. Я дала их вам, чтобы вы могли ими воспользоваться — не вы конкретно, а любой импер, оказавшийся в подобном положении.

— Вы предвидели коллапс Потока? — удивленно спросила Кардения.

— Нет, — ответила Рахела Первая. — Я никогда в полной мере не понимала сути Потока — мне это всегда напоминало высшую математику, и для всего этого у меня имелись особые люди. Но я предвидела, что может наступить время, когда импер придется не только быть импер, но также надеть мантию пророка. Вы — вторая пророчица-импер.

Кардения невольно отпрянула:

— Я вовсе не называю себя так.

— Почему бы и нет?

— Это несколько… высокомерно. И не думаю, что я вправе присваивать себе этот титул. Считаю, сперва его должны использовать другие.

— Могу сказать вам, что с точки зрения мар-

кетинга вы ошибаетесь. Если вы хотите, чтобы люди называли вас этим титулом, начните пользоваться им. Или по крайней мере, начните распространять его через своих пропагандистов.

— Теперь это называется Министерством прессы.

— Не важно. Пусть займутся. Это поможет вам намного больше, чем вы думаете.

— У меня есть сомнения, — сказала Кардения.

— Я занималась маркетингом. Я знаю.

— Нет, — покачала головой Кардения. — Не насчет этого. Я имею в виду сомнения посерьезнее. Насчет всего.

— Конечно. Вы же человек.

— Рада, что заметили.

— Вижу, вы рассчитываете получить от меня мудрый совет.

— Не стала бы его так называть, но…

— В следующий раз постараюсь выражаться более конкретно.

— Спасибо.

— Так все-таки хотите совет?

— Да, — ответила Кардения. — Да, хочу.

— Тогда слушайте: уверенность в себе вовсе не равна сознанию собственной правоты. Уверенность в себе — сознание, что вы способны сделать

все как надо. У вас есть сомнения, поскольку иметь их вполне разумно, — точно так же как это было разумно для меня. Но не забывайте, что план — не самоцель. Какова ваша цель?

— Спасти как можно больше жизней любыми возможными средствами.

— Будьте уверены в себе, все остальное воспоследует.

— Спасибо, — с минуту помолчав, сказала Кардения. — Похоже, я поняла насчет уверенности в себе.

— Вот и хорошо, — ответила Рахела Первая. — Я когда-то читала об этом в одной книге.

Выйдя из Зала Памяти, Кардения обнаружила: ее поджидает Обелис Атек, которая выглядела слегка встревоженной — отчасти потому, что всегда чувствовала себя неловко при входе в покои имперо, поскольку считала, что вторгается в чужое личное пространство, а отчасти потому, что ничего не знала о предназначении Зала Памяти и это ее беспокоило. Кардения объяснила ей, что это своего рода помещение для медитации — иногда так оно и было, — но, похоже, тревога Атек не убавилась.

Улыбнувшись своей помощнице, Кардения глубоко вздохнула и вновь стала Грейланд Второй.

— Следующий посетитель уже здесь? — спросила Грейланд.

— Здесь, мэм, ждет в вашем кабинете. — Атек знаком пригласила следовать за ней.

В кабинете ждала леди Кива Лагос, которая развалилась в кресле, глядя в потолок и небрежно покачивая ногой. Грейланд это слегка позабавило: большинство посетителей поражались при виде кабинета и накопившегося в нем за столетия бесценного хлама, но Кива словно говорила: «Ну и на хрена тебе эта куча дерьма?» Грейланд вполне разделяла ее мнение.

Атек негромко кашлянула, недвусмысленно намекая Киве: «Встань, черт бы тебя побрал!» — и та выбралась из кресла для поклона.

— Рада снова вас видеть, леди Кива, — сказала Грейланд, жестом выпроваживая Атек. — Садитесь, пожалуйста.

— Я не сводила глаз с потолка, ваше величество, — ответила Кива, снова садясь. — Наверное, я никогда не видела столько золотой фольги в одном месте.

— Да, ее там немало.

— Одна из привилегий имперо.

— Пожалуй. Если честно, я почти не задумываюсь об этом. В последнее время мне редко

приходится смотреть в потолок.

— Иногда стоит, мэм. Воистину впечатляет.

— Как дела у вашей подруги? Прошу прощения, не помню ее имени.

— Сения Фундапеллонан.

— Не так-то просто запомнить.

— То же самое я сказала ей при первой встрече. Спасибо, мэм, ей уже намного лучше. И еще раз спасибо за то, что предоставили ей убежище в Брайтонском дворце. Там она чувствует себя в большей безопасности.

— Конечно. А как дела у вас? Я знаю, что ранили вашу подругу, но пуля летела к вам в окно.

— Я вставила новое стекло, которое лучше защищает от пуль, — ответила Кива. — Но я живу там же. Так что никому не составит труда меня отыскать.

— Не знаю, чего в этом больше — отваги или глупости, леди Кива.

— Конечно же глупости, мэм. Но если кто-то всерьез решит со мной разделаться, не важно, где я буду спать: с тем же успехом можно спать и дома. К тому же я догадываюсь, кто это сделал, и уже выразила свое неудовольствие.

— До меня дошли слухи, что в ту же ночь, когда стреляли в вашу подругу, на главу аппарата гра-

фини Нохамапитан напали прямо в постели.

— Ничего не знаю об этом, мэм.

— Так я и предполагала. — Грейланд кивнула на забинтованную руку Кивы. — Что с вашей рукой, леди Кива?

— Ах это? — Кива подняла руку. — Сломала об один тупой предмет.

— И как, оно того стоило?

— Определенно, мэм.

— Что ж, неплохо. Продолжайте в том же духе.

— Обязательно. И в связи с этим… — Кива взяла пачку документов, лежавших на подлокотнике ее кресла, и бросила их на стол импероа. — Давайте поговорим о том, что я накопала на этих долбаных Нохамапитанов.

Грейланд слегка приподняла брови.

— Черт, я только что выругалась вслух? — спросила Кива.

Грейланд рассмеялась.

— Простите, — сказала Кива. — Я пытаюсь вести себя как можно пристойнее, ваше величество.

— Лучше уж оставайтесь самой собой, леди Кива.

— Надеюсь, вы не пожалеете о своих словах, мэм.

— Наверняка нет. Особенно после того, как вы

мне покажете, что у вас есть.

— Могу я поинтересоваться, что вы собираетесь с этим делать?

— С информацией? Пока ничего. — Грейланд обратила внимание на выражение лица Кивы. — Но обещаю вам, леди Кива: плоды вашего труда не пропадут напрасно. Я воспользуюсь ими, причем с толком.

— Тогда займемся. — Кива взяла лист бумаги. — И начнем вот с этого.

— Что это?

— Тайные банковские счета Надаше Нохамапитан. Она полагала, что их никогда не найдут. Там есть кое-что интересное.

— А именно?

— Ваше величество, двенадцать часов назад по ним наблюдалось движение средств.

Глава 20

— Ну как, готовы? — спросил Геннети Хэнтон, окидывая взглядом мостик «Оверни». Корабль собирался выйти из отмели Потока в окрестностях Ядра.

Если их и ждала засада, то при переходе в обычное пространство-время. Выходя из Потока, корабли неподвижно зависали в космосе, и «Овернь» стала бы легкой мишенью для ракет, лазерных лучей или проклятий. В соответствии с планом Марса, был запущен дрон с ложной информацией, но оставалось неясным, удался план или нет. Спонтанно образовавшейся команде «Оверни» предстояло это выяснить.

— Мое лучевое оружие приведено в действие и готово стрелять по всему, что движется, — сказал Шенвер.

— Буду следить за любыми враждебными проявлениями, — кивнул Хэнтон.

— Спасибо, доктор Хэнтон, — ответил Шенвер. — Обращайте особое внимание на ракеты.

Марс не сомневался, что со стороны Шенвера

это лишь любезность. Будучи компьютером и, по сути, самим кораблем, тот мог получать информацию о приближающихся объектах сам и нуждался в человеке не больше, чем работающий отец в маленьком сыне, чтобы тот подавал ему инструменты. Но Шенвер понимал, что Хэнтону нужно чем-то заняться, и рад был ему угодить.

Марс вновь подумал о том, кем был Шенвер до того, как стал компьютером и разумным кораблем. На обратном пути, занявшем восемь дней, Шенвер постоянно избегал данной темы, предпочитая втягивать Марса в дискуссии о Взаимозависимости, которые крайне увлекали его. А поскольку «Овернь» вместе с Шенвером была, по сути, захвачена разношерстной компанией во главе с Марсом, он считал, что будет справедливо по максимуму ввести своего виртуального друга в курс дела.

О самом Шенвере удалось выяснить лишь немногое. Он был весьма богат — неизвестно, добился этого за счет собственных усилий или семейного состояния, — и однажды вместе с парой сотен близких друзей решил отправиться в развлекательный круиз на «Оверни», взяв с собой немалую часть личного состояния и имущества. Но в тот же день им внезапно пришлось покинуть

родную планету Шенвера через Поток, и в конце концов они оказались в пространстве Даласислы, не имея возможности вернуться.

— Вы стали беженцами? — предположил Марс.

— Мы предпочитали считать себя временными эмигрантами, — ответил Шенвер. — И собирались когда-нибудь вернуться, но потом случились проблемы с физикой.

— Разрушилось течение Потока, с помощью которого вы попали в систему Даласислы?

— Да, — нахмурился Шенвер, и Марс вновь подумал о том, насколько хорошо компьютерная имитация изображает реального человека. — Жаль, что вас тогда не было с нами, лорд Марс. Похоже, вы разбираетесь во всем этом лучше любого другого.

— Был еще один человек, знавший об этом не хуже меня, — сказал Марс.

— Да, конечно. Крайне сожалею о гибели вашей подруги, доктора Ройнольд, лорд Марс. Я знаю, для вас это большое горе. Так же как и гибель всей команды «Брансида».

Марс кивнул:

— А вы, месье Шенвер? Вам недостает тех, кто отправился с вами в путешествие?

— Да. Хотя это было так давно…

— Для вас — не так уж давно. Вы говорили, что провели последние триста лет во сне.

— В основном да. Крошечный участок моего мозга время от времени пробуждался, чтобы проверить состояние корабля и поддержать его работоспособность. Примерно так, как обычный человек на мгновение просыпается, чтобы почесать нос, а потом снова засыпает.

— И тем не менее…

— Да. В общем, суть в том, лорд Марс, что товарищи по команде меня покинули. С лучшими намерениями, поскольку они нашли способ возродить Даласислу и пригласили немногих оставшихся в живых уроженцев системы присоединиться к ним. Они покинули меня, найдя лучшее место для жизни, и я был только рад.

— Как им это удалось — вновь оживить Даласислу? К тому времени она была мертва уже несколько веков.

— Не мертва, лорд Марс, — покачал головой Шенвер. — Она пребывала во сне. Какая бы катастрофа ни случилась с тем поселением, проблема заключалась не в его физическом состоянии. Да, к тому времени, когда мы добрались до него, оно было повреждено и разграблено. Когда я говорю, что моим друзьям удалось вновь оживить Да-

ласислу, следует понимать, что ресурсов стало намного меньше, чем прежде. Но их вполне хватило, чтобы дать кров моей команде и тысяче с небольшим оставшихся в живых даласисланцев, разбросанных по разным кораблям и поселениям поменьше.

— Удивительно, что вам вообще удалось кого-то найти. Выжить в такой долгой изоляции непросто…

— Да, это поразительно. Но в то же время и тягостно, не так ли, лорд Марс? Когда-то миллионы даласисланцев жили в богатстве и комфорте, но теперь их стало всего лишь несколько сотен, и они в буквальном смысле слова цепляются за жизнь. Не потому, что отрезаны от остальной Вселенной, но потому, что за первые несколько критических лет утратили свой коллективный разум. Если даже не все, то многие, и остальным пришлось тратить драгоценное время на них, а не на ситуацию в целом.

— С людьми бывают проблемы, — согласился Марс. — Но похоже, у ваших друзей их не возникло?

— По крайней мере, вначале, — ответил Шенвер. — Но, по вашим словам, Даласисла нормально существовала лишь несколько десятилетий.

Похоже, их настиг тот же хаос, что и коренных даласисланцев.

— Вы тогда спали?

— Да. Я дождался, пока они не оживят поселение, а затем погрузился в сон.

— Когда вы совершили свой… переход в виртуальную реальность?

— Почти сразу же после прибытия на место, — ответил Шенвер. — Я уже умирал, когда мы улетали, лорд Марс. Когда-то я шутил, что похож на Моисея: вывел свой народ из Египта и показал ему Землю обетованную, но не смог отправиться туда сам. Мне говорили, что я склонен к мелодраме, и это было правдой. Меня не слишком беспокоила смерть: я знал, чего ждать, когда умрет тело, — все это не казалось мне страшным.

— Удивительно.

— Это очень старая технология, — сказал Шенвер. — В нее вносились усовершенствования, но, по сути, ей уже несколько сотен лет. Судя по вашей реакции, во Взаимозависимости так делают нечасто.

— Нет, ничего подобного у нас нет.

— Да, это к тому же требует немалых денег и ресурсов. Нужно по-настоящему этого хотеть. Я

создал свою виртуальную личность и взял ее с собой, а потом интегрировал в системы корабля.

— Вам нравится быть кораблем?

— Я получаю большое удовольствие, — ответил Шенвер. — Мне недостает кое-чего телесного вроде еды или секса — иногда я пытаюсь решить, чего сильнее. Пока что перевес на стороне еды. Но больше всего мне нравится, что я все еще жив.

— И тем не менее вы погрузились в сон.

— Ну, я поступил практично. Я исходил из того, что когда-нибудь течения Потока, забросившие нас в ловушку у Даласислы, откроются снова и кто-нибудь из моей команды захочет вернуться и посмотреть, не изменилась ли ситуация к лучшему. Могли появиться и другие, и на случай, если бы они пришли с враждебными намерениями, неплохо было иметь неподалеку вооруженный корабль. Я считал, что это может произойти в течение двадцати — тридцати лет, а не трех столетий.

— Вы могли бы и пробудиться.

— Мне нравилось спать. Когда я был человеком, то никогда не высыпался. Но теперь, пожалуй, почти наверстал упущенное.

— Даласисланцы — сегодняшние даласисланцы — помнят, как вы и ваши товарищи говорили

им, что должны прилететь другие. Поэтому их нисколько не удивило наше появление. Для них это выглядело почти что исполнением пророчества.

— Пожалуй, мы не пытались представить это именно так, — сказал Шенвер. — Просто дали им понять, что, если когда-нибудь течение Потока откроется снова, сюда могут прилететь другие люди. Время порой удивительно искажает картину событий, лорд Марс. Но вы прибыли именно в тот момент, когда они в вас нуждались. И с помощью ваших даров помогли им выиграть немало времени.

— Поврежденный корабль и пара челноков, на которых скоро закончится энергия, — усмехнулся Марс.

— А может, и не закончится, ведь даласисланцы очень умны. Им нет равных в умении обходиться малым. Так было в мое время, и, похоже, все осталось по-прежнему. Ваше прибытие не было предопределено свыше, но сам факт того, что вы появились именно сейчас, дав им столько средств для выживания, наверняка выглядит для них чудом. Пророчество свершилось. По крайней мере, в достаточной степени, судя по моему опыту.

— А у вас большой опыт, связанный с пророчествами? — спросил Марс.

— Для такого случая — вполне достаточный, — ответил Шенвер. — Кстати, раз уж зашла речь, расскажите побольше про вашу Взаимозависимую церковь.

И они продолжили разговор, касаясь любых тем, за исключением подробностей жизни Шенвера. Когда до прибытия в окрестности Ядра оставались секунды, Марс решил, что, кем бы ни был Шенвер в прошлой жизни, в этой он являлся вполне приличным человеком.

— Все, — сказал Хэнтон, глядя на монитор. — Прибыли. Мы в космосе Ядра.

— Не вижу ничего, выпущенного в нашу сторону с убийственными намерениями, — заметил Шенвер несколько секунд спустя. — А вы?

— К нам ничего не летит, — согласился Хэнтон. — Хотя я вижу три небольших объекта, парящих возле отмели Потока.

— Я тоже их вижу, — кивнул Шенвер. На командирском экране появилось изображение одного из этих объектов, увеличенное камерами «Оверни».

— Это зонд-монитор, — сказала сержант Шеррил. — Они есть почти у каждой выходной отмели. Фиксируют прибытие кораблей и сопоставляют с графиком.

— Могу гарантировать, что нашего корабля ни в каких графиках нет, — заметил Марс. — И этой выходной отмели тоже.

— Это монитор Взаимозависимости? Или Ву? — спросил рядовой первого класса Геймис.

— В любом случае все они изготовлены на заводах Ву, — ответил Хэнтон. — Кораблестроение — их специальность.

— Не важно, чей он, но нас заметили. — Шеррил посмотрела на Марса. — Что предлагаете?

— Думаю, стоит действовать напрямик, — сказал Марс.

— Сэр?

— Послать сообщение в центр управления Сианя: пусть имперо узнает, что ее корабль-шпион «Самуэль Третий» вернулся из секретной миссии и готов причалить с докладом, — ответил Марс. — Причем послать открытым текстом.

— И что, так поступают все корабли-шпионы? — спросил Геймис.

— Если не хотят идти на риск быть сбитыми дальнобойной ракетой Ву, прежде чем долетят до Сианя, то да.

— «Самуэль Третий»? — переспросил Шенвер.

— Это у нас с имперо такая шутка, — ответил Марс. — Потом объясню.

— Вы настолько хорошо знакомы с имперо, что можете с ней шутить? Впечатляет.

— Ну… — в замешательстве проговорил Марс, — к ней достаточно легко найти подход.

— Да уж, — пробормотал Шенвер, который явно заново оценивал Марса, что повергло того в еще большее замешательство.

— Может, все-таки отправим сообщение? — сказал он, чтобы сменить тему.

— Уже отправлено — нас вызывает диспетчерская служба Сианя, — ответил Шенвер.

— Вы уверены, что это Сиань? — спросил Геймис. — Вы же тут новичок.

— Я отслеживаю другие переговоры из того же источника, — сказал Шенвер. — Если ваши друзья Ву намерены заманить нас в ловушку, они делают это весьма замысловато.

— Никогда не знаешь, чего ждать, — возразил Геймис.

— Да уж, не знаешь, — кивнул Шенвер. — Но сейчас, пожалуй, все понятно: нас только что направили к личным причалам имперо. Как мне сообщили, нам выделено сопровождение. — Он взглянул на Марса. — Научите меня своим шуткам.

У личных причалов имперо их встретил челнок

с имперскими гвардейцами, которые обошли корабль от носа до кормы, забрав с собой команду «Принцессы», содержавшуюся в относительном комфорте в трех каютах. Челнок улетел — на «Оверни» остался лишь небольшой отряд гвардейцев, — и прибыл второй, на борту которого находились еще несколько гвардейцев и импер о.

— Здравствуйте, лорд Марс, — сказала Грейланд, выйдя из челнока. — Мы рады снова вас видеть.

— Здравствуйте, ваше величество, — ответил Марс. Он понимал, что Грейланд использует свое царственное «мы» лишь из-за присутствия имперской гвардии, а вовсе не для того, чтобы сохранить дистанцию, но тут же вспомнил, как они с Кардением лежали голыми в ее постели, и возненавидел собственный мозг. — И я тоже рад видеть вас.

Оглядевшись, Грейланд вновь посмотрела на Марса:

— Так это, значит, «Самуэль Третий»?

— На самом деле — «Овернь», мэм.

— Лорд Марс, это вовсе не тот корабль, на котором вы улетели.

— Да, мэм.

— Мы рады узнать, что в нашем распоряжении имеется корабль-шпион, настолько секретный, что о его существовании не было известно даже нам. Но все же нас беспокоит судьба «Оливира Брансида» и его команды.

— «Брансид» был атакован, команда погибла, не считая меня и еще пятерых.

— Кем?

— Кораблем, который следовал за нами от самого Ядра, мэм. Мы захватили в плен его команду и привезли их с собой. Ваши гвардейцы забрали их на свой корабль, где они будут охраняться надежнее.

— А ваша подруга, доктор Ройнольд?

Марс молча покачал головой, уставившись в пол.

— Приносим глубочайшие соболезнования, лорд Марс, — сказала Грейланд.

— Спасибо, мэм.

— Нам хотелось бы многое с вами обсудить, но, вероятно, причал для челноков — не слишком подходящее место. Не желаете ли вы отправиться с нами во дворец для продолжения беседы?

— Да, ваше величество. Но сперва я хотел бы попросить вас пойти со мной.

— Для чего, лорд Марс?

— На корабле есть кое-кто, с кем, полагаю, вам стоило бы встретиться.

— Они могут тоже отправиться с нами во дворец, лорд Марс. Как и остальные члены вашей команды.

— Спасибо, мэм. Но дело в том, что это не так просто.

Несколько минут спустя, кратко представив остальных, Марс вместе с Грейланд поднялся на мостик. С ними пошел гвардеец, но Грейланд кивком велела ему уйти. Тот нахмурился, но удалился.

— Марс, мне в самом деле жаль Ройнольд, — тихо сказала Грейланд. — Я знаю, что она значила для тебя.

— Спасибо… — Марс запнулся, а затем улыбнулся. — Я едва не назвал тебя Кардинией при посторонних.

— Не стоит. Хотя мне нравится. Но лучше не надо.

— Запомню.

Грейланд огляделась вокруг:

— Я должна с кем-то встретиться?

— Да, — ответил Марс. — Месье Шенвер, можете выйти.

Появился Шенвер в окружении мерцающей

дымки, что показалось Марсу чересчур театральным. Подойдя к Грейланд, которая удивленно уставилась на него, Шенвер изысканно поклонился.

— Здравствуйте, ваше величество, — сказал он.

Грейланд улыбнулась, не сводя с него взгляда, а затем совершила нечто, чего Марс никак не ожидал, — отвесила столь же изысканный поклон.

— Ваше величество… — обратилась она к Шенверу.

— Меня раскрыли! — с откровенной радостью воскликнул тот. — И как быстро! Ваш дорогой лорд Марс не подозревал ничего подобного.

— Он не знает того, что знаю я, — ответила Грейланд.

Шенвер повернулся к Марсу:

— Могу понять, почему она вам так нравится. Мне она тоже нравится, и даже очень.

— Гм… что? — пробормотал Марс.

— Ваш друг… — Грейланд снова посмотрела на Шенвера. — Прошу прощения, не знаю вашего имени?

— Тома Рено Шенвер.

— Ваш друг Тома Рено Шенвер — царственная особа. Король? Император? Великий герцог?

— Просто король, ваше величество.

— Всего лишь, — усмехнулась Грейланд.

— Я не императрица, как некоторые. Но у вас ведь это называется не «императрица»?

— Имперо. Независимо от пола.

Шенвер показал на Марса:

— И тем не менее он лорд, а его отец — граф.

— Вы усматриваете какую-то логику в аристократических титулах?

— Разумно.

— Вы король?! — спросил Марс у Шенвера.

— Да. Вернее, — Шенвер неопределенно махнул рукой, — был королем. Теперь я мертв, а власть сидящего на троне, по традиции, прекращается с его кончиной. К тому же меня свергли, и неясно, являлся ли я королем, когда еще был жив. Я считал, что да, но разве могло быть иначе?

— Я знаю некоторых, которым очень хотелось бы поступить так же со мной, — сказала Грейланд. — В смысле, свергнуть.

— На самом деле я был не против потерять трон, — заметил Шенвер.

— Что, не по душе королевская карьера?

— Зато появляется масса свободного времени. Вот только зачастую тебя хотят не только свергнуть, но и убить. На вас еще не покушались?

— Было пару раз.

— Ну, по сравнению со мной вы ребенок, — усмехнулся Шенвер.

— Если позволите… — вмешался Марс. — Как вы узнали, что он король? — спросил он Грейланд. — Или был королем?

Грейланд махнула рукой в сторону Шенвера:

— Потому что он стал вот этим.

— И как это связано с тем, что он был королем?

— У вас тоже есть нечто подобное, — сказал Шенвер Грейланд. — Столь же впечатляющее, столь же дорогостоящее, столь же неотъемлемое.

— У меня есть нечто под названием «Зал Памяти», — кивнула Грейланд. — Там пребывают все предыдущие имперо — по крайней мере, их воспоминания. Но с вами все по-другому. У них есть воспоминания, и они могут рассказать, что имперо думал или чувствовал, но эмоций как таковых у них нет. Но вы, похоже, тут весь, целиком.

— Да, я тут весь, целиком. Во всяком случае, так я это воспринимаю. Моя семья со временем усовершенствовала программное обеспечение. Возможно, у вас стоит его ранняя версия.

— Я всегда полагала, что оно было разработано по заказу Рахелы, нашей первой имперо.

Шенвер покачал головой:

— Если речь идет о той же самой технологии,

что была у нас, то она появилась намного раньше, еще на Земле. Наши народы, ваш и мой, получили ее незадолго до Разрыва.

— До чего? — переспросил Марс.

— До Разрыва. Так мы называли событие, отрезавшее нас от Земли и сети ее систем, связанных течениями Потока, а также от вас. — Он взглянул на Марса и Грейланд, тупо уставившихся на него. — Что такое? А вы как его называете?

— Никак не называем, — ответил Марс. — Мы знали, что утратили контакт с Землей около полутора тысяч лет назад, но не подозревали, что у нее имелась своя сеть течений Потока.

— И что существовала другая, обособленная группа систем со своим набором течений, — добавила Грейланд.

Шенвер с едва заметной улыбкой посмотрел на обоих.

— Как интересно, — проговорил он. — У вас случились настоящие темные века. Вы обо всем забыли: о Разрыве, о нас, о Земле и ее системах.

— Вы знали о нас? — спросил Марс.

— Конечно знал, — ответил Шенвер. — Собственно, именно так я и оказался в вашем космосе. Формально мое пребывание здесь нарушает договор, но, так как возвращение домой стояло

под вопросом, я готов был рискнуть. К тому же, если вы ничего не помните о вашем договоре с нами и с Землей, вряд ли мне стоит беспокоиться о его нарушении.

— У нас есть договор с вами?

— Да. Естественно, не со мной лично, а с Ассамблеей, частью которой является моя планета Понтье. Всего в ней двадцать систем. Есть еще Земная империя — пятнадцать систем. Ваше сообщество, которое вы теперь называете Взаимозависимостью, — это бывшие Свободные системы, которых больше, чем в Ассамблее или Земной империи. Зато населения в них меньше, поскольку в большинстве наших систем имелись пригодные для жизни планеты, а у вас их… почти не было.

Марс и Грейланд снова ошеломленно переглянулись.

— Вы действительно не знали всего этого? — спросил Шенвер.

— В первый раз слышу, — ответила Грейланд.

Марс кивнул.

— Знаете, во всем этом есть некая ирония, — заметил Шенвер.

— Какая?

— Именно Свободные системы настояли на

договоре, расколовшем человечество на три части. И они же создали Разрыв, когда изоляция показалась им недостаточной.

— Создали Разрыв? — переспросил Марс. — Так это мы инициировали коллапс течений Потока?

— Да, вы. Вернее, ваши предки.

— Это невозможно физически.

— Думайте как хотите, но что случилось, то случилось.

— И вы знаете, как это делается? — спросила Шенвера Грейланд.

— Лично я — ни в коем случае. Может, знает кто-нибудь из ученых Понтье и Ассамблеи? Я не знаю таких — по крайней мере, не знал триста лет назад. Этим секретом владели вы, но не стали им делиться — подозреваю, из желания отгородиться от нас. А теперь, похоже, вы утратили и это знание. Хотя, на мой взгляд, жалеть об этом не стоит, лорд Марс и ваше величество.

— Вы можете подтвердить все, о чем только что рассказали? — спросил Марс.

— Все это есть в наших исторических хрониках.

— И вы взяли их с собой? — спросила Грейланд.

— Ваше величество, — улыбнулся Шенвер, —

улетая с Понтье, я понимал, что покидаю его навсегда. Уверяю вас, я взял с собой все, что мог.

Глава 21

— Что вам известно о Свободных системах? — спросила Кардения у Рахелы Первой в Зале Памяти.

— Они были предшественниками Взаимозависимости, — ответила Рахела Первая. — Правда, к тому времени, когда мы создали Взаимозависимость, никто их так не называл.

— Почему?

— Этот свободный союз систем распался столетиями раньше.

— Почему это произошло?

— По тем же причинам, по которым распадаются многие союзы: столкновение интересов, отсутствие экономической заинтересованности, глупость или продажность правителей, обычная нерадивость или все вышеперечисленное.

— Я импера Взаимозависимости, — сказала Кардения. — Моя мать была историком. Как вышло, что я ничего не знаю о Свободных системах?

— Вообще-то, вы о них знали, но не догадывались, о чем идет речь. Методы образования со

временем меняются. Возможно, эта тема считалась несущественной, когда вы учились.

— Звучит уклончиво, — заметила Кардения.

— Я ощущаю враждебность в вашем голосе, — сказала Рахела Первая. — Но я вовсе не пытаюсь уклоняться от ответа. Не забывайте, у меня нет самолюбия, которое можно задеть, и мне незачем оправдывать свои поступки или поступки других людей. Если мой ответ кажется вам уклончивым, возможно, причина — в формулировке вопросов, чему способствует ваше эмоциональное состояние.

— Вы хотите сказать, что проблема не в вас, а во мне? — спросила Кардения.

— По существу, да.

— Знаете, я сегодня познакомилась с компьютерной имитацией человека, которая при желании могла бы давать уклончивые ответы.

— Прекрасно, — сказала Рахела Первая. — Я, однако, этого не могу.

Глубоко вздохнув, Кардения попыталась сосредоточиться. Черт побери, Рахела была права: настроенная слегка враждебно, Кардения вполне могла задавать неудачные вопросы. Прошла минута, в течение которой изображение Рахелы Первой, как и подобает компьютерной имитации,

молча ждало. Кардения попробовала еще раз:

— А в ваши времена пытались пресечь изучение исторического периода, в течение которого существовали Свободные системы? Что вам об этом известно?

— Нет. Ни я, ни мои современники не задумывались об этом.

— Вы пытались цензурировать или изменять исторические хроники?

— Когда я стала импер, мои пропагандисты активно принялись распространять ту версию создания Взаимозависимости, которую мы хотели передать будущим поколениям, особенно в отношении пророчеств. Ко времени моей смерти наш взгляд — или нечто близкое к нему — стал общепринятым. Естественно, существовали и альтернативные версии, но они не были такими популярными, и их авторы не преподавали в лучших школах. Еще мы приняли законы о богохульстве, которые применялись нечасто, но способствовали победе официальной версии.

— Но вы не переписывали историю времен до создания Взаимозависимости?

— Нет, кроме нескольких лет непосредственно перед этим — периода, когда мы пытались ее создать.

— Вы когда-нибудь слышали об Ассамблее?

— Звучит весьма неопределенно. «Ассамблея» может означать слишком многое.

Кардения с трудом удержалась от желания выругаться, что, впрочем, вряд ли вызвало бы у Рахелы какую-нибудь реакцию, и это злило Кардению еще больше.

— Вам известно о политической организации под названием «Ассамблея», состоявшей из звездных систем, которые не являются и никогда не являлись частью нынешней Взаимозависимости? — задала она конкретный вопрос.

— Нет.

— Вы слышали о Тройственном договоре? — именно так называл его Шенвер.

— Нет.

— Вы слышали о событии под названием «Разрыв», отрезавшем Свободные системы от других человеческих государств?

— Нет.

— Почему Земля стала недоступной для систем Взаимозависимости?

— Из-за коллапса течений Потока, которые вели к ней и от нее.

— Как произошел коллапс?

— Это было природное явление, — ответила

Рахела Первая.

— Вы мне лжете?

— Я не лгу вам преднамеренно. Возможно, я сообщаю вам информацию, которую вы считаете ложной или заведомо ложной, но лишь потому, что она основана на неверно истолкованном личном опыте, а не потому, что я хочу ввести вас в заблуждение.

— Вас интересовало, есть ли другие человеческие системы? Кроме Земли?

— Отчасти да. Учитывая то, что мне было известно при жизни о течениях Потока, казалось вполне возможным, что откроются новые течения и ими воспользуются люди с Земли. Этому была посвящена одна из самых популярных развлекательных программ времен моего правления — «Волшебник страны Оз». Но я никогда этому не придавала большого значения. У нас хватало и других дел.

Кардения ненадолго задумалась.

— Вы самая первая личность в Зале Памяти? Я хочу сказать: есть ли здесь воспоминания и мысли кого-нибудь еще, кроме имперо?

— Нет, — ответила Рахела. — Зал Памяти изначально предназначался для имперо. Я запретила использовать эту технологию кому бы то ни бы-

ло, кроме имперо, — и не только эту, но и все, что напоминает ее.

— Но сама технология существовала до того, как вы ею воспользовались?

— Да. Это очень старая технология, разработанная еще на Земле. Сведения о ней нашел в архивах один из моих ученых. Насколько мне известно, ею ни разу не воспользовались: расходы настолько высоки, что их может позволить себе лишь государство или тот, кто имеет доступ к его богатствам.

— И сколько же стоит содержание этого Зала? — спросила Кардения.

— Прямо сейчас — не очень много: бóльшая часть расходов осталась в прошлом. Затраты на энергию и инфраструктуру входят в затраты на содержание Сианя, который существует только ради имперо. Когда требуются дополнительные деньги на ремонт или модернизацию, имперская казна попросту создает их из ничего, увеличивая денежную массу.

— Не думаю, что это законно.

— Законно, поскольку законом стало мое слово, — ответила Рахела Первая. — Вообще говоря, правительства часто печатают деньги для своих целей. И это был тот самый случай.

— Значит, до создания Зала Памяти эту технологию ни разу не использовали?

— Насколько я знаю, нет.

— Вас не тревожило, что немалая часть нашего прошлого остается неизвестной? — спросила Кардения.

— Это не так, — ответила Рахела. — Но возможно, многое утрачено.

— Как такое могло произойти? Мы с самого начала были высокотехнологичной, освоившей космос цивилизацией — в отличие от Земли, где людям приходилось изобретать огонь, колесо и ракеты.

— Все это технологии, — сказала Рахела. — История — не технология.

— Странно слышать такое от вас в Зале Памяти, — недоверчиво заметила Кардения.

— Зал Памяти — не память сама по себе, — ответила Рахела. — Это лишь средство сохранения памяти. Библиотека — не информация, а лишь средство сохранения информации. Прежде чем сохранять воспоминания или информацию, кто-то должен решить, что именно следует сохранять. Кто-то должен заняться отбором и фильтрацией.

— Но ваши мысли здесь никто не фильтровал, — возразила Кардения. — Здесь хранятся все

воспоминания, мысли и эмоции — ваши и ваших потомков. Именно так работает Зал Памяти.

— Да, — согласилась Рахела Первая. — Все воспоминания, мысли и эмоции, принадлежащие на сегодня всего лишь восьмидесяти семи людям, жившим на протяжении тысячи лет. Рядом с ними жили миллиарды человек, чьи воспоминания, мысли и эмоции навсегда перестали существовать. Их больше нет, но мы здесь. Это и есть фильтрация.

— Значит, кто-то отфильтровал целую эпоху нашей истории?

— Может быть, ненамеренно. Как я уже упоминала в связи с проблемами образования, приоритеты меняются вместе с эпохами. Многое отбрасывается на обочину, и те, кто придет потом, могут и не подобрать отвергнутого, не зная, где искать.

— Или же это сделали специально.

— Да, — кивнула Рахела. — Хотя скрыть прошлое намного сложнее, чем просто предать его забвению.

— То есть?

— Когда что-то скрывают, всегда находятся противники этого, готовые на все, чтобы сохранить сокрытое для потомков: те станут искать его или

обнаружат случайно. Вот почему я никогда не пыталась скрывать альтернативные варианты истории — от этого они становятся лишь привлекательнее для историков будущего. Вместо этого я погребла их под многими слоями официальной истории.

— Легче спрятать под завалами, — пошутила Кардения.

— У меня получилось, — ответила Рахела.

Кардения кивнула, давая понять, что больше не нуждается в обществе Рахелы Первой, и та, замерцав, исчезла. Сидя в пустом, необставленном — как всегда — помещении, Кардения размышляла, где и как можно узнать о реальной истории эпохи, предшествующей Взаимозависимости, когда Свободные системы из-за своей очевидной глупости и упрямства обрекли потомков на кошмарное падение в бездну хаоса. Она понимала, что, если бы эти люди не были ее непосредственными предшественниками, ей, вероятно, тоже захотелось бы похоронить их историю.

Но ей нужно было знать. И не потому, что она не доверяла Шенверу, урожденному королю Понтье Тома Двенадцатому, — у него не имелось особых причин лгать ей или Марсу. Но чрезвычайные заявления требуют чрезвычайных доказательств,

а ничего более чрезвычайного Кардения никогда прежде не слышала. Нужны были обоснования.

Но где их взять? В Имперской библиотеке Ядропада, крупнейшей во всей Взаимозависимости, хранились в печатном и электронном виде пятьсот миллионов томов, относившихся ко временам правления Рахелы. Еще двадцать миллионов книг, рассказывавших в основном о жизни и царствовании различных импер, содержались в Имперской библиотеке Сианя: формально это была личная библиотека импер, хотя и открытая для посетителей и исследователей. Чтобы ознакомиться хотя бы с малой частью этой информации, Кардении не хватило бы не только того времени, которое имелось в ее распоряжении, но, вероятно, даже времени, которое имелось в распоряжении Взаимозависимости до ее полного коллапса. А Взаимозависимости в целом были посвящены миллиарды книг и документов.

«Легче спрятать под завалами», — подумала Кардения. Она представила, сколько усилий потребуется для поиска скрытых исторических фактов, и тут у нее возникла мысль: «Я же в Зале Памяти».

— Цзии, — сказала Кардения, вызывая аватар

Зала Памяти, существо неопределенного возраста и пола.

Цзии предстал перед ней, ожидая указаний.

— В этом зале хранятся воспоминания и мысли всех предыдущих импер?

— Именно так, — ответил Цзии.

— Что еще тут хранится?

— Лучше, если вы будете выражаться конкретнее.

— Что у тебя есть о Разрыве?

— Вы имеете в виду известную музыкальную группу третьего века, фильм восемьсот семьдесят седьмого года или историческое событие, которое произошло до образования Взаимозависимости и привело к потере контакта Свободных систем с Землей и Ассамблеей? — спросил Цзии.

— Значит, это правда, — сказал Марс Кардении ночью в постели.

— Не просто правда, но еще и скрытая, — добавила Кардения. — По словам Цзии, в течение пятидесяти лет, пока длился Разрыв, было принято считать его природным явлением, а не катастрофой, случившейся по вине Свободных систем. Никто не хотел быть виновником.

— Из-за такого чудовищного применения технологии?

— Из-за того, что Свободные системы едва не вымерли от голода. В экономическом смысле они зависели от других систем Ассамблеи и Земной конфедерации так же сильно, как мы все друг от друга. Цзии говорит, что на это указывали многие, но по воле политиков Свободные системы повернулись спиной к другим двум союзам, и, когда все закончили поздравлять друг друга, начались бунты из-за еды и ресурсов. Погибли сотни тысяч, и граждане Свободных систем начали грабить друг друга, пока конфликт не разрешился.

— Они осознали свои ошибки?

— Нет, просто старая гвардия вымерла, а следующее поколение решило никогда не вспоминать об этом. И такой подход более-менее сработал.

— А как об этом узнал Цзии?

— Ответ тебе не понравится, — заметила Кардения.

— Собственно, я только сегодня узнал о существовании Цзии — обитателя тайной комнаты, где ты беседуешь с предками, умершими много столетий назад. Вряд ли что-нибудь из сказанного тобой может потрясти меня сильнее.

— Цзии роется в чужих тайнах.

— Пожалуй, ты права, мне это не нравится, — сказал Марс. — Но как это вообще работает?

— Цзии тысяча лет от роду, и его задача — запоминать. Во всех сетях Взаимозависимости его агенты разыскивают укромные места, где люди хранят информацию или получают ее. Но не всю информацию, а только ту, которую люди активно пытаются скрыть. Цзии рассылает маленькие программы, которые находят ее и приносят ему. А потом она остается у него. Навсегда.

— Но почему только тайная информация?

— Открытая и так доступна, и программа Цзии не видит необходимости извлекать ее. Он берет лишь ту, которая скрыта, — так запрограммировала его Рахела или приказала запрограммировать, поскольку вряд ли была программистом. Я сегодня спрашивала ее об этом, и она ответила: когда что-то скрывают, всегда найдутся те, кто станет возражать. Полагаю, первой была она сама.

— Почему она просто не сообщила тебе, что Цзии занимается этим уже тысячу лет?

— Потому что она — не человек, а программа и отвечает лишь на те вопросы, которые ей задают. Я не спрашивала ее, есть ли информация у Цзии.

— Мне кажется, она просто уклоняется от ответов.

— Мне тоже.

— Значит, Цзии знает все?

— Нет, Цзии знает все, что скрыто. То, что не скрыто, Цзии не записывает. Ему это не нужно — он может просто получить доступ к этой информации, как ты или я. Ну а скрытое может исчезнуть, и Цзии этого не хочет. Это вовсе не означает, будто Цзии мгновенно узнает обо всем скрытом, — он не волшебник. Его агенты есть повсюду, но им требуется время. Однако Цзии терпелив, как никто другой во Вселенной, и рано или поздно найдет все, на поиск чего нацелен. Возможно, за несколько десятилетий или даже столетий, но найдет.

— У меня есть много вопросов, — сказал Марс. — И ни один мне не нравится.

— Мне это тоже не нравится, — призналась Кардения. — Но иначе я не узнала бы правды о нашем прошлом.

— Не совсем так. Информация все равно существовала, и Цзии ее нашел. Точно так же ее могла найти ты, рано или поздно.

— Эта информация существовала очень давно, — покачала головой Кардения. — Кто знает, есть ли она сейчас где-нибудь, кроме как у Цзии?

— Кардения… меня это по-настоящему пугает.

— Да, пугает. И знаешь, что самое странное?

Насколько я могу понять, никто из остальных импе-ро, кроме Рахелы, вообще не знал, что Цзии этим занимается. Они просто использовали его для разговоров с другими импе-ро.

— Как и ты — до сегодняшнего дня, — заметил Марс. — Ведь именно так тебе описали предна-значение Зала Памяти. К тому же он называется Залом Памяти, а не Залом Скрытой Информа-ции.

— Интересно, насколько все изменилось бы, знай об этом другие импе-ро.

— Это был бы кошмар, — ответил Марс. — Аб-солютное знание на фоне абсолютной власти, которая у тебя уже есть.

— У меня нет абсолютной власти, — возразила Кардения.

— Ну конечно же нет, — усмехнулся Марс. — Никого не волнуют твои мистические видения насчет будущего Взаимозависимости, и никого не тревожит, что ты собираешься объявить воен-ное положение, обратившись к парламенту — по собственной прихоти, как обычный человек, не имеющий абсолютной власти.

— У меня нет ощущения абсолютной власти, — поправилась Кардения.

— Пообещай мне, что никогда не расскажешь

своим детям о возможностях Цзии, — сказал Марс. — Ты едва не вышла замуж за одного из Нохамапитанов, и меня пугает даже мысль о том, что могло бы случиться, если бы кто-нибудь из них узнал, на что способен Цзии.

— У меня есть и другие плохие новости для тебя.

— О господи!

Кардения показала на свой затылок.

— В мое тело и мой мозг вшита сеть, — сказала она. — Все, что я думаю, чувствую или говорю, записывается. А когда я умру, все это окажется в Зале Памяти. Даже если я ничего не расскажу своим детям, это вовсе не значит, что они не услышат этого от меня, — просто сперва я должна умереть.

— Наверняка тебя это беспокоит, — после минутного раздумья заметил Марс.

— Немножко. — Кардения пожала плечами и крепче прижалась к Марсу. — Но в этом есть и свои плюсы. В детстве я мало времени проводила с отцом — я любила его, и он любил меня, но мы совсем не знали друг друга. А теперь я могу, если захочу, каждый день приходить в Зал Памяти и говорить с ним. Как будто он вернулся ко мне. Это большое благо.

— Да, — согласился Марс.

— Если, конечно, ты любишь своего родителя, — добавила Кардения. — Вряд ли отец так же часто разговаривал со своей матерью. Насколько я слышала, она наводила ужас не только на него, но и на всю Вселенную.

— А ты с ней когда-нибудь разговаривала?

— Как-то раз я вызвала ее, чтобы задать конкретный вопрос насчет ее политики. Через пять минут я решила, что, наверное, больше никогда не стану с ней общаться.

Какое-то время оба молчали.

— Так ты… сейчас все записываешь? — спросил Марс.

— Запись идет постоянно, — пробормотала Кардения.

— Гм… но…

— Нет, то, как мы занимались сексом, не записывалось. Вернее, запись шла, — уточнила Кардения и тут же увидела легкую панику на лице Марса, — но не в том смысле. Записывались лишь чувства, которые я испытывала.

— И что расскажет твой призрак тому, кто об этом спросит?

— Что было здорово.

— Знаешь… лучше не вдаваться в подробно-

сти.

— Возможно, это будет и твой ребенок, — сказала Кардения, не веря, что подобные слова могли сорваться с ее губ, но было уже слишком поздно.

— Ты не можешь выйти за меня замуж, — небрежно заметил Марс. — Я стою намного ниже тебя по положению. В общем-то, я даже не лорд.

Кардения в притворном гневе слегка шлепнула его по груди:

— Не учите нас, что нам делать, лорд Марс. Мы импер о! И мы обладаем абсолютной властью! Если мы захотим, то запросто выйдем за вас замуж.

— Да, мэм, — ответил Марс. — Прошу прощения, мэм. Готов исполнять супружеский долг, мэм.

— Пока рано. Мы пока что вас испытываем.

— Можешь испытывать меня сколько пожелаешь. Только, пожалуйста, оставь это имперское «мы». Слишком уж чудно́ звучит.

Рассмеявшись, Кардения забралась на Марса и начала осыпать его поцелуями. Вскоре она уже позабыла обо всем — лишь какая-то практичная частичка ее разума продолжала твердить: «Знаешь, а ведь теперь у тебя действительно есть абсолютная власть и абсолютное знание. Возможно, пора воспользоваться и тем и другим».

«Ладно, я подумаю, — ответила Кардения. — А

пока заткнись. Я занята».

Внутренний голос заткнулся, но несколько часов спустя разбудил ее и опять взялся за свое. Немного послушав, Кардения погладила Марса по волосам.

— Думаю, я готова, — сказала она.

— Ну и хорошо, — сонно пробормотал Марс. — Готова к чему?

— К тому, чтобы двигаться дальше, — ответила Кардения. — Поможешь мне?

— Да, — сказал Марс. — Но можно не сейчас? Я бы хотел еще поспать.

Дождавшись, когда он снова заснет, Кардения встала и направилась в Зал Памяти.

Глава 22

Так уж вышло, что всем срочно пришлось менять планы.

Архиепископ Гунда Корбейн сидела во дворике Соборного комплекса Сианя за утренним чаем, когда пришло сообщение, что сегодня в шесть вечера имперо выступит перед парламентом. Прочитав сообщение, Корбейн кивнула, допила чай и велела Юбесу Иси позвонить Тинде Лоуэнтинту, главе аппарата графини Нохамапитан, а затем соединить Тинду с ней.

У них с Тиндой состоялся короткий разговор, а после обмена прощальными любезностями та позвонила графине Нохамапитан — как обычно, уединившейся на «Вините». Голос Лоуэнтинту был полон торжества.

На «Вините» графиня Нохамапитан, также не скрывая восторга, указала главе своего аппарата, с кем нужно связаться и в какой очередности. Некоторым из них предстояло связаться с другими, поэтому в первую очередь следовало позвонить именно им, затем прочим важным персонам и

лишь потом — менее важным, которые должны были обеспечить численность и кворум. Покончив с этим, графиня связалась с Джейсином Ву.

Джейсин Ву, уже слышавший о предстоящем обращении к парламенту, как раз собирался приступить к рассылке собственных зашифрованных сообщений. Графиня напомнила ему о том, что он и так знал, — будто он был ее лакеем, а не управляющим директором самого большого и самого важного дома Взаимозависимости, спасибо огромное. Однако Джейсин ничем не выдал своего раздражения, понимая ценность долговременных союзов и планирования. После разговора он снова принялся звонить людям из своего списка, в том числе адмиралу имперского флота Эмбладу, а потом велел своему помощнику позвонить помощнику Дерана Ву и пригласить двоюродного брата к себе в кабинет для беседы.

Деран Ву, тоже знавший об обращении, явился по приглашению двоюродного брата к нему в кабинет. Когда помощники удалились, закрыв за собой дверь, оба Ву обсудили свои планы и контакты — неодинаковые, но связанные с планами и контактами, о которых знала графиня Нохамапитан. Дом Ву мог считать союз с домом Нохамапитан удобным для себя, но при этом

следовало ясно дать понять, что он не может быть союзом равных и дом Ву, как в нынешнем качестве аристократического дома, так и в будущем качестве имперской династии, остается и навсегда останется старшим партнером.

Выйдя из кабинета двоюродного брата и отправив, по итогам дискуссии, ряд сообщений, а также сделав несколько звонков, Деран Ву сказал помощнику, что у него срочная встреча на другом конце города и все намеченные на этот день встречи следует отменить, после чего, спускаясь на лифте к машине, отправил зашифрованное сообщение Надаше Нохамапитан, подтвердив, что все идет по плану, а потом еще одно, в шутливо-сексуальной манере описав, как они вдвоем отпразднуют их неминуемый успех. Затем он поехал на встречу с человеком, не знавшим, с кем именно ему предстоит увидеться.

С легким отвращением прочитав второе сообщение от Дерана Ву, Надаше Нохамапитан на время выкинула младшего кузена Ву из головы, поскольку у нее имелись дела поважнее — а именно перевод ста миллионов марок с ее тайных счетов на безопасную и компактную флешку, которая была у нее с собой на «Винте». Когда несколько не самых важных тайных

счетов Надаше оказались заблокированными и арестованными, ее охватила легкая паника, и она решила, что настал подходящий момент для снятия наличности.

Сто миллионов марок ничего не значили по сравнению с долей Надаше в корпорации дома Нохамапитан, но она временно считалась мертвой, и возможности доступа к ее законным счетам резко уменьшились. Предполагалось, что мать Надаше присоединит эту долю к своим авуарам, но пока этого не случилось, и сейчас лучше было иметь сто миллионов марок, чем ничего.

Естественно, если бы все пошло по плану, Надаше вскоре воскресла бы из мертвых. Многое, однако, зависело от Дерана — именно поэтому Надаше до поры до времени терпела его мерзкие сообщения. Вторая часть плана полностью зависела от другого человека — адмирала имперского флота Эмблада. Надаше решила, что пришло время позвонить ему.

Звонок от покойницы поверг Лонсена Эмблада в шок, но, после того как идентификационные данные подтвердились и Эмблад убедился, что с ним говорит не пранкер и не агент флотской разведки или Министерства расследований, у них состоялась долгая и плодотворная дискуссия

относительно сделанных обещаний, полученных выплат, выполнявшихся планов и перспектив их дальнейшего выполнения, на что рассчитывала Надаше. Когда Надаше отключилась, Эмблад немного поразмышлял о звонке с того света и о том, на кого ему следует ставить — на дом Ву или дом Нохамапитан. Чтобы принять решение, у него оставалось несколько часов, и адмирал Эмблад решил подумать на эту тему в офицерском клубе за выпивкой.

Кива Лагос — именно она поковырялась в менее важных счетах Надаше, просто из желания выяснить, что станет делать с деньгами тот, кто снял их, — получила известие об обращении к парламенту во время визита к Сении Фундапеллонан, которая праздновала удаление долбаной дыхательной трубки из своего горла. Кива лишь улыбнулась, зная, что план уже приведен в действие, и со сладострастным наслаждением ожидая развития событий.

Пока же она рассказала Сении Фундапеллонан о событиях этого дня: та утратила последние остатки любви к Нохамапитанам и была рада слышать о постигших этот дом неприятностях, а кроме того, Киве просто нравилось с ней разговаривать. Кива подумала, что у них начинается

что-то вроде романа. С одной стороны, это было слишком не похоже на Киву, но, с другой стороны, мать твою растак, она ведь не была каким-то там долбаным персонажем, которому писака указывает, что делать.

Фундапеллонан улыбнулась Киве, которая ей тоже, в общем, нравилась.

Извещать Марса Клермонта об обращении к парламенту не требовалось — он был свидетелем того, как принималось это решение. Сам факт повергал его в легкое ошеломление — не столько потому, что решение приняли в его присутствии, сколько из-за того, что его приняли в постели импero, где он лежал голышом, наслаждаясь послевкусием утреннего секса. Марс все яснее осознавал, что влюбился в Кардению не потому, что она была импero (это, можно сказать, пугало его до смерти), а потому, что в своей неловкости они идеально дополняли друг друга.

Но, наслаждаясь новообретенной любовью к Кардении, Марс ощущал все большую тоску, прекрасно понимая, что отношения их обречены — не потому, что они не подходили друг другу, но потому, что она была импero, а он стоял намного ниже ее на ступеньках лестницы власти. Импero не вступали в брак по любви, и Кардении

предстоял тяжкий выбор, к чему Марс был готов почти на подсознательном уровне.

Пока, однако, Марс по просьбе Кардении обрабатывал данные, которые они с Ройнольд («Да брось, почти все это — данные Ройнольд», — твердил внутренний голос) собрали на Даласисле, добавляя их к имеющейся информации, а затем к колоссальному массиву исторических сведений о течениях Потока, предоставленному Шенвером: он включал данные об Ассамблее, Земле и даже Свободных системах. Возраст шенверовских сведений составлял от трехсот до полутора тысяч лет, но это лишь означало, что Марс теперь втрое лучше понимал общую топографию Потока; вместе с новой информацией возникало новое и, хотелось надеяться, более правильное представление о том, как Поток переместился в их область космоса. Не будь Шенвер виртуальным образом, Марс обнял бы его от всей души.

Тома Рено Шенвер, бывший Тома Двенадцатый, который, если честно, был свергнут с трона не без веских причин, знал об обращении к парламенту, но не уделил ему особого внимания — оно почти не затрагивало его текущих интересов. Сейчас его больше интересовала маленькая программа-агент, которую он изолировал в виртуальной

«песочнице». Программа эта пыталась получить доступ к «Оверни» и отличалась совершенно необычным — уникальным в этой части космоса — принципом работы. Шенвер выловил ее, разобрал на части, узнал об особенностях кода и понял, что это агент того самого полуавтономного искусственного интеллекта, о котором упоминала империо Грейланд Вторая. Поразмыслив, Шенвер решил, что лучше действовать постепенно, и отправил программу ее хозяину, добавив приглашение встретиться лично.

Цзии, который пока не получил этого приглашения, знал об обращении к парламенту: империо Грейланд Вторая с раннего утра обсуждала его в Зале Памяти с имперскими аватарами, главным образом с Рахелой Первой и Аттавио Шестым, а также с самим Цзии, поскольку империо не располагали имевшейся у него информацией. Цзии, не обладавший эмоциями и чувствами и способный лишь передавать записанные мысли и чувства бывших империо нынешнему, ничего не думал о выступлении в парламенте. Если бы его спросили, он бы, вероятно, ответил, что придется подождать, пока нынешняя империо Грейланд Вторая не умрет и ее наследник не задаст ей этот вопрос.

Нынешнюю имперо Грейланд Вторую, пока что не умершую, извещать не требовалось, поскольку она сама собиралась выступить с обращением и сообщила всем, где состоится ее выступление. Когда прошло достаточно времени, чтобы информация успела распространиться, Грейланд Вторая издала еще одно распоряжение, направив ряд личных приглашений на особый прием перед обращением, начинавшийся в четыре часа дня в танцевальном зале имперского дворца. Как предполагалось, прием будет недолгим, чтобы все успели добраться от имперского дворца до здания парламента, находившегося в другом конце Сианя. Но, как говорилось в приглашении, он обещал стать незабываемым.

Каждое приглашение сопровождалось небольшим печатным уведомлением от имени имперо: адресата, говорилось в нем, ждет признание его личных заслуг и достижений перед Взаимозависимостью. Отказы не принимались, имперо требовала обязательного присутствия и прибытия не позднее четырех часов десяти минут.

Впрочем, Грейланд не слишком беспокоилась, уверенная, что никто из приглашенных не захочет пропустить подобное событие.

Кива, как и требовалось, явилась ровно в четы-

ре — в брючном костюме, совершенно идиотском, но модном, а значит, приемлемом для такого мероприятия, чему бы оно ни посвящалось. Помощница Грейланд не вдавалась в подробности, но подчеркнула, что имперо лично требует присутствия Кивы. Что ж, ладно. Кто знает, может, в итоге они будут расчесывать друг другу волосы и хихикать, обсуждая парней.

У Кивы возникло желание отыскать Марса Клермонта, с которым — она почти не сомневалась — теперь трахалась имперо. Ну и ладно. Киве нравился Марс, который был неплох в роли любовника, пусть и не обладал богатым воображением, и выглядел вполне приличным человеком, особенно в мире, где это качество отнюдь не ставилось во главу угла. Вероятно, он мог стать хорошей парой для имперо, которая тоже выглядела приличной женщиной, да и трахаться, вероятно, умела не хуже, пусть и не проявляла особой оригинальности. Впрочем, не каждый умеет быть оригинальным, да и не каждому это нужно.

Вот только Марса в зале Кива не увидела. Помещение заполнили представители политической и экономической верхушки Взаимозависимости: парламентские шишки, главы или управляющие

аристократических домов, горстка адмиралов и генералов, даже несколько епископов включая Корбейн. Все присутствующие, не считая тех, кто разносил напитки и закуски, по своему положению стояли намного выше Кивы — еще одно подтверждение того, что приглашению на прием она была обязана приятельским отношениям с Грейланд или чему-то подобному.

Что-то блестящее привлекло внимание Кивы. Повернувшись, она увидела в зале долбаную графиню Нохамапитан, оживленно беседовавшую с Джейсином Ву и адмиралом Эмбладом; те вежливо ее слушали, но им явно было наплевать на ее болтовню. Кива начала подсчитывать, сколько у нее может возникнуть проблем, если она выскажет графине все, что о ней думает, прямо в этом долбаном зале. Подсчет оказался не в пользу Кивы, и она решила немного выпить — вдруг это что-то изменит?

Прежде чем она успела махнуть разносчику напитков, открылась боковая дверь и объявили о прибытии имперо. Все встали и захлопали. Кивнув в ответ на аплодисменты, Грейланд Вторая направилась к богато украшенной трибуне в передней части зала. Имперо явно намеревалась сказать несколько фраз и, возможно, раздать

ряд долбаных дурацких наград. Кива мысленно застонала: если бы она знала, что мероприятие будет посвящено чему-то подобному, то вполне могла пропустить его. Окинув взглядом зал, она увидела, что у пары сотен важных персон возникла примерно та же мысль, что и у нее.

«Ну давай же, — пробормотала Кива себе под нос, — переходи уже к своему обращению. И размозжи несколько долбаных черепушек».

Дожидаясь окончания аплодисментов, Грейланд с улыбкой кивнула и помахала рукой кое-кому из присутствующих. Найдя в толпе Киву, она улыбнулась и ей — но не только улыбнулась.

«Погоди… она что, подмигнула мне, мать твою?» — подумала Кива, снова окидывая взглядом зал на случай, если подмигивание было адресовано не ей. Но рядом с ней не было никого, кто, по ее мнению, мог представлять хоть какой-то интерес для Грейланд. А значит, та подмигивала именно ей.

Кива пожалела, что не успела взять бокал. Что-то подсказывало ей: выпивка скоро понадобится.

— Приветствую вас, дорогие друзья, — сказала Грейланд, когда аплодисменты смолкли. — Как много вас собралось сегодня здесь. Я очень рада видеть лучших представителей Взаимозависимо-

сти, всегда готовых исполнить долг перед нашим союзом. Знаю, вам не терпится увидеть, как я оконфужусь перед парламентом, — (в зале послышались почтительные смешки), — но сначала я должна вручить несколько наград, так что не откажите мне в удовольствии. Леди Кива Лагос, не будете ли вы так любезны подойти к трибуне?

«Что за хрень?» — подумала Кива, идя к трибуне под вежливые аплодисменты.

— Леди Кива, за весьма короткое время вы проявили себя как проницательный и крайне осведомленный специалист в вопросах бизнеса, — продолжала Грейланд. — Когда я поручила вам опекунское управление домом Нохамапитан, никто не ожидал, что вы сделаете так много для упорядочения финансов дома и сведения его бухгалтерского баланса. Воистину вы — лучшее из того, что могут предложить аристократические дома. И поэтому я отдаю вам свободное место в исполнительном комитете Взаимозависимости. Мои поздравления, леди Кива.

Последовали аплодисменты. Подошла какая-то женщина и подала Киве хрустальную хреновину, которую та тупо взяла одной рукой, протянув другую сошедшей с трибуны Грейланд.

— Мне не нужна эта долбаная работа, ваше

величество, — тихо сказала она, наклонившись к уху Грейланд.

— Знаю, — ответила Грейланд. — Но все равно вы мне нужны там. Извините.

Усмехнувшись, Кива направилась было обратно, но Грейланд удержала ее за локоть:

— Нет, постойте здесь. Чуть позади трибуны.

— Да, мэм.

— Думаю, вы не захотите ничего пропустить, — сказала Грейланд и, снова подойдя к трибуне, пригласила на нее архиепископа Корбейн.

Архиепископ поднялась на трибуну, облаченная в свой пышный наряд, — по крайней мере, так полагала Кива, которая почти не посещала церковь, хотя однажды занималась сексом в соборе: классно для тех, кто любит холод и гулкие своды, но Кива поняла, что не испытывает к ним особой любви.

— Вы говорили, что хотели обратиться ко мне по некоему поводу, — сказала Грейланд. — У вас есть шанс, архиепископ.

Глядя, как архиепископ поднимается на трибуну, Кива вдруг заметила, что толпу охватили неуверенность и замешательство. Некоторые перешептывались, на многих лицах застыло уныние.

— Ваше величество, в последний месяц многие серьезно тревожатся из-за вашего поведения, — заговорила архиепископ Корбейн. — Ваши видения будущего Взаимозависимости, утешительные для многих наших прихожан, тем не менее вызывают среди влиятельных персон, как в нашей церкви, так и за ее пределами, вполне законную озабоченность по поводу вашего душевного состояния и вашего душевного здоровья, да, именно так. — Ропот тут же стал громче. — Учитывая вышесказанное, хотелось бы прояснить позицию Взаимозависимой церкви по данному вопросу.

Столь же внезапно наступила тишина, длившаяся несколько секунд.

«Мать твою, не тяни! — подумала Кива. — Кончай уже!»

— Взаимозависимая церковь подтверждает и признает, что природа и сущность ваших видений соответствуют нашим доктринам и нашей вере, и всецело принимает эти откровения, могущественные и величественные в своей силе, — объявила архиепископ, и ропот поднялся снова. — Заявляю также, что вы — глава нашей церкви и пребудете ею. Мы последуем туда, куда укажете вы.

С этими словами архиепископ сошла с трибуны, опустилась перед Грейланд Второй на колени и поцеловала ей правую руку.

Зал взорвался.

Грейланд Вторая велела архиепископу встать и занять место рядом с Кивой. Кива посмотрела на Корбейн, но та отвела взгляд. Было заметно, что она обильно вспотела.

«Да уж, жаль, что я не успела взять бокал», — подумала Кива и тут же заметила, что вся обслуга в зале исчезла вместе с женщиной, вручившей Киве хрустальную хреновину, которую та все еще держала в левой руке. Кива решила положить хреновину на пол.

К этому времени Грейланд вернулась на трибуну и подняла руки, стараясь установить тишину. Наконец ей это удалось.

— Знаю, последнее могло удивить многих из вас, — сказала она. — Как наверняка удивит и дальнейшее. Каждому из приглашенных сообщили, что их служение Взаимозависимости будет должным образом вознаграждено. Итак, приступим. Мои дорогие друзья, все просто. Все, кто стоит передо мной в этом зале, арестованы за измену.

Двери с грохотом распахнулись, и зал по пе-

риметру окружили вооруженные имперские гвардейцы, выстроившись также перед трибуной, на случай если какой-нибудь придурок вздумает наброситься на импера.

Но никто даже не пытался. Послышалось лишь несколько возгласов и воплей, после чего толпа высокопоставленных изменников ошеломленно смолкла.

— Я знаю, о чем вы думаете. Как я посмела вас обвинять? Но вас обвиняю вовсе не я, друзья мои.

Грейланд кивнула в сторону боковой двери, в которую вошел Деран Ву. Снова послышались крики, некоторые устремились к Дерану, но их тут же утихомирили поднявшие оружие гвардейцы. Деран продолжал бесстрастно стоять.

— Деран оказал нам немалую услугу, подробно изложив суть заговора, — продолжала Грейланд. — Должна сказать, меня впечатлила театральность замысла. Архиепископ Корбейн должна была осудить меня перед парламентом, произнося благословение, и объявить о расколе в церкви. Затем должна была встать графиня Нохамапитан и обвинить меня в организации убийства ее дочери Надаше.

— Это ты ее убила! — взвизгнула графиня. —

Она погибла из-за тебя!

— Утром, когда я посылал ей сообщение, она была жива, — сказал Деран Ву, и в толпе послышались судорожные вздохи. — Сейчас она находится на вашем корабле.

— Адмирал Эмблад, — сказала Грейланд, — вы должны были встать и сообщить, что имперский флот больше не подчиняется мне, а затем, в качестве завершающего удара, — она перевела взгляд на того, кто стоял рядом с адмиралом, — вы, Джейсин Ву, должны были объявить, что дом Ву, мой дом, больше не может поддерживать меня как импера и что с ним солидарны несколько десятков других домов. Как видите, все эти дома представлены здесь.

«Забавно, черт побери!» — подумала Кива. От тишины в зале звенело в ушах.

— Кстати… — Грейланд снова кивнула на боковую дверь.

— Господи, что еще? — проговорила архиепископ Корбейн.

Вошел опрятно одетый человек в черном и встал перед собравшимися.

— Кузен, — обратилась к нему Грейланд, — возможно, вы помните капитана Кава Понсуда. Вы наняли его корабль от имени присутствующей

здесь графини Нохамапитан, чтобы догнать и уничтожить корабль, на борту которого находился лорд Марс Клермонт с Края. Вы сделали это потому, что, по мнению графини, лорд Марс был для меня крайне важен, и, убив его, она причинила бы мне боль.

Кива взглянула на графиню Нохамапитан, которая с трудом пыталась скрыть улыбку при мысли, что Марс Клермонт разорван на куски в космосе.

«Сука! — подумала Кива. — Сейчас бы ей хорошего пинка».

В боковую дверь вошел еще один человек — Марс Клермонт — и посмотрел на графиню.

— Вы промахнулись, — сказал он. — Но вы убили почти всех остальных членов моей команды. Их кровь на ваших руках, графиня.

Он отошел назад, встав позади Грейланд. Кива заметила, как он смотрит на имперо. О да, у них точно роман.

— Итак, — произнесла с трибуны Грейланд Вторая, — я знаю, зачем я сегодня сюда пришла. Поговорим теперь о том, зачем сюда пришли вы. Вы считаете меня слабой. Вы думаете, будто я — наивное дитя. Вы полагаете, будто мои тревоги из-за коллапса Потока станут помехой для

вашего бизнеса и ваших собственных планов по обретению власти. Вы считаете, что мои видения — следствие психической неустойчивости, бредовых идей или цинизма. Вы думаете, что, если я стала импер случайно, мне не следует быть импер вообще. Каждый из вас думает обо всем этом, хотя бы немного. И поэтому вы договорились избавиться от меня, возведя на трон моего кузена Джейсина, и сохранять статус-кво, пока это позволяют течения Потока, предоставив другим беспокоиться о том, что случится впоследствии. Так вот, друзья мои, прошлой ночью мне явилось видение. Новое видение. Мне открылись все ваши планы, все ваши интриги. Я увидела все ваши мошеннические и обманные проделки, ваши тайные делишки и ваши тайные банковские счета. Я увидела каждого из вас таким, каков он есть на самом деле, а не таким, каким он пытался притворяться. Во время видения вы стояли здесь, передо мной. Как сейчас. Вы могли бы стать лучшими представителями Взаимозависимости, но предпочли иной путь. И кто теперь слаб? Кто был наивен? Кто циничен? И кто тут импер? Вы усомнились во мне, но теперь можете не сомневаться. Вы пришли, чтобы уничтожить меня. Но я не уничтожена. Вы пришли, чтобы сжечь меня.

Но именно я — всепоглощающий огонь. Вам предстоит ощутить на себе его жар. Таким было мое видение и мое пророчество. И вот оно сбылось.

Грейланд завершила свою речь — воистину долбаный шедевр, — и в воздухе повисла гнетущая тишина. Кива почувствовала, как по ее рукам бегут мурашки.

Внезапно имперо хлопнула в ладоши:

— Что ж, ладно. Мне предстоит выступление перед парламентом, так что…

— Это я его убила! — завопила вдруг графиня Нохамапитан.

— Прошу прощения? — переспросила Грейланд.

— Твоего братца! Реннереда! Я подпортила его машину! — Графиня шагнула к Грейланд, которая не двинулась с места. — Именно из-за меня он врезался в стену! Это я его убила! Только благодаря мне ты стала имперо! Ты обязана мне этим!

Задумчиво спустившись с трибуны, Грейланд подошла к графине и посмотрела ей прямо в глаза:

— Ни черта я вам не обязана, леди.

С этими словами она покинула зал.

— Ни хрена себе вечеринка! — сказала Кива Марсу. — Ничего лучше я не видела.

Эпилог

— Значит, ты все-таки победила, — сказал Аттавио Шестой своей дочери в Зале Памяти. — Великие дома в смятении — слишком многие из них согласились участвовать в предательстве. Церковь под полным твоим контролем. Армия избавляется от враждебных элементов. И ты объявила военное положение.

— Я не объявляла военного положения, — возразила Кардения. — Я сообщила парламенту, что у них есть полгода, чтобы разработать план подготовки Взаимозависимости к коллапсу Потока. Если им это не удастся, этим займусь лично я. В ближайшие полгода обрушатся еще двадцать течений Потока, и дальше будет только хуже.

— Ты говорила, что, по мнению твоего друга лорда Марса, можно использовать эфемерные течения для выигрыша времени?

— Пожалуй, лорд Марс чрезмерно оптимистичен, но я-то нет. Я вынуждена исходить из наихудшего сценария. И вот он, наихудший сценарий: Взаимозависимость не готова к коллапсу

из-за медлительности парламента, а единственная имеющаяся в нашем распоряжении планета, на поверхности которой возможна жизнь, недоступна из-за еще одного Нохамапитана.

— На Край пока что послали только один корабль, — заметил Аттавио Шестой.

— Зато большой, папа.

На борту «Пророчества Рахелы» находилось десять тысяч морпехов и столько оружия, что оно могло превратить в металлическую стружку любой объект, выходящий с отмели Потока.

— Но все равно один.

— Уже нет, — покачала головой Кардения. — Когда арестовали адмирала Эмблада, к отмели Потока прорвались несколько флотских кораблей поменьше — команды знали, что, если они останутся, где были, их тоже арестуют. Всего четыре корабля. Грени Нохамапитан на Крае только что получил подкрепление. И кто знает, может, Надаше тоже там.

Надаше сбежала с «Вините во всем меня» прежде, чем ее успели схватить, вместе с сотней миллионов марок на флешке. Единственное, что она оставила, — записку с текстом: «Чтоб тебе сдохнуть, Деран Ву, долбаный урод!» Судя по всему, Надаше застигло врасплох заявление Дерана

о том, что она жива.

Дерану предстояло выйти сухим из воды: он сам пришел в Министерство информации с флешкой, полной подробностей заговора, и попросил о сделке; министерство удовлетворило его просьбу еще до того, как Кардения узнала о ней. Это раздосадовало ее, поскольку в информации Дерана она не нуждалась: все, что имелось у него, она добыла через Цзии. Она предпочла бы, чтобы Дерана швырнули в ту же тюремную камеру, что и его двоюродного брата: все-таки он участвовал в найме корабля, который уничтожил «Оливир Брансид» и едва не убил Марса. Однако Кардения решила, что лучше не устраивать сцену с волшебным появлением данных: Цзии получал информацию не вполне законным способом, зато показания Дерана вполне годились для суда.

Так или иначе, Деран стал героем, участвовавшим в сборе сведений для раскрытия широкомасштабного заговора против имперо. Естественно, все это была полная чушь, но в итоге он сделался старшим управляющим дома Ву — вместо Джейсина. Вряд ли Деран когда-либо желал большего.

«По крайней мере, ты знаешь, где его, в случае чего, искать», — подсказал Кардении внутренний голос. А вот местонахождение Надаше оставалось

неизвестным. Доступа к средствам дома Нохамапитан она не имела; после того как графиня Нохамапитан в припадке злобы призналась в убийстве Реннереда, Кардения приказала заморозить и подвергнуть аудиторской проверке все счета Нохамапитанов, — но, располагая даже сотней миллионов марок, Надаше все еще могла причинить немало вреда.

«Надеюсь, ты отправилась на Край, — подумала Кардения. — Хоть на время окажешься от меня подальше».

— Похоже, я тебя потерял, — сказал Кардении Аттавио Шестой.

— Просто задумалась о разных проблемах. Извини.

— Могу и подождать, мне все равно, — заметил Аттавио Шестой.

— Тебе вообще все равно, — улыбнулась Кардения. — И все же мне очень нравится с тобой разговаривать. Жаль, что у нас было не много таких бесед при твоей жизни. Но даже так неплохо.

— Спасибо, — ответил Аттавио Шестой. — Мне тоже нравится — в той степени, в какой мне вообще может что-то нравиться.

Выйдя из Зала Памяти, Кардения обнаружила

Марса, читавшего сообщение на планшете.

— Я только что говорила о тебе, — сказала Кардения, подходя к нему.

— Со своими воображаемыми друзьями?

— Они не воображаемые. Просто не настоящие.

— Невелика разница.

— Но все же она есть.

— И о чем ты говорила?

— Что ты можешь быть оптимистом относительно динамики Потока, а я — нет.

— Не знаю насчет оптимизма, — ответил Марс, — но энтузиазма хоть отбавляй. Нам теперь известно куда больше, чем даже пару месяцев назад. Если хочешь, могу поделиться своими мыслями на этот счет.

— Да, пожалуйста, — ласково попросила Кардения. Ей нравилось, когда Марс хвалился своими познаниями.

— У меня такое ощущение, что на теперешний коллапс течений Потока, по крайней мере отчасти, повлиял Разрыв, — сказал Марс.

— Что значит — повлиял?

— Воздействовал на стабильность течений Потока в локальном космосе — сотряс их или сместил. Думаю, Разрыв вызвал нечто вроде про-

дольной волны, прошедшей по всему Потоку, и теперь мы наблюдаем ее последствия.

— Продольной волны?

— Ну… не совсем, — заметил Марс. — По сути, случилось нечто совсем иное, но мне не описать этого человеческим языком. «Продольная волна» — самый подходящий термин, который я нашел. Если бы ты знала язык математики, может, я сумел бы объяснить.

— На языке математики с тобой общалась Хатида Ройнольд.

— Да, — кивнул Марс. — И на весьма хорошем уровне.

— Я крайне сожалею о ее гибели.

— Я тоже. Так или иначе, с моей стороны это лишь ничего не значащие рассуждения, поскольку сама сущность Разрыва мне неизвестна. Я наблюдаю его последствия, копаясь в данных того времени, которые предоставил Шенвер, но не знаю сути самого процесса. Я пытаюсь провести обратную экстраполяцию, но это не лучший метод. Ты спрашивала Цзии о том, есть ли сведения о математической сущности Разрыва? Или о том, что стало его причиной?

— Нет, никаких сведений нет, — солгала Кардения.

— Что ж, жаль, — сказал Марс. — Но суть вот в чем: мы всегда полагали, что никакие наши действия не способны повлиять на Поток. И все-таки, возможно, они способны на это. Мы знаем, что есть способ его перекрыть.

— А есть способ открыть его снова?

— Течение Потока?

— Да.

— Перекрыть течение Потока относительно легко, — покачал головой Марс. — Нужно всего лишь отсечь его у отмели Потока.

— Всего лишь?

— Я же сказал — относительно, — заметил Марс. — Открыть отмель Потока намного сложнее: необходимо получить доступ к среде Потока и возможность двигаться внутри ее. Скажем так: перекрыть течение Потока — это примерно как закрыть дверь. Открыть течение Потока — это примерно как пробить туннель сквозь гору.

— Мне нравится, когда ты говоришь на человеческом языке, — сказала Кардения.

— Это второй мой любимый язык.

Кардения показала на планшет:

— Там есть что-то о течениях Потока?

— Нет, совсем другое. Сообщение от сержанта Шеррил, с которой ты встречалась.

— Помню.

— Она говорит, что списанная «пятерка» уже летит к Даласисле. — Марс показал сообщение. — Корабль набит едой, семенами, гидропоникой, технологиями, произведениями искусства и развлечениями, которым не восемьсот лет, а чуть меньше. Удивительно, как быстро удается загрузить «пятерку», если это делается по приказу импер о.

— Ты сказал, что им это необходимо.

— Однозначно необходимо. — Марс положил планшет. — Видела бы ты их корабль.

— Я же тебе еще тогда говорила: «Жалею, что не могу полететь с тобой».

— Я рад, что ты не полетела. Именно поэтому ты все еще жива.

Кардения улыбнулась в ответ:

— Ты узнал от даласисланцев что-нибудь такое, что может нам помочь?

— Я узнал, что, если выбора нет, мы способны выживать намного дольше, чем кто-либо предполагал, — ответил Марс. — Урок не самый выдающийся, но все же урок. Однако это работает лишь для очень небольшого количества людей. Если мы хотим спасти миллионы, нужно мыслить намного масштабнее. И единственный

реальный способ — переправить людей на Край.

— Для этого потребуется тайком пробраться мимо большого корабля мятежников, — сказала Кардения. — Сейчас мы можем только отправлять корабли к отмели Потока на неминуемую гибель, пока у мятежников не закончатся боеприпасы. Если придумаешь что-нибудь еще — сделаю тебя герцогом Края.

— В этом нет никакой нужды.

— Вы указываете мне, как я должна поступать, лорд Марс? — пошутила Кардения.

— Простите, мэм.

— И все-таки попробуй придумать, как проникнуть на Край.

— Что ж, посмотрим. — Марс взял планшет и открыл документ. — Похоже, я кое-что нашел.

Благодарности

Истинная правда — я начал глубоко и искренне ценить то, что делает команда издательства «Тор» ради моих книг. Я сдавал их практически в последний момент, но тем не менее сотрудники «Тора» отлично справлялись со своей работой, превращая мою рукопись в книгу, которую стоит покупать и хранить как сокровище. Мне это нравится и хочется как можно сильнее им угодить.

Итак, выражаю благодарность моему редактору Патрику Нильсену Хейдену; его помощнику Аните Окойе; художественному редактору Ирен Галло, обратившейся к Николасу «Спарту» Бувье за впечатляющей обложкой (вот реальная история: как часто бывает в издательском бизнесе, обложка делалась еще до написания книги и оказалась настолько потрясающей, что я постарался включить в книгу сцены, которые могли бы соответствовать обложке); дизайнеру текста Хезер Сондерс; моему рекламщику Алексису Саареле и, наконец, литературному редактору Деанне Хоук, которой я особенно благодарен, поскольку

сдал книгу в последний момент, предупредив, что редакторской работы там хоть отбавляй, — и Деанна не только меня не убила, но и отлично справилась с задачей. Спасибо также Деви Пиллаи, Люсилль Ретино, Фрицу Фою и Томсу Доэрти.

Благодарю Беллу Паган из британского подразделения «Тора», а также Лизу Брюстер за синюю картинку на обложке.

Как всегда, спасибо Стиву Фельдбергу из «Одибла» и его потрясающей команде. Заодно спасибо Уилу Уитону — просто хорошему чуваку.

Могучая команда в составе Этана Элленберга, Биби Льюис, Джоэла Готлера и Мэтта Шугармана занималась всеми моими агентскими и юридическими вопросами, за что приношу им свою скромную благодарность.

Спасибо Мег Франк, Оливии Аль и Ривенне Льюис за то, что заглянули ко мне на последнем этапе написания книги, желая убедиться, что я окончательно не свихнулся. Кроме того, спасибо Кейт Бейкер, Янни Кузне и Мэри Робинетт Коваль и многим другим друзьям, поддерживавшим меня, когда я в этом нуждался.

Особая благодарность — Патти Гарсия за то, что она остается все такой же потрясающей в

течение многих лет.

Не благодарю «Твиттер» и «Фейсбук», пытавшихся ежедневно засосать меня в свою пучину, когда мне нужно было писать.

(Но спасибо всем моим друзьям и родным в «Твиттере» и «Фейсбуке». Вы изумительны.)

И, как всегда, спасибо Кристине и Атине Скальци, моей жене и моей дочери, которые относятся ко мне намного терпеливее, чем я того заслуживаю. Я бы добавил еще многое, но сейчас семь утра, и я не спал всю ночь, заканчивая книгу, так что мой мозг превратился в желе. Так или иначе, они знают, что я их люблю — о чем я говорю им каждый день и пишу в книгах, как, например, в этой, прямо сейчас.

Джон Скальци,
18 июня 2018 г.